

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

1'2022

Выпуск 1 (219)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 1 (219) 2022

ТОМСК
2022

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Полякова, А. В. Курьянович

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ.

Адрес издательства, типографии: ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 19.01.2022. Дата выхода в свет: 25.01.2022. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 19,75. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1202/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. А. Турчинович. Корректор: Г. В. Кругликова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 1 (219) 2022

**TOMSK
2022**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)

M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

N. V. Polyakova, A. V. Kur'yanovich

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 19.01.2022. Submitted for printing: 25.01.2022. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1202/H

Production editor: L. V. Dombrauskayte. Text designer: O. A. Turchinovich. Proofreading: G. V. Kruglikova

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Макаровских А. В. Последовательность элементов парных образований гендиадического типа 7
Селезнева Н. Е., Барская О. В. Языковые средства выразительности в англоязычных военных публикациях 15

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Трофимова Н. А. Русская специальная лексика строительства: терминографический аспект 23
Щетинина А. В., Семёхина А. С. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: опыт портретирования лексемы и понятия 33
Багрян А. Ю., Моногарова А. Г. Лингвоаксиологическое манипулирование как элемент формирования профессиональной идентичности преподавателя 43
Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров 54

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI века 65
Вилкова Ю. Е. Аксиологическое пространство научно-популярного видеоблогинга (на примере анимационных видеороликов о здоровье YouTube-канала «Научпок») 76

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Курьянович А. В., Дубина Л. В. Сравнительно-лингвокультурологический анализ фразеологизмов тематической группы «человек» (на материале русского, чешского, украинского и польского языков) 84
Го Чуньянь. Анализ диалога в пьесе Г. Пинтера «Last to go» в аспекте лингвистики текста 93
Ду Цзинцзэн, Сунь Юйно. Лингвокультурологические особенности свадебного этикета в русских и китайских обычаях 102
Нуеун Тхи Тхуй Кунь, Крицкая Н. В. Песенные тексты анимационных фильмов и особенности их перевода 114
Ильина Е. В. Синхрония в устном последовательном переводе: опыт мультимодального анализа невербальной коммуникации 123
Гичгелдиева М. О. Особенности интерпретации метафорических образов в переводе «Колымских рассказов» на английский язык Дж. Глэда 132
Мехризи М. А., Аввал А. М. Сопоставительное сравнение понятия управления в русском и персидском языках 141

ПЕДАГОГИКА

- Ли Бин. Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае 149

CONTENTS

GERMAN LANGUAGES

- Makarovskikh A. V.* Sequence of Constituents in Hendiadich Pair-Word Constructions 7
Seleznyova N. Ye., Barskaya O. V. Language Means of Expressiveness in English-Language Military Publications 15

THEORETICAL LINGUISTICS

- Trofimova N. A.* Russian Construction Vocabulary: Terminographic Aspect 23
Shchetinina A. V., Semekhina A. S. Hate and Hatred as Forms of Enmity in Modern Communication: Experience of Portraiting Lexema and Concept 33
Bagiyana A. Yu., Monogarova A. G. Linguistic-Axiological Manipulation as an Element of Teacher Professional Identity Formation 43
Polyakova N. V. Translation Quality Evaluation: the Problem of Finding Effective Standards, Criteria and Parameters 54

APPLIED LINGUISTICS

- Trofimova N. A., Shchitova O. G.* Cognitive Frame Modeling of the Term System of the Subject Area "Building Materials" in Russian of the XXI Century 65
Vilkova Yu. E. Axiological Space of Popular Scientific Video Blogging (on the Example of Animation Videos About the Health of YouTube-Channel "Nauchpock") 76

COMPARATIVE LINGUISTICS

- Kuryanovich A. V., Dubina L. V.* Comparative Linguocultural Analysis of Phraseological Units of the Thematic Group "Human" (in Russian, Czech, Ukrainian and Polish) 84
Guo Chunyan. Analysis of the Dialogue in the Play of Pinter «Last To Go» in the Aspect of Text Linguistics 93
Du Jingzeng, Sun Yunuo. Linguistic and Cultural Features of Wedding Etiquette In Russian and Chinese Customs 102
Thi Thuy Quynh Nguyen, Kritskaya N. V. Song Lyrics in Animation Films And Features of Their Translation 114
Ilina E. V. Synchrony in Consecutive Interpretation: Practice in Multimodal Analysis of Non-Verbal Communication 123
Gichgeldiyeva M. O. Features of Interpretation of Metaphoric Images in the Translation of "The Kolyma Tales" by John Glad. 132
Abuei M., Madaenei A. Adaptive Comparison of the Concept of Governance in Russian and Persian Languages 141

PEDAGOGY

- Li Bing.* Integration in Teacher Education and Teachers' Professional Development in China 149

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Научная статья
УДК 811.111'373
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-7-14>

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ В ПАРНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ГЕНДИАДИСНОГО ТИПА

Александра Викторовна Макаровских

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
makarovskih@tpu.ru*

Аннотация

Введение. Гендиадис в английском языке – это биномиальное образование, представляющее собой двухкомпонентную структуру, элементы которой могут быть скоординированы союзом и вместе выражают одно сложное понятие. При этом данная конструкция строится по формуле $A(+l) + B$, где A – первый структурный элемент (знаменательный), l (link) – второй структурный элемент (служебный), т. е. связующее звено (союз, связка), B – третий структурный элемент (знаменательный), например: *safe (A) and (l) sound (B), forewarned (A), forearmed (B)*. В рамках всесторонних исследований в области изучения парных образований биномиального характера неизбежно возникает вопрос приоритета одного знаменательного элемента над другим, т. е. A над B . Как следствие, факторы, определяющие порядок элементов в биномиалах, долгое время оставались предметом обсуждений в лингвистике.

Цель – анализ и систематизация ограничительных факторов, призванных определять последовательность знаменательных элементов в биномиальных образованиях.

Материал и методы. Эмпирическая база исследования формировалась методом сплошной выборки. Материалом исследования послужил корпус лексических единиц гендиадисного типа, отобранных из первичных (тексты, публикации, скрипты) и вторичных (электронные и печатные словари) источников. В исследовании также применяются методы сравнительного и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение. Ограничительные факторы, определяющие последовательность знаменательных элементов в биномиальных образованиях, ранее исследовались стихийно и только недавно стали предметом количественного анализа. Наиболее всесторонними научными изысканиями в этой связи являются труды Я. Малкиеля (1959), У. Купера и Дж. Росса (1975), С. Б. Бенор и Р. Леви (2006), а также С. Моллин (2012) и Г. Зауэра и Б. Шван (2017). Результатом исследования стала система факторов, состоящая из нескольких групп и подгрупп. Основными являются группы, которые носят семантический и фонологический характер: семантический связан со структурированием элементов согласно глубине восприятия, логике, хронологии, иерархии и т. д., фонологический предполагает свойства гласных/согласных звуков. Помимо этого выделяют метрические факторы, подразумевающие особенности следования слогов в исследуемых элементах. Кроме того, отмечены такие факторы, как трансляционный (переводной), фактор частоты употребления тех или иных элементов в составе различных гендиадисных единиц и фактор синхронной вариативности, выражающийся в наличии множества вариантов трансформации гендиадисной единицы с одними и теми же знаменательными элементами.

Заключение. Опираясь на выводы, основанные на данных эмпирических исследований зарубежных ученых, удалось подтвердить факт существования иерархической последовательности ограничительных факторов, составить их классификацию и осуществить систематизацию. Таким образом, выдвинуто предположение о том, что среди представленных групп факторов преобладают семантические, а значит, композиционная структура английского гендиадиса строится в логике от семантики к метрике и фонологии.

Ключевые слова: *гендиадис, биномиалы, последовательность элементов, ограничительные факторы, английский язык*

Для цитирования: Макаровских А. В. Последовательность элементов в парных образованиях гендиадисного типа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-7-14>

GERMAN LANGUAGES

Original article

SEQUENCE OF CONSTITUENTS IN HENDIADIC PAIR-WORD CONSTRUCTIONS

Aleksandra V. Makarovskikh

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, makarovskikh@tpu.ru

Abstract

The *purpose* of the article is the analysis and systematization of ordering constraints used for identifying the sequence of constituents in hendiadic (binomial) constructions. The *object* of the study is six groups of constraints that are tested on 562 binomials.

The *materials* of the study are hendiadic units collected from the sources of various genres and dictionaries. The use of this material allows us to explore the concept of that many factors can play a role under the right conditions, including the semantic relationship between the items, metrical and other phonological properties of the possible orderings, and relative item frequency.

Results and discussion. The ordering constraints that determine the sequence of constituents in binomials were previously studied haphazardly and only recently became the subject of quantitative analysis. The most comprehensive scientific researches in this regard are the works of Ya. Malkiel, W. Cooper and J. Ross, S. B. Benor and R. Levy, as well as S. Mollin and H. Sauer and B. Schwan. As a result of the study, several groups of ordering constraints and their subgroups were classified and systematized. These groups of factors include semantic constraints, i.e. structuring elements according to the perception, logic, chronology, hierarchy, etc., phonological constraints, i.e. the properties of vowels and consonants. In addition, among these factors are also metric constraints, implying the peculiarities of the syllables in the studied constituents. The other ones are such constraints as translational, item frequency and synchronic variation of the order.

Thus, basically, it can be *concluded* that the ordering constraints are not only subject to classification and systematization, but also have a clear hierarchy.

Keywords: hendiadys, binomials, sequence of constituents, ordering constraints, English

For citation: Makarovskikh A. V. Posledovatel'nost' elementov v parnykh obrazovaniyakh gendiadisnogo tipa [Sequence of constituents in hendiadic pair-word constructions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-7-14>

Введение

Попытки объяснить определенный порядок знаменательных элементов биномиальных образований в английском языке предпринимаются уже более века. Еще в середине прошлого столетия Р. Д. Абрахам (1950) предложил считать одним из ограничительных факторов «количество слогов» в лексемах, но подчеркивал и значимость такого фактора, как «семантическое превосходство»: «*the desirable usually precedes the undesirable, the more important – the less important, the light – the dark, the masculine – the feminine, the positive – the negative, the principal – the subsidiary, the greater – the smaller, the near – the far, the top – the bottom, the present – the future*» (нужное – ненужное, важное – неважное, светлое – темное, мужское – женское, положительное – отрицательное, главное – второстепенное, большое – маленькое, близкое – далекое, высокое – низкое, настоящее – будущее) [1, с. 284].

Вслед за ним Я. Малкиель (1959) указывает на количество слогов в слове в качестве формального ограничительного фактора, влияющего на последовательность элементов в биномиальной структуре, и добавляет группу дополнительных факторов семантико-прагматического характера. Так, в рамках его исследований сформировались шесть моделей приоритетности одного элемента над другим: 1) приоритет по хронологическому признаку; 2) по признаку социального статуса, иерархии, половому признаку и т. д.; 3) по признаку оппозиции; 4) по признаку комплементарности; 5) по семантическому признаку; 6) по трансляционному признаку [2].

Позднее Д. Болинджер (1962) исследовал реконструируемые биномиальные конструкции, предложив метрические и фонологические варианты факторов для объяснения последовательности их элементов [3].

В свою очередь И. Коскенниemi (1968), рассматривая данный вопрос, отмечает, что приоритет в биномиалах часто отдается элементам, не только соответствующим мужскому полу, т. е. по половому признаку, но и по признаку хронологии. Помимо этого она выделяет приоритет «более общего», «более важного», «более известного», «более позитивного», «более конкретного» [4, с. 84–85].

Такие ученые, как У. Купер и Дж. Росс (1975), внесли весомый вклад в изучение нереконструируемых биномиалов. Они провели обширнейшее исследование в данной области, выделив две основные группы ограничительных факторов: семантические и фонологические, предположив, что семантические ограничения превосходят фонологические [5, с. 233]. Таким образом, все факторы семантического упорядочивания были объединены в одно общее «правило Купера – Росса», которое основывается на принципе «Я – первый» (“Me First”) и гласит примерно следующее: «Элементы А имеют свойство прототипического говорящего (которого мы иногда называем „Я“»». По принципу «Я – первый» был сформирован перечень признаков, определяющих приоритет элемента А над элементом В в количестве 22 наименований, приведенных в табл. 1 [6, с. 64–67]. Кроме того, как отмечает С. Моллин [7, с. 85], У. Купер и Дж. Росс являются первопроходцами в упорядочивании именно фонологических ограничительных факторов, также приведенных в табл. 1 [6, с. 71–82].

В своем исследовании В. Кохонен (1979) рассматривает последовательность элементов в бино-

миальных образованиях в диахроническом аспекте и подразделяет ограничительные факторы на три категории: 1) семантические; 2) фонологические; 3) трансляционные [8].

Продолжая исследования в данном направлении, Г. Фенк-Оцлон (1989) выдвигает идею о состоятельности такого ограничительного фактора, как частота употребления элементов. Другими словами, «более часто встречающийся элемент предшествует менее частому». Согласно ее концепции, при данном условии можно изучить последовательность элементов гораздо большего количества нереконструируемых биномиальных единиц, чем при любом другом [9].

В начале XXI в. на первый план выходит достаточно весомый в лингвистических кругах исследовательский труд таких ученых, как С. Б. Бенор и Р. Леви (2006), которые предложили ряд дополнительных ограничительных факторов фонологического характера. Суть их гипотезы состоит в том, что элемент В является более акцентированным, чем А. Они также предприняли попытку унифицировать ранее предложенные, но существовавшие разрозненно варианты ограничительных факторов. В частности, С. Б. Бенор и Р. Леви рассмотрели множество схем вероятностного моделирования для их комбинирования. Они обнаружили, что модель логистической регрессии лучше всего предсказывает варианты упорядочивания элементов для большинства биномиальных структур [5, 10].

Из наиболее значимых исследований последнего десятилетия можно выделить труды С. Моллин

Таблица 1

Признаки семантических ограничительных факторов	Фонологические ограничительные факторы
1. Here (<i>here and there, in and out</i>)	1. More syllables (<i>vim and vigor, wild and woolly</i>)
2. Now (<i>now and then, sooner or later</i>)	2. A longer vowel (<i>stress and strain, trick or treat</i>)
3. Present Generation (<i>father and grandfather, son and grandson</i>)	3. More initial consonants (<i>sink or swim, make or break</i>)
4. Adult (<i>father and son, mare and foal</i>)	4. A more obstruent segment if the two elements have only one initial consonant (<i>wear and tear, surf and turf</i>)
5. Male (<i>husband and wife, brother and sister</i>)	5. A vowel with a lower second-formant frequency (<i>cats and dogs, this and that</i>)
6. Positive (<i>more or less, win or lose</i>)	6. Fewer final consonants (<i>betwixt and between, wax and wane</i>)
7. Singular (<i>singular and plural, once or twice</i>)	7. A less obstruent segment if the two elements have only one final consonant (<i>push and pull, rock and roll</i>)
8. Patriotic (<i>cowboys and Indians, United States and Canada</i>)	
9. Animate (<i>people and things, men and machines</i>)	
10. Friendly (<i>friend or foe, pro and con</i>)	
11. Solid (<i>land and sea, Army and Navy</i>)	
12. Front (<i>front and back, fore and aft</i>)	
13. Agentive (<i>speaker and hearer, cat and mouse</i>)	
14. Power Source (<i>bow and arrow, horse and carriage, gin and tonic</i>)	
15. Living (<i>life and death, live or die</i>)	
16. At Home (<i>at home and abroad, home and away</i>)	
17. General (<i>general and particular, abstract and concrete</i>)	
18. Nominal (<i>nouns and verbs</i>)	
19. Count (<i>count and mass nouns</i>)	
20. Food and Drink Hierarchy: Fish > Meat > Drink > Fruit > Vegetables > Baked Goods > Dairy Products > Spices (<i>fish and game, meat and drink, surf and turf, fish and chips, peaches and cream</i>)	
22. Divine (<i>God and man, church and state</i>)	
22. Plant (<i>plant and animal, flora and fauna</i>)	

(2012) и Г. Зауэра и Б. Шван (2017). В первом случае исследования ведутся в рамках корпусной лингвистики, в ходе которых была предложена иерархия ограничительных факторов, включающих семантические, метрические, фонологические, а также фактор по частоте употребления элементов [7]. Во втором – ученые, вслед за В. Кохоненом, выделяют три основные группы факторов: 1) фонологический фактор с признаками морфологической трансформации; 2) фактор семантического превосходства; 3) трансляционный фактор [11].

Материал и методы

Эмпирическая база исследования формировалась методом сплошной выборки. Материалом исследования послужил корпус лексических единиц гендиадического типа в количестве 562 отобранных из первичных (тексты произведений художественной литературы, научных публикаций, скрипты видеороликов публичных выступлений и интервью, художественных и анимационных фильмов, а также современных англоязычных публикаций из СМИ) и вторичных (периодические издания толковых, ортологических и переводных электронных и печатных словарей) источников. Лексикографический статус и дистрибуция гендиадических единиц проверялись при помощи Британского национального корпуса (*British National Corpus*) [12] и Корпуса современного американского английского языка (*Corpus of Contemporary American English*) [13]. В исследовании применяются методы сравнительного и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

В ходе проведения сопоставительного анализа предложенных в различных научных источниках ограничительных факторов, призванных определять последовательность знаменательных элементов в биномиальных образованиях, выстроена система их упорядочивания. За основу были взяты научные изыскания Я. Малкиеля (1959), У. Купера и Дж. Росса (1975), С. Б. Бенор и Р. Леви (2006), а также С. Моллин (2012) и Г. Зауэра и Б. Шван (2017) как с точки зрения наибольшего количества изученных ограничительных факторов из всех возможных, так и с точки зрения применения процедур статистического анализа. Таким образом, в настоящем исследовании выделяются пять основных групп факторов, которые, в свою очередь, могут подразделяться на подгруппы: А. Семантические факторы; Б. Фонологические факторы; В. Метрические факторы; Г. Трансляционный фактор; Д. Фактор частоты употребления элементов и Е. Фактор синхронной вариативности. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

А. Семантические факторы

1. Фактор «превосходства» одного понятия над другим: «божественного» над «человеческим» (*the Buddha and his monks*), «мужского» над «женским» (*men and women*), «старшего» над «младшим» (*father and son*), «сильного» над «слабым» (*rich and poor*), «хорошего» над «плохим» (*good and bad*) и т. д. [7, с. 87; 11, с. 198].

2. Фактор «классической последовательности» предполагает логическое или хронологическое упорядочивание элементов согласно той или иной шкале, например: *birth and death*, *eighth and ninth*, *born and bred* [2, с. 143; 7, с. 87–88].

3. Фактор «перцептивного маркирования» подтверждает последовательность по принципу «восприятия», при которой более «близкое по восприятию» понятие предшествует менее «близкому». Согласно С. Б. Бенор и Р. Леви, элементы биномиальных образований иногда существуют в простых формальных отношениях, определяемых лингвистическими свойствами, но чаще они находятся в сложных отношениях, истоки которых лежат в экстралингвистической плоскости. Для описания этого явления применяется «правило Купера – Росса», которое основывается на принципе «Я – первый». В этой связи ученые обращаются к исследованию В. Майерталера по маркированности, который утверждает, что некоторые свойства элемента А семантически менее маркированы [14]. К ним относятся структуры типа «одушевленное – неодушевленное», «единственное – множественное», «правое – левое», «позитивное – негативное», «конкретное – абстрактное», «вертикальное – горизонтальное», «переднее – заднее», «близкое – далекое», «свое – чужое» и др., где элементы А менее маркированы, например: *head and shoulders*, *direct and indirect*, *top and bottom*. Другими словами, менее маркированные элементы более тесно связаны с говорящим или проще воспринимаются им [7, с. 88; 6, с. 76; 5, с. 238].

4. Фактор «формального маркирования» указывает на приоритет по признаку комплементарности, т. е. формально менее маркированный элемент – это элемент А, например: *tried and tested*, *rules and regulations*, *health and fitness*. Опираясь на труд Э. Батистеллы [15], С. Б. Бенор и Р. Леви выделяют четыре критерия для обозначения менее формально маркированных элементов, а именно: а) наличие более общего и более широкого значения; б) наличие множества вариантов дистрибуции; в) наличие большего числа подгрупп (разновидностей); г) наличие более простой структуры. В качестве примера они приводят парное образование *flowers and roses*, где элемент В (*roses*) является разновидностью общего понятия «цветы», вот

почему элемент А в данном случае менее маркирован [2, с. 149; 7, с. 88; 5, с. 237].

Б. Фонологические факторы

1. *Последовательность по принципу долготы гласной*, при которой элемент с более долгим ударным гласным звуком следует за элементом с кратким гласным звуком, например: *stress and strain, rank and file, fisheries and food, books and articles* [7, с. 89; 6, с. 71; 7, с. 244].

2. *Последовательность по принципу высоты гласной*, при которой ударный гласный звук второго элемента ниже, чем ударный гласный первого, например: *dribs and drabs, horse and cart, deaf and dumb* [7, с. 89].

3. *Последовательность по принципу количества начальных согласных*, при которой второй элемент содержит больше начальных согласных, чем первый, например: *sea and ski, words and phrases, coal and steel, ups and downs* [7, с. 89; 6, с. 75].

4. *Последовательность по принципу количества конечных согласных*, при которой в элементе В будет больше конечных согласных, чем в элементе А, например: *design and development, policy and resources, for and against*. Данный фактор согласуется с гипотезой С. Б. Бенор и Р. Леви [7, с. 89; 5, с. 248].

5. *Последовательность по принципу открытого – закрытого слога*, при которой первый ударный слог элемента В является закрытым, а элемента А – открытым при условии, что наблюдается дифференциация в слоговой открытости в обоих элементах, например: *profit and loss, beginning and end, day and age*. Данный фактор является нововведением в исследовании С. Б. Бенор и Р. Леви и предполагает, что элемент В, как правило, содержит ударный слог [7, с. 89; 5, с. 248].

6. *Последовательность по принципу веса слога*, при которой ударный слог второго элемента тяжелее ударного слога первого, например: *mother and child, May and June, City and Guilds, before and after* [7, с. 89–90; 5, с. 249].

7. *Последовательность по принципу звонкости начальной согласной*, при которой элемент с более звучным начальным согласным звуком следует за элементом с менее звучным, например: *wheel and deal, here and there, bits and pieces, fish and chips* [7, с. 90; 6, с. 71; 5, с. 250].

8. *Последовательность по принципу звонкости конечной согласной*, при которой второй элемент оканчивается звонким согласным звуком, а первый – глухим, например: *push and pull, safe and sane, well and truly, rich and famous, as and when* [7, с. 90; 6, с. 71].

В. Метрические факторы

1. *Последовательность по принципу количества слогов* предполагает случаи, когда краткая, согласна количеству слогов, лексема предшествует

долгой, например: *joy and delight, assets and liabilities, past and present, out and about* [2, с. 149; 7, с. 88; 11, с. 197–198].

2. *Последовательность по принципу ритмичности*, при которой элементы предпочтительно располагать так, чтобы ударные и безударные слоги чередовались, например: *salt and pepper, part and parcel, strengths and weaknesses, economic and monetary* [7, с. 88].

3. *Последовательность по принципу безударного слога*, при которой элементы упорядочены таким образом, что конечный слог второго остается безударным, например: *time and energy, gas and electricity, intents and purposes*. Этот фактор был введен Д. Болинджером на основании экспериментальных данных в ходе изучения биномиалов, состоящих из имен существительных [7, с. 88–89; 3].

Г. Трансляционный фактор предусматривает сохранение последовательности элементов в биномиалах при переводе с одного языка на другой, например: *grow ye and multiply (лат. crescite et multiplicamini)* [8, с. 159; 11, с. 195, 198].

Д. Фактор последовательности элементов по принципу частоты употребления, при которой элементы с более высокой частотой употребления предшествуют элементам с более низкой согласно Британскому национальному корпусу [12], например: *time and effort, up and down, small and medium-sized* [7, с. 90].

Е. Фактор синхронной вариативности

Изучая вопрос последовательности элементов в биномиальных образованиях, Г. Зауэр и Б. Шван [11, с. 198–199] указывают и на исторически сложившиеся изменения этой последовательности, например, в таких гендиадисных единицах, как *soul and body (body and soul), men and women (women and men)*. В связи с этим возникает проблема синхронной вариативности, когда появляется множество вариантов трансформации гендиадисной единицы с одними и теми же знаменательными элементами:

- изменение порядка знаменательных элементов, например: *men and women – women and men*;
- изменение единственного числа на множественное, например: *man and woman – men and women*;
- изменение соединительного элемента, например: *men and women – men or women*.

Возникает вопрос, можно ли считать вышеуказанные вариации лексических единиц отдельными гендиадисными структурами или же они являются вариантами одного и того же биномиального образования. Г. Зауэр и Б. Шван склоняются ко второй версии.

Ниже приведена сводная таблица (табл. 2), содержащая сформировавшуюся систему ограничительных факторов, определяющих последователь-

Таблица 2

Факторы, определяющие последовательность элементов гендиадических единиц

№	Группа	Фактор	Тип последовательности	Количество ГЕ в корпусе, %
АА	Семантические факторы	Семантическое превосходство	А всегда превосходит В	83
		Классическая (логика/хронология)	А предшествует В согласно логическому/хронологическому порядку	95
		Перцептивное маркирование	А менее маркирован согласно восприятию говорящего	91
		Формальное маркирование	А менее маркирован по признаку «общее – частное»	86
ББ	Фонологические факторы	Долгота гласной	В имеет более долгий гласный звук	49
		Высота гласной	А имеет более высокий гласный звук	46
		Количество начальных согласных	В имеет больше начальных согласных	41
		Количество конечных согласных	В имеет больше конечных согласных	46
		Открытый – закрытый слог	В имеет закрытый ударный слог, а А – открытый	39
		Вес слога	В имеет более тяжелый слог	44
		Звонкость начальной согласной	А имеет более звонкий начальный согласный звук	50
Звонкость конечной согласной	В имеет более звонкий конечный согласный звук	58		
ВВ	Метрические факторы	Количество слогов	В имеет больше слогов, чем А	70
		Безударный слог	В имеет конечный безударный слог	75
		Ритмичность	Чередование ударных и безударных слогов в ГЕ	66
ГГ	Трансляционный фактор	Перевод с одного языка на другой	А и В сохраняют порядок при переводе	15
ДД	Частота употребления элементов	Частота употребления элементов	А чаще употребляется, чем В	65
ЕЕ	Синхронная вариативность	Синхронная вариативность	Варианты трансформации последовательности А и В одной и той же ГЕ	23

ность элементов в парных образованиях гендиадического типа с указанием количества лексических единиц корпуса в процентном соотношении.

Данные анализа языкового материала позволяют сделать вывод о том, что семантические ограничительные факторы выходят на первое место в ранжировании, где классический тип последовательности занимает лидирующую позицию (95 %). За ним следуют фактор перцептивного маркирования (91 %), фактор формального маркирования (86 %) и, наконец, фактор семантического превосходства (83 %). Три метрических ограничительных фактора оказываются на втором месте рейтинга с превышением порога в 50 % и представлены в следующем порядке: последовательность по принципу безударного слога (75 %), последовательность по принципу количества слогов (70 %) и последовательность по принципу ритмичности (66 %). Фактор частоты употребления элементов следует далее по рейтингу (65 %).

Как следует из табл. 2, различные фонологические ограничительные факторы оказываются в

нижней части ранжирования, причем шесть из восьми не превышают пятидесятипроцентный рубеж, что означает, что данные факторы не всегда валидны для ранжирования парных образований по данным типам последовательности и требуют дальнейшего анализа с применением большего количества исследуемых лексических единиц. Фактор синхронной вариативности и трансляционный фактор занимают последние места в рейтинге и имеют самый низкий процент ранжирования: 23 и 15 % соответственно, что влечет за собой потребность в дальнейших исследованиях и более подробном анализе.

Заключение

Вышеизложенное позволяет заключить, что парные образования биномиального характера были и остаются предметом множества исследований и обсуждений в лингвистических кругах уже более полувека. Однако совсем небольшое количество трудов посвящено исследовательской работе в области изучения ограничительных

факторов, влияющих на последовательность элементов в биномиялах и тем более их классификации и систематизации, особенно в отечественной научной литературе. Именно поэтому в настоящем исследовании был проанализирован уже существующий опыт зарубежных коллег в данной сфере и представлена классификация и систематизация таких факторов. В результате были выявлены следующие из них: семантические, фонологические, метрические, по частоте употребления, трансляционный и синхронной вариативности. Таким образом, на основе представленных данных можно сделать вывод о том, что ограничительные факторы не только подлежат классификации и систематизации, но и имеют четкую иерархию.

Список литературы

1. Abraham R. D. Fixed order of coordinates: A study in comparative lexicography // *Modern Language Journal*. 34, 1950. P. 276–287.
2. Malkiel Y. Studies in Irreversible Binomials // *Lingua*. Vol. 8, 1959. P. 113–160.
3. Bolinger D. L. Binomials and pitch accent // *Lingua*. 11, 1962. P. 34–44.
4. Koskeniemi I. Repetitive word pairs in Old and Early Middle English prose. Turku: Turun Yliopisto, 1968. 170 p.
5. Benor S., Levy R. The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials // *Language*. 82, 2006. P. 233–278.
6. Cooper W. E., Ross J. R. World order // *Papers from the parasession on functionalism* / eds. R. E. Grossman, L. J. San, T. J. Vance. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. P. 63–111.
7. Mollin S. Revisiting binomial order in English: Ordering constraints and reversibility // *English Language and Linguistics*. 2012. 16/1. P. 81–103.
8. Kohonen V. Observations on syntactic characteristics of binomials in Late Old English and Early Middle English prose // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1979. Vol. 80 (2). P. 143–163.
9. Fenk-Oczlon G. Word frequency and word order in freezes // *Linguistics*. 1989. P. 517–56.
10. Morgan E., Levy R. Abstract knowledge versus direct experience in processing of binomial expressions // *Cognition*. 2016. Vol. 157. P. 384–402.
11. Sauer H., Schwan B. Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials (Part 2) // *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2017. 134. P. 185–204.
12. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 14.10.2021).
13. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 14.10.2021).
14. Mayerthaler W. Morphological naturalness. Trans. by Janice Seidler. Ann Arbor: Karoma, 1988 [1981]. 150 p.
15. Battistella E. *Markedness: The evaluative superstructure of language*. Albany: SUNY Press, 1990. 265 p.

References

1. Abraham R. D. Fixed order of coordinates: A study in comparative lexicography. *Modern Language Journal*, 1950, vol. 34, pp. 276–287.
2. Malkiel Y. Studies in Irreversible Binomials. *Lingua*, 1959, vol. 8, pp. 113–160.
3. Bolinger D. L. Binomials and pitch accent. *Lingua*, 1962, vol. 11, pp. 34–44.
4. Koskeniemi I. *Repetitive word pairs in Old and Early Middle English prose*. Turku: Turun Yliopisto, 1968. 170 p.
5. Benor S., Levy R. The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials. *Language*, 2006, no. 82, pp. 233–278.
6. Cooper W. E., Ross J. R. World order. In: *Papers from the parasession on functionalism*. Eds. R. E. Grossman, L. J. San, T. J. Vance. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. P. 63–111.
7. Mollin S. Revisiting binomial order in English: Ordering constraints and reversibility, *English Language and Linguistics*, 2012, vol. 16/1, pp. 81–103.
8. Kohonen V. Observations on syntactic characteristics of binomials in Late Old English and Early Middle English prose. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1979, vol. 80 (2), pp. 143–163.
9. Fenk-Oczlon G. Word frequency and word order in freezes. *Linguistics*, 1989, vol. 27, 517–56.
10. Morgan E., Levy R. Abstract knowledge versus direct experience in processing of binomial expressions. *Cognition*, 2016, vol. 157, pp. 384–402.
11. Sauer H., Schwan B. Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials (Part 2). *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 2017, 134, pp. 185–204.
12. *British National Corpus* (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 14 October 2021).
13. *Corpus of Contemporary American English* (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 14 October 2021).
14. Mayerthaler W. *Morphological naturalness*. Trans. by Janice Seidler. Ann Arbor: Karoma, 1988 [1981]. 150 p.
15. Battistella E. *Markedness: The evaluative superstructure of language*. Albany, SUNY Press Publ., 1990. 265 p.

Информация об авторах

А. В. Макаровских, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

A. V. Makarovskikh, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 24.10.2020; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 811.111
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВОЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Наталья Евгеньевна Селезнева¹, Ольга Владимировна Барская²

^{1,2} Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова, Севастополь, Россия

¹ natashaseleznyova@yahoo.co.uk, ORCID: 0000-0002-8006-1799

² olyabarska@yahoo.com, ORCID:0000-0003-2996-0251

Аннотация

Введение. На основе лингвостилистического анализа статей из англоязычных военных журналов изучаются языковые средства выразительности публикаций военной направленности, глубокое знание которых позволяет читающему понимать не только информативный, но и эмоциональный элемент их содержания.

Цель – описать многообразие и особенности применения языковых средств выразительности в современных англоязычных военных публикациях.

Материал и методы. Изучены диссертационные работы и научные статьи в периодических изданиях по филологии германских языков за последние 10 лет, а также публикации в таких англоязычных журналах военной направленности, как Air Force News, Australian Defence Force Journal, Canadian Military Journal, Defence Turkey, Raider, освещающие деятельность и состояние вооруженных сил Великобритании, США, Австралии, Турции, Канады и других государств. Используются общенаучные методы теоретического анализа, наблюдения, обобщения, конкретизации.

Результаты и обсуждение. Обзор публикаций по филологии германских языков за последнее десятилетие подтверждает недостаточную изученность проблематики использования языковых средств выразительности в англоязычных военных публикациях и актуальность проведения более глубоких исследований в этой области языкознания.

Анализ содержания англоязычных военных журналов указывает на то, что в статьях военной направленности доминируют военно-политический и научно-технический стили, хотя в них также комбинируются элементы художественного, разговорного и рекламного текста, а соединение элементов различных функциональных стилей в публицистических текстах придает им не только типичные черты, но и выразительность.

Языковые средства выразительности, используемые в военных публикациях, можно разделить на три группы: фонографические (аллитерация, ритм, морфологические и лексические повторы), лексические (эпитеты, метафора, обыгрывание фразеологизмов, жаргонизмы) и синтаксические (односоставные предложения, эмфатические конструкции, инверсия, антитеза, прямая речь, цитата), основной функцией которых является информирование, привлечение внимания, влияние на читателя, внедрение в его подсознание определенных психологических установок. Наиболее распространенными стилистическими тропами, используемыми в рассмотренных в рамках данной работы военных журналах, оказались односоставные предложения, эмфатические и параллельные конструкции, цитаты и прямая речь, метафоры, аллитерация, рифма и ритм.

Заключение. В данной работе впервые были проанализированы особенности применения языковых средств выразительности в современных англоязычных военных публикациях. Результаты проведенного исследования могут быть практически применимы как для дальнейшего теоретического изучения рассматриваемой проблемы, так и практически для повышения качества иноязычного образования курсантов и слушателей военных образовательных учреждений в рамках как основной программы подготовки, так и в ходе обучения на курсах военных переводчиков по программе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: языковые средства, выразительность, военные публикации

Для цитирования: Селезнева Н. Е., Барская О. В. Языковые средства выразительности в англоязычных военных публикациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 15–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22>

Original article

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSIVENESS IN ENGLISH-LANGUAGE MILITARY PUBLICATIONS

Nataliya Ye. Seleznyova, Ol'ga V. Barskaya

Black Sea Higher Naval School named after P.S. Nakhimov, Sevastopol, Russian Federation

¹ *natashaseleznyova@yahoo.co.uk, ORCID: 0000-0002-8006-1799*

² *olyabarska@yahoo.com, ORCID:0000-0003-2996-0251*

Abstract

Introduction. On the basis of a linguo-stylistic analysis of articles from English-language military journals, the authors study the language means of expressiveness of military publications, a deep knowledge of which allows the reader to understand not only the informative, but also the emotional element of their content.

The aim of the work is to describe the variety and features of the use of linguistic means of expressiveness in modern English-language military publications.

Material and methods. The authors studied dissertations and scientific articles in periodicals on the philology of Germanic languages over the past 10 years, as well as publications in such English-language military journals as Air Force News, Australian Defense Force Journal, Canadian Military Journal, Defense Turkey, Raider, covering the activities and state of the armed forces of Great Britain, the United States, Australia, Turkey, Canada and other states. General scientific methods of theoretical analysis, observation, generalization, and concretization are used.

Results and discussion. A review of publications on the philology of Germanic languages over the past decade confirms the insufficient knowledge of the problems of the use of language means of expressiveness in English-language military publications and the relevance of conducting more in-depth research in this field of linguistics.

Analysis of the content of English-language military journals indicates that military-political and scientific-technical styles dominate in articles of military orientation, although they also combine elements of artistic, conversational and advertising text, and the combination of elements of various functional styles in journalistic texts gives them not only typical features, but also expressiveness.

The language means of expressiveness used in military publications can be divided into three groups: phonographic (alliteration, rhythm, morphological and lexical repetitions), lexical (epithets, metaphor, playing phraseological units, jargon) and syntactic (one-part sentences, emphatic constructions, inversion, antithesis, direct speech, quotation), the main function of which is to inform, attract attention, influence the reader, introduce certain psychological attitudes into his subconscious

Conclusion. In this paper, for the first time, the features of the use of language means of expressiveness in modern English-language military publications were analyzed. The results of the conducted research can be practically applied both for further theoretical study of the problem under consideration, and practically for improving the quality of foreign language education of cadets and students of military educational institutions within the framework of both the main training program and during training at military translators' courses under the program of additional professional education.

Keywords: *language means, expressiveness, military publications*

For citation: *Yazykovyye sredstva vyrazitel'nosti v angliyskoyazychnykh voennykh publikatsiyakh [Seleznyova N. Ye., Barskaya O. V. Language Means Of Expressiveness In English-Language Military Publications]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2022, vol. 1 (219), pp. 15–22 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22>*

Введение

В связи с обострением политической ситуации и военных конфликтов в мире возрастает необходимость в получении информации военного характера. Одним из важнейших источников такой информации являются публикации в журналах. При этом важно точное понимание и толкование не только информационного, но и «подтекстового» содержания данных статей.

В своей диссертации Э. В. Егорова как одно из самых перспективных направлений социогумани-

тарной сферы исследований XXI века выделяет политическую медиалингвистику [1]. Значимость средств массовой информации как инструмента влияния на формирование общественного мнения отмечают в своих работах Е. А. Окунькова [2], Е. С. Пронина [3], Эбру Аслан [4]. Однако не всегда информация в иноязычных публикациях имеет точный и объективный характер. В последнее время в них нередко встречаются фальсификации и предвзятость изложения материала, поэтому немаловажным фактором в работе с такого вида источ-

никами является умение разделить объективное изложение фактов и личное субъективное отношение к ним автора [5].

Кроме того, чтение зарубежной специализированной литературы, включающей журнальные публикации, способствует профессиональному совершенствованию специалиста [6]. При чтении или переводе публицистической статьи военного характера также необходимо учитывать два элемента ее содержания – когнитивного (информационного, фактического) и эмоционального (экспрессивного, оценочного), создаваемого при помощи языковых средств выразительности.

Исходя из вышесказанного, а также большого количества исследований в области экспрессивности языковых средств иноязычной прессы в разных сферах человеческой деятельности, можно утверждать о несомненной актуальности изучения вопросов значимости, многообразия и особенностей применения языковых средств выразительности в современных англоязычных военных публикациях.

Материал и методы

Для оценки актуальности и состояния изученности рассматриваемой проблемы в отечественной современной научной литературе были проанализированы диссертационные работы и научные статьи в периодических изданиях по филологии германских языков за последние 10 лет.

В рамках темы исследования были также рассмотрены статьи в таких англоязычных журналах военной направленности, как *Air Force News* [7], *Australian Defence Force Journal* [8], *Canadian Military Journal* [9], *Defence Turkey* [10], *Raider* [11], освещающих деятельность и состояние вооруженных сил Великобритании, США, Австралии, Турции, Канады и других государств.

Результаты и обсуждение

Обзор публикаций по филологии германских языков за последнее десятилетие показал, что существует ряд исследований в области применения экспрессивных языковых средств и лингвистических особенностей публицистических текстов в общем, англоязычных, франкоязычных статей, публикаций профессиональной направленности, в том числе политической, заголовков и рекламных текстов газет и журналов. Тем не менее проблематика использования языковых средств выразительности в англоязычных военных публикациях пока недостаточно изучена.

Проанализировав содержание англоязычных статей военной направленности из пяти журналов (*Air Force News*, *Australian Defence Force Journal*, *Canadian Military Journal*, *Defence Turkey*, *Raider*),

можем сделать вывод, что оно в основном включает обзоры состояния вооруженных сил отдельных стран, их видов, родов, частей и подразделений, информационные и аналитические статьи о развитии военной техники и оборудования, описательные и аналитические статьи о боевых действиях и операциях, военных деятелях, выдающихся личностях, интервью и рекламу военного обмундирования, снаряжения, техники и оборудования, а также книжный обзор и объявления. В связи с этим доминирующими стилями военных публикаций можно считать военно-политический и научно-технический, хотя в них также комбинируются элементы художественного, разговорного и рекламного текста.

Как отмечает в своей работе А. Ю. Савосин, соединение элементов различных функциональных стилей в публицистических текстах придает им не только типичные черты, но и выразительность [12].

Язык написания статей военного характера можно считать довольно стандартизированным как грамматически, синтаксически и лексически, так и стилистически. Журнальные тексты избилуют клише, штампами, терминологией, аббревиатурами, сложными синтаксическими конструкциями, что соответствует публицистическому и научно-техническому стилю, но достаточно сложно воспринимается для чтения. Они ярко иллюстрированы фотографиями, схемами, таблицами, компьютерными, виртуальными изображениями и моделями для привлечения внимания читателей. Однако для этой цели используются не только визуальные, но и языковые средства выразительности, которые можно разделить на три группы: фонографические, лексические и синтаксические, основной функцией которых является информирование и влияние на читателя, внедрение в его подсознание определенных психологических установок [13–15].

Среди **синтаксических языковых средств**, которые широко используются в англоязычных военных публикациях для эмоционального воздействия на читающего, можно выделить:

1. *Односоставные предложения (предложения с одним главным членом)*. Данное языковое средство выразительности наиболее часто встречается в заголовках и рекламных объявлениях военных журналов и нацелено на привлечение внимания читателя к публикации.

Contesting ideas: the importance of encouraging critical discussion to the future of Australian air power (Australian Defence Force Journal, с.11).

HIGH SHINE WAX FOR PARADE & BARRACK USE (Raider [11, с. 6]).

Plan of Action (Air Force News [7, с. 10]).

VEO Lines of Communication and Freedom of Movement (Canadian Military Journal [9, с. 13]).

A Look at Major HWTs & LWTs in NATO Countries & Ongoing Torpedo Programs in Turkey (*Defence Turkey* [10, с. 30]).

2. *Антитеза*. Противопоставление усиливает воздействие на читателя и подчеркивает важность высказываемой мысли или идеи.

Job titles and responsibilities change, but good memories and relationships are not forgotten (*Defence Turkey* [10, с. 7]).

While 'dumb' bombs are markedly cheaper than their 'smart' counterparts, the overwhelming success of precision weapons (politically and militarily) has made the humble 155mm artillery shell, 70 mm rocket and Mk82 low-drag 'Slick' and their ilk effectively obsolete in the eyes of many (*Australian Defence Force Journal*, с. 33).

While irregular warfare is the current trend, it may not always be the case and Western nations must remain capable of 'closing with and killing large numbers of the enemy' (*Australian Defence Force Journal*, с. 35).

3. *Эмфатические конструкции*. Акцентирование внимания на отдельном слове или фразе оказывает усиленное влияние на читающего и выделяет самое существенное в формулируемой мысли.

This is exactly the situation in which the Islamic State's insurgents in Afghanistan found themselves in shortly before their complete surrender to security forces in November 2019 (*Canadian Military Journal* [9, с. 6]).

It's the little things that make a big difference and this is where the Defence Shared Services Group (DSSG) and ESS excel (*Air Force News* [7, с. 23]).

Therefore, when developing a national energy security strategy, it is essential that projections be made up to 20 years into the future (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 72]).

Packed with profiles of more than 80 elite units, as well as their weapons, tactics, vehicles and equipment and the stories behind some of the most high-profile modern-day operations, this is the ultimate guide to the clandestine world of special operations (*Raider* [11, с. 57]).

4. *Инверсия*. Намеренное нарушение прямого порядка слов в предложении встречается достаточно редко и также имеет целью привлечь внимание аудитории к конкретному факту, придает высказыванию эмоциональную окраску.

END USERS MAY UPSCALE PROTECTION SHOULD THEY WISH TO ADD ARMOUR (*Raider* [11, с. 16]).

5. *Прямая речь*. Используется главным образом во вступительной части, обращении редактора, интервью для придания ощущения реальности и соучастия в технической статье.

"If there is heavy flooding that might indicate where a pipeline is that has burst, which means there will be no fresh water," said an Intelligence officer. (*Air Force News* [7, с. 15]).

As underlined by Lieutenant-Colonel David Galula, a highly respected French COIN tactician who fought in Algeria: "[For insurgencies], the exercise of political power depends on the tacit or explicit agreement of the population or, at worst, on its submissiveness." (*Canadian Military Journal* [9, с. 7]).

According to Mark Thomson: "If you want to safeguard Australia's national security, then you stockpile guided and smart munitions, not bullets and explosives (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 33]).

FNSS General Manager and CEO Nail KURT: "Our military operations in Syria and Libya did not serve the purpose of many countries in the West in particular. They put pressure on export licenses. They aim to play their last card." (*Defence Turkey* [10, с. 18]).

Major Andy Lumley (37) Officer Commanding Delta Company 1 SCOTS said: "The ANA have been really quick and they have had very little input from us as we moved behind. They have not really needed any help from us at all. They are ahead of schedule now." (*Raider* [11, с. 18]).

6. *Цитата*. Используется в качестве эпиграфа статьи для введения темы и доказательства ее исторической значимости и актуальности.

The primary cause of our failure was a shortage of fuel. General Paul von Kleist, Commander Panzer Forces in Russia (Liddell Hart, 1947) (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 71]).

Air power is not a static concept; rather it must be studied, reflected upon, debated, and challenged. As air-minded members of the profession of arms, Air Force personnel have a responsibility to participate in this contest of ideas. It is far, far better that we should respectfully engage in that contest than to hide our thoughts, only to find them wanting when it matters most. Air Marshal Leo Davies, Chief of Air Force, August 2017 (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 11]).

Innovation distinguishes between a leader and a follower. Steve Jobs (*Canadian Military Journal* [9, с. 41]).

"I was working when a tropical cyclone hit Tonga a couple of years ago. It was in a bit of a rough state and took a pretty good battering. I was focussed on getting the job done and deliver a good product. Hopefully what you can provide can help them make a decision on where to put some aid on the ground." Sergeant Garrod Irvine (*Air Force News* [7, с. 8]).

There is a tide in the affairs of men.

Which, taken at the flood, leads on to fortune;

Omitted, all the voyage of their life

Is bound in shallows and in miseries.

On such a full sea are we now afloat,
And we must take the current when it serves,
Or lose our ventures.

William Shakespeare, *Julius Caesar*,

Act 4, Scene 3, 218-24 (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 15]).

Advanced aerospace technology works. In the right circumstances it saves lives on both sides and, when available in sufficient quality and quantity, wins wars. Attributed to US Defense Secretary William Cohen (1997–2001) (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 33]).

7. Параллельные конструкции.

Failure to make the necessary changes, failure to adopt to the emerging future, and failure to jettison the baggage of the past, individually and collectively, will lead to the failure of the force (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 21]).

As I've mentioned before, people are different... therefore individuals all have their own reasons for physical training, some do it to look good, others do it to relieve stress and some, like myself, do it for a career aim. However, there are a percentage of people who really like to push their bodies to their max, and that's where events such as these are a great help! (*Raider* [11, с. 22]).

SAFETY AT HOME, SAFETY IN THE WORLD
(*Defence Turkey* [10, с. 2]).

BETTER WISER STRONGER

TURKISH DEVENSE AND AEROSPACE INDUSTRY
(*Defence Turkey* [10, с. 75]).

8. Риторический вопрос. Данный стилистический прием заставляет привлечь читателя к проблематичности раскрываемой темы, активно вовлекая его в размышления о ней. Встречается как в основном тексте статей, так и в заголовках.

Someone invariably asks 'what exactly is a fifth-generation force and how will we know when we get there? Come to think of it, what were generations one to four?' (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 7]).

Is Your Organization Truly Innovative? (*Canadian Military Journal* [9, с. 39]).

The New Military Doctrine: Is it Game-Changer?
(*Defence Turkey* [10, с. 198]).

Six tools from a solid block of stainless steel to suit all your everyday situations. What more could you ask for from a keychain multi-tool? (*Raider* [11, с. 12]).

However, a number of questions will need to be answered satisfactorily before the UCAV-AI system can be made fully operational. Is there a role for humans in this system while the mission is in progress? Should there be a built-in monitoring system that has a human-in-the-loop to exercise a 'veto' if necessary? And, if so, can the system be considered truly autonomous? These questions are at the conceptual level of what

constitutes autonomy (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 19]).

Широко распространены лексические средства выразительности военных публикаций:

1. Эпитеты. Образные определения предметов и явлений несут не только экспрессивный, но и оценочный функционал.

Free Fire Zone is an award winning airsoft site, situated near Bourne in Lincolnshire and is an established and ancient area filled with mature trees, undulating terrain and meandering streams (*Raider* [11, с. 44]).

The communist insurgency launched in 1948 in Malaya was militarily and politically defeated by a robust and efficient British COIN campaign in 1960. (*Canadian Military Journal* [9, с. 6]).

2. Метафоры. Применение лексических единиц в переносном смысле, скрытое сравнение предметов и понятий на основе сходных черт и аналогии придают экспрессивности, эмоциональности и даже поэтичности достаточно структурированным и стандартизированным текстам военных публикаций. Метафора способствует наглядности передачи информации посредством построения ассоциативных связей между понятиями и предметами [14].

A storm has been brewing in the South Pacific (*Air Force News* [7, с. 6]).

We know that, like all stakeholders in our defence industry ecosystem, the defence industry press and media is with us in this journey (*Defence Turkey* [10, с. 10]).

Mali's rural population remains one of the core center of gravity of the VEOs (*Canadian Military Journal* [9, с. 7]).

The first personnel putting boots on the ground will operate under the Government health rules and wearing Personal Protective Equipment (PPE) (*Air Force News* [7, с. 20]).

Such drastic initiatives are fueled by the absence of security forces deployed in the villages to protect the people and ensure that law and order are respected (*Canadian Military Journal* [9, с. 9]).

VEOs will fill the void and increase their grip and influence over the population (*Canadian Military Journal* [9, с. 11]).

The DCNS shipyard, which France holds a majority share, had to find new buyers for these ships in order not to sink financially (*Defence Turkey* [10, с. 148]).

We no longer worry about other countries shaking their finger at us and we keep moving forward on our defined path with determination (*Defence Turkey* [10, с. 185]).

3. Гипербола. Намеренное преувеличение свойств описываемого предмета или явления имеет эмоциональный и оценочный эффект, используется для усиления выразительности.

ENJOY THE IMPOSSIBLE

SIEZE EVERYWHERE, BY ANY MEANS, ANYTIME (*Defence Turkey* [10, с. 61]).

4. *Обыгрывание фразеологизмов*. Изменение какого-либо элемента фразеологизма делает его оригинальным, привлекает читающего экспрессией и эмоциональностью, оказывает юмористический или иронический эффект [14].

Bridging the gap between cyber strategy and operations: a missing layer of policy (*Australian Defence Force Journal* [8, с. 62]).

Their work is crucial to vital information getting to the right people at the right time (*Air Force News* [7, с. 13]).

Keeping a weather eye on the developing situation is the Base Commander, Group Captain Andy Scott (*Air Force News* [7, с. 21]).

As one participant noted: "With women coming onboard the behaviour started to change positively. We used to be 'work hard, play hard', and now it's more 'work hard, play smart' (*Canadian Military Journal* [9, с. 20]).

5. *Лексика разговорного стиля (жаргонизмы)*.

Stick around! We have another 100 ahead of us, and we'll continue to try to make each issue better than the previous one. (*Defence Turkey* [10, с. 7]).

"This type of work is business as usual for the base, which is why it's really quite cool being here. It is an operational base and these events are what we train for," Group Captain, (GPCAPT) Andy Scott said (*Air Force News* [7, с. 21]).

TOUR AFTER TOUR – SHOWING THE WORLD THAT THEY'RE NOT TO BE MESSED WITH! (*Raider* [11, с. 1]).

Фонографические средства выразительности довольно редко применяются в военных публикациях, но в заголовках и рекламных объявлениях можно встретить такие приемы, как:

1. *Аллитерация* (повторение согласных звуков, придающее мелодический эффект). Этот прием в наибольшей степени употребляется в заголовках и рекламных блоках военных публикаций, поскольку его основная цель – привлечь внимание читателя.

First Flight (*Air Force News* [7, с. 8]).

Business as Usual for Busy Base (*Air Force News* [7, с. 21]).

SETTING THE SCENE (*Air Force News* [7, с. 5]).

FIGHTING FIT! (*Raider* [11, с. 22]).

2. *Ритм и рифма*. Также усиливают эффект музыкальности и мелодичности, характерны для рекламы и заголовков.

Best ON TEST! Raider highly recommends! (*Raider* [11, с. 12]).

Зачастую ритм и рифма создаются с помощью применения параллельных синтаксических конструкций и аллитерации.

SAFETY AT HOME

SAFETY IN THE WORLD (*Defence Turkey* [10, с. 1]).

3. *Морфологические и лексические повторы*. Встречаются не только в заголовках и рекламе, но и в основном содержании текста статьи для усиления эмоционального воздействия на читателя.

I don't know if any of you have had the opportunity to step into a Royal Navy submarine, but if you have, the one thing you would've noticed is a lack of space. A lack of space to walk, a lack of head space, a lack of room space and most importantly a lack of sleeping space (*Raider* [11, с. 49]).

Заключение

Таким образом, собранные данные доказывают недостаточную изученность и актуальность исследования темы статьи, подтверждают значимость и многообразие языковых средств выразительности в англоязычных военных публикациях, которые можно разделить на три группы: фонографические (аллитерация, ритм, морфологические и лексические повторы), лексические (эпитеты, метафора, гипербола, обыгрывание фразеологизмов, жаргонизмы) и синтаксические (односоставные предложения, эмфатические конструкции, инверсия, антитеза, прямая речь, риторический вопрос, цитата), основной функцией которых является информирование, привлечение внимания, влияние на читателя, внедрение в его подсознание определенных психологических установок.

Среди наиболее востребованных в качестве средства воздействия на читателя стилистических троп можно выделить односоставные предложения, эмфатические и параллельные конструкции, цитаты и прямую речь, метафоры, аллитерацию, рифму и ритм.

Также результаты анализа англоязычных статей из военных журналов, издаваемых в разных странах, показывают, что на подбор и частоту употребления языковых средств выразительности влияет специфика тематической направленности издания, употребления английского языка и индивидуальности авторов публикаций.

Результаты проведенного исследования могут быть практически применимы как для дальнейшего теоретического изучения рассматриваемой проблемы, так и для повышения качества иноязычного образования курсантов и слушателей военных образовательных учреждений в рамках как основной программы подготовки, так и в ходе обучения на курсах военных переводчиков по программе дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. Егорова Э. В. Лексическая реализация политических стереотипов в медиапространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2016. 24 с.
2. Окунькова Е. А. Лингвостилистические, синтаксические и семантические признаки британских медиатекстов // Вестник МГОУ. 2012. № 1. С. 114–119.
3. Пронина Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 30 с.
4. Эбру А. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 24 с.
5. Зубарева Н. П., Ефимова И. А. Экспрессивные языковые средства в журнальных статьях // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ekspressivnye-yazykovye-sredstva-v-jurnalnykh-stat'yakh.html> (дата обращения: 06.03.2021).
6. Амахина С. Р. Особенности иноязычного публицистического текста профессиональной направленности // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/> (дата обращения: 06.03.2021).
7. Air Force News, 2021, no. 232, 36 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/air_force_news/air_force_news_232_2021/88-1-0-6884 (дата обращения: 06.03.2021).
8. Australian Defence Force Journal, 2018, no. 204, 83 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/australian_defence_force_journal/australian_defence_force_journal_204_2018/235-1-0-5148 (дата обращения: 06.03.2021).
9. Canadian Military Journal, 2020, no. 1, vol. 21, 77 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/canadian_military_journal/canadian_military_journal_1_2021/216-1-0-6792 (дата обращения: 06.03.2021).
10. Defence Turkey, 2020, no. 100, vol. 14, 208 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/defence_turkey/defence_turkey_100/222-1-0-6590 (дата обращения: 06.03.2021).
11. Raider, 2020, no. 5, vol. 13, 60 p. URL: <http://raider-magazine.com/> (дата обращения: 06.03.2021).
12. Савосин А. Ю. Элементы художественной выразительности в английском публицистическом тексте // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2013. № 1. С. 78–86.
13. Шаховский В. И. Стилистика английского языка: учеб. пособие. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 232 с.
14. Карбаинова М. Ю. Языковые средства выразительности в заголовках французской прессы // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 284–286.
15. Ивлева А. Ю. Динамичность передачи рекламного текста // Молодой ученый. 2017. № 4 (138). С. 282–284.

References

1. Egorova E. V. *Leksicheskaya realizatsiya politicheskikh stereotipov v mediaprostranstve*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Lexical implementation of political stereotypes in the media. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ul'yanovsk, 2016. 24 p. (in Russian).
2. Okun'kova E. A. *Lingvostilicheskiye, sintaksicheskiye i semanticheskiye priznaki britanskikh mediatekstov* [Linguo-Stylistic, Syntactic, and Semantic Features of British Media Texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin Moscow State Regional University*, 2012, no. 1, pp. 114–119 (in Russian).
3. Pronina E. S. *Yazykovye sredstva formirovaniya obraza zhenshchiny-politika v angloyazychnoy presse*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Linguistic Means of Forming the Image of a Woman-Politician in the English-Language Press. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 30 p. (in Russian).
4. Ebru A. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza politicheskogo deyatelya v amerikanskikh i britanskikh SMI*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Language Means of Creating the Image of a Political Figure in American and British Media. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2017. 24 p. (in Russian).
5. Zubareva N. P., Yefimova I. A. *Ekspressivnye yazykovye sredstva v zhurnal'nykh stat'yakh* [Expressive Language Means in Journal Articles]. *Filologicheskij aspekt*, 2019, no. 5(49) (in Russian). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ekspressivnye-yazykovye-sredstva-v-zhurnalnykh-stat'yakh.html> (accessed 06 March 2021).
6. Amakhina S. R. *Osobennosti inoyazychnogo publitsisticheskogo teksta professional'noy napravlenosti* [Peculiarities of a publicistic text of professional orientation in a foreign-language]. *Filologicheskij aspekt*, 2019, no. 5(49) (in Russian). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/> (accessed 06 March 2021).
7. *Air Force News*, 2021, no. 232. 36 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/air_force_news/air_force_news_232_2021/88-1-0-6884 (accessed 06 March 2021).
8. *Australian Defence Force Journal*, 2018, no. 204. 83 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/australian_defence_force_journal/australian_defence_force_journal_204_2018/235-1-0-5148 (accessed 06 March 2021).
9. *Canadian Military Journal*, 2020, no. 1, vol. 21. 77 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/canadian_military_journal/canadian_military_journal_1_2021/216-1-0-6792 (accessed 06 March 2021).
10. *Defence Turkey*, 2020, no. 100, vol. 14, 208 p. URL: http://factmil.com/load/zhurnaly/defence_turkey/defence_turkey_100/222-1-0-6590 (accessed 06 March 2021).

11. *Raider*, 2020. no. 5, vol. 13, 60 p. URL: <http://raider-magazine.com/> (accessed 06 March 2021).
12. Savosin A. Yu. Elementy khudozhestvennoy vyrazitel'nosti v angliiskom publitsisticheskom tekste [Elements of Artistic Expression in English Journalistic Texts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*, 2013, no. 1, pp. 78–86 (in Russian).
13. Shakhovskiy V. I. *Stilistika angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye* [Stylistics of the English language. Textbook]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 232 p. (in Russian).
14. Karbainova M. Yu. Yazykovye sredstva vyrazitel'nosti v zagolovkakh frantsuzskoy pressy [Linguistic Means of Expression in the Headlines of the French Press]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*, 2020, no. 5(84), pp. 284–286 (in Russian).
15. Ivleva A. Yu. Dinamichnost' peredachi reklamnogo teksta [Dynamic Transmission of Advertising Text]. *Molodoy uchenyy*, 2017, no. 4(138), pp. 282–284 (in Russian).

Информация об авторах

Н. Е. Селезнева, кандидат педагогических наук, доцент, Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова (ул. Дыбенко, 1а, Севастополь, Россия, 299028).

О. В. Барская, кандидат педагогических наук, доцент, Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова (ул. Дыбенко, 1а, Севастополь, Россия, 299028). SPIN-код: 3163-6706

Information about the authors

N. Ye. Seleznyova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Black Sea Higher Naval School named after P. S. Nakhimov (ul. Dybenko, 1a, Sevastopol, Russian Federation, 299028).

O. V. Barskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Black Sea Higher Naval School named after P. S. Nakhimov (ul. Dybenko, 1a, Sevastopol, Russian Federation, 299028). SPIN-код: 3163-6706

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 24.10.2020; accepted for publication 20.12.2021

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161.1'374.2:69
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-23-32>

РУССКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СТРОИТЕЛЬСТВА: ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Надежда Александровна Трофимова

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
nadya.a.trofimova@gmail.com*

Аннотация

Введение. Представлен проект идеографического словаря русской специальной лексики строительства. Актуальность работы обусловливается недостаточной изученностью русской лексики подъязыка сферы строительства, необходимостью ее систематизации и отсутствием лексикографических источников идеографического типа по строительству. Новизна проектируемого словаря определяется наличием в словаре новейших строительных номинаций, не зафиксированных в терминологических словарях и стандартах.

Цель – представить концепцию идеографического словаря специальной лексики строительства.

Материал и методы. Материалом для словаря послужили терминологические источники, нормативные документы, учебная литература и научные работы, данные профессиональных интернет-ресурсов по строительству, коммерческие каталоги строительной продукции. В основе методологии лежат общенаучные и лингвистические приемы описательного метода-аспекта, в том числе прием дефиниционного анализа, а также лексикографический метод изучения языка.

Результаты и обсуждение. В состав словаря включены не только термины, но и нетерминологические единицы, функционирующие в профессиональном дискурсе, такие как предтермины, терминоиды, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы. Представленный проект идеографического словаря построен по тематическому принципу и включает в себя лексику предметной области «Строительные технологии». В качестве основных тематических групп выделены группы «Строительные материалы», «Процессы и методы строительства», «Строительное оборудование и инструменты». Словарная статья содержит заголовочную единицу, грамматическую характеристику специальной номинации, квалификацию лексемы в подъязыке сферы строительства, зону этимологии для иноязычных единиц, зону дефиниции и иллюстративную зону. В работе представлены примеры словарных статей, репрезентирующих различные типы дефиниций: родовидовую дефиницию, родовидовую дефиницию с элементами энциклопедической информации, а также отсылочную дефиницию. Отличительной особенностью представленного словаря является квалификация специальной единицы по ее месту в профессиональном подъязыке (*термин, предтермин, терминоид, профессионализм, профессиональный жаргонизм*), а также наличие в словаре новейших номинаций сферы строительства. Иллюстративную зону представляют контексты, актуализирующие функционирование специальных номинаций в современном профессиональном дискурсе.

Заключение. Таким образом, проект идеографического словаря строительной лексики представляет собой учебный идеографический словарь, упорядоченный на логико-понятийной основе, который может быть полезен студентам и преподавателям строительных учебных заведений, специалистам данной предметной области, а также использован в процессе преподавания лингвистических дисциплин и терминографической практике.

Ключевые слова: терминография, терминология, словарь, строительная лексика, специальная лексика

Для цитирования: Трофимова Н. А. Русская специальная лексика строительства: терминографический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 23–32. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-23-32>

THEORETICAL LINGUISTICS

Original article

RUSSIAN CONSTRUCTION VOCABULARY: TERMINOGRAPHIC ASPECT

Nadezhda A. Trofimova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation, nadya.a.trofimova@gmail.com

Abstract

Introduction. The article presents a concept of the ideographic dictionary of the Russian specialized vocabulary of construction. The relevance of the work is explained by the need for systematization of the construction vocabulary in modern Russian, and the lack of lexicographic sources of ideographic type on construction. The presence in the dictionary of the latest construction nominations that are not fixed in terminology dictionaries and standards determines the novelty of the designed dictionary.

The article *aims* to present the concept of the ideographic dictionary of the specialized vocabulary of construction.

Material and methods. The following sources serve as the database for the dictionary: terminological dictionaries, regulatory documents, scientific papers, educational sources, professional internet resources data, commercial catalogues of construction production. The methodology is based on general scientific and linguistic techniques of the descriptive method-aspect, including the technique of definitional analysis, as well as the lexicographic method of language learning.

Results and discussion. The dictionary includes not only terms but also non-terminological units functioning in professional discourse, such as pre-terms, terminoids, professionalisms, professional jargon. The presented concept of the ideographic dictionary is structured according to the thematic principle and includes the vocabulary of the subject area “Building Technologies”. The main thematic groups are “Building Materials”, “Processes and Methods of Construction”, “Construction Equipment and Tools”. The dictionary entry contains a heading word, the grammatical characteristic of a specialized nomination, the qualification of a lexeme in the sublanguage of construction, the etymology zone for foreign language units, the definition zone, and the illustrative zone. The work presents examples of dictionary entries representing various types of definitions: generic definitions, generic definitions with elements of encyclopedic information, as well as reference definitions. A distinctive feature of the presented dictionary is the qualification of a specialized unit according to its place in the professional sublanguage (term, pre-term, terminoid, professionalism, professional jargon), as well as the presence in the dictionary of the latest terms of the construction industry. The illustrative area is represented by contexts that reveal the functioning of specialized nominations in modern professional discourse.

Conclusion. Thus, the concept of the ideographic dictionary of construction vocabulary represents an educational ideographic dictionary, organized according to the logical-conceptual basis. The dictionary can be useful both for students and teachers of construction educational institutions, specialists in this subject area, and will also find application in the process of teaching linguistic disciplines and in terminographic practice.

Keywords: *terminography, terminology, dictionary, construction vocabulary, specialized vocabulary*

For citation: Trofimova N. A. Russkaya spetsial'naya leksika stroitel'stva: terminograficheskiy aspekt [Russian Construction Vocabulary: Terminographic Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 23–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-23-32>

Введение

Одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики является *терминография*, или терминологическая лексикография, – наука и практика создания специальных словарей. Под специальным словарем понимается словарь, описывающий определенный пласт лексики профессионального подязыка [1, с. 6]. Среди работ, посвященных теории терминографии, особое место занимают труды А. С. Герда, С. В. Гринева-

Гриневича, В. В. Дубичинского, З. И. Комаровой, В. М. Лейчика, Ю. Н. Марчука, В. В. Морковкина, В. Д. Табанаковой, О. В. Фельде (Борхвальдт), С. Д. Шелова и др.

Лексика сферы строительства не раз подвергалась лексикографическому описанию. Существуют различные словари по строительной терминологии, однако среди них преобладают толковые и энциклопедические словари, например современные русскоязычные толковые словари по строительст-

ву: «Большой строительный терминологический словарь» В. Д. Наумова (2008); «Словарь строительных терминов» А. И. Орта (2009); «Строительство: Энциклопедический словарь» В. Д. Артюховича (2011); «Строительные термины и определения» С. Н. Белухиной (2015); «Справочник строительного эксперта» В. А. Зозули (2016) и др. Кроме того, существует большое количество двуязычных и многоязычных переводных словарей по строительству и архитектуре. Однако в ходе анализа лексикографических источников по строительству не было обнаружено словарей идеографического типа, в которых слова упорядочены на логико-понятийной основе [2, с. 49], по смысловой близости [3, с. 7]. Словари идеографического типа отражают логику развития отрасли и способствуют более легкому поиску нужного термина [2, с. 49]. Отсутствие идеографических специальных словарей, в том числе по строительству, во многом объясняется сферой исследований современной лингвистики: наиболее изучаемым является семасиологический аспект, нежели ономастиологический [4, с. 24], см. также [5].

Цель работы – представить проект идеографического словаря специальной лексики строительства. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности специальной лексики строительства в современном русском языке, в том числе новейшей, появившейся в русском языке в XXI в. [6, 7], и необходимости ее систематизации. Научная новизна определяется идеографическим характером проектируемого словаря, наличием в нем лексем, не зафиксированных в терминологических и нормативных словарях русского языка, но активно функционирующих в профессиональном дискурсе. Практическая значимость состоит в возможности применения данного словаря в вузовской и лексикографической практиках.

Поскольку терминологическое поле сферы СТРОИТЕЛЬСТВО в русском языке весьма обширно для его полного лексикографического описания, проект идеографического словаря специальной лексики строительства сфокусирован на предметной области «Строительные технологии». Под термином *строительная технология* понимается совокупность процессов, методов и средств, направленных на обработку материалов, изменения их характеристик с целью создания строительной продукции [8, с. 6].

Материал и методы

Материалом для словаря послужили словари строительной терминологии, нормативная документация (ГОСТы, технические условия (ТУ), стандарты организации (СТО)), учебные, научные, рекламные и информационные веб-ресурсы сферы

строительства, отраслевые журналы, а также профессиональные интернет-форумы для строителей.

Методологической базой работы являются труды лингвистов в области терминоведения, лексикографии и терминографии. Методология данной работы предполагает применение общенаучных и лингвистических приемов описательного метода исследования: наблюдения, интерпретации, систематизации, классификации, дефиниционного, компонентного и контекстного анализов, а также лексикографический метод.

Результаты и обсуждение

Проектируемый словарь представляет собой словарь учебного идеографического типа, построенный по тематическому принципу. Словарь является дефинитивным тезаурусом, включающим в себя наряду со значением также и этимологическую информацию для иноязычных единиц [9, с. 82]. Данный словарь является отраслевым, поскольку отражает лексический материал определенной области – сферы строительных технологий. По количеству описываемых языков словарь характеризуется как одноязычный.

Источниками для словаря послужили толковые словари строительной терминологии, нормативная документация (ГОСТы, ТУ, СТО), учебные, научные, рекламные и информационные веб-ресурсы сферы строительства, коммерческие каталоги. Словарь предназначен для использования в учебных целях и найдет применение в области терминографии. Проектируемый словарь является попыткой отразить строительную терминологию в ее современном состоянии.

Объектом словаря являются термины, предтермины, терминоиды, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы подязыка строительства.

В профессиональном дискурсе, наряду с терминами, функционируют номинации, вербализующие новые реалии в сфере строительства. Включение нетерминологических единиц в словарь обусловлено широким функционированием данных единиц в строительном дискурсе.

Целью словаря является системная лексикографическая репрезентация специальной лексики строительства в современном русском языке.

Основой словаря идеографического типа являются «смысловые отношения слов языка, расположенные подобно тому, как организована экстралингвистическая действительность. Единицей такого словаря служит не отдельное слово, а определенное семантическое поле» [9, с. 81]. Поскольку словарь идеографического типа подразумевает расположение единиц по понятийному признаку, макроструктура идеографического словаря русской специальной лексики строительства включает в

себя следующие тематические группы: 1) строительные материалы (СМ); 2) процессы и методы строительства; 3) строительное оборудование и инструменты.

Микроструктура проектируемого словаря – словарная статья – состоит из следующих элементов: 1) заголовочная единица; 2) грамматическая характеристика профессиональной единицы; 3) характеристика специальной единицы в подязыке строительства; 4) зона этимологии; 5) зона дефиниции; 6) иллюстративная зона. Рассмотрим подробнее микроструктуру предлагаемого словаря.

1. Заголовочная единица и ее графические варианты. Заголовочная единица представлена словом либо словосочетанием с указанием ударения и выделена полужирным шрифтом. Профессиональный дискурс достаточно динамичен, в связи с чем появляются различные варианты одной и той же лексической единицы, особенно для новых реалий. Наиболее частым в подязыке строительства является формальное варьирование – «варьирование плана выражения при тождестве семантики» [10, с. 105]. Ввиду этого представляется необходимым описание всех вариантов заголовочного слова. На первом месте указывается наиболее употребительный вариант специальной номинации. Все графические варианты сопровождаются иллюстративным материалом. Рассмотрим фрагменты словарных статей, отражающих примеры графического варьирования специальных единиц:

БЛОК-ХАУС / БЛОК ХАУС / БЛОКХАУС, -а, м., предтермин (нем. Blockhaus или англ. blockhouse ‘дом из бревен’). Тип облицовочной деревянной доски, имитирующей оцилиндрованное бревно. Для строительства обычно используют срубы из бревна, но возможна имитация рельефа с помощью блок-хауса [11]. Блок хаус тщательно высушивается, шлифуется и обрабатывается. В отличие от бревна, доски блокхауса не растрескиваются и практически не меняют своей геометрии [12].

КЛЯММЕР / КЛЯЙМЕР, -а, м., термин (нем. Klammer ‘скоба’). Крепежный элемент в составе навесных фасадных систем, предназначенный для плотной фиксации различных облицовочных материалов [13]. Кляммер рядовой представляет собой прямоугольную пластину со сложным профилем, отверстиями для крепления и загнутыми язычками, которые удерживают фасадные элементы [14]. При использовании кляммеров облицовочные панели не повреждаются, на них не образуются трещины или сколы [15].

2. Грамматическая характеристика профессиональной единицы состоит в обозначении ее грамматических категорий: окончания родительного падежа и рода для существительных, например:

-а, ж.; помета *нескл.* для несклоняемых существительных; указание числа для существительных, употребляющихся во множественном числе (*мн.*)

БЛОШКИ, мн., проф. Мелкие шурупы. *Крайние профили получились слишком близко к стене и к ним невозможно подлезть шуруповертом, чтобы зафиксировать блошками к подвесу* [16].

3. Зона этимологии содержит иноязычный эквивалент – слово-источник специальной единицы.

ДЕКИНГ, -а, м., термин (англ. decking ‘палубная терраса, деревянный настил’). Вид террасной доски, изготавливаемый из древесно-полимерных составляющих. ... *лучше положить на террасу decking. В отличие от обычного дерева, он выдерживает большой диапазон температур, не высыхает, не гниет и не трескается* [17].

МОНОКОТТУРА, -ы, ж., термин (итал. monocottura ‘плитка однократного обжига’). Плитки эмалированные одинарного обжига [18]. *В производстве монокоттуры применяется исключительно белая глина, отличающаяся от красной лучшими показателями* [19].

4. Квалификация единицы в подязыке сферы строительства (термин, терминойд, предтермин, профессионализм, профессиональный жаргонизм). Одним из критериев разграничения терминов и других типов специальной лексики является фиксация термина в терминологических словарях, нормативных документах, учебной и научной литературе, коммерческих каталогах строительной продукции [1, с. 29]. Проектируемый словарь содержит разные типы специальных единиц. Лексема *торкретирование* является термином, поскольку она зафиксирована в нормативных документах [20] и в терминологических словарях [21, с. 528; 22, с. 656]. Приведем пример словарной статьи:

ТОРКРЕТИРОВАНИЕ, -я, ср., термин (нем. тех. torkretieren ‘торкретировать’; строит. Torkretieren, сущ. ‘торкретирование’ [23]; восходит к лат. (tec)tor(ium) + (con)cret(us) ‘штукатурка уплотненная’ [24, с. 548]). Операция по нанесению бетонного слоя методом распыления жидкого материала под давлением [20]. *Торкретирование поверхности – это послойное напыление строительных составов под очень высоким давлением* [25].

Номинация *флешинг* квалифицирована как **терминойд**, поскольку она используется для наименования понятий, которые не нашли однозначного определения и не имеют четких границ [26, с. 44], терминойд отличается также «размытостью содержания» [27, с. 92]. Очевидно, что номинация *флешинг* является терминойдом, поскольку в профессиональном дискурсе она функционирует сразу в нескольких значениях:

ФЛЭШИНГ/ФЛЭШИНГ, -а, м., терминойд (от англ. flash ‘вспышка, обжиг’; flashing ‘гидроизоляция

ция стыков'). 1. Технология обжига кирпича, в результате которого одна и та же партия кирпича приобретает разный оттенок: от красного до темно-коричневого [28]. *На сегодняшний день завод BRAER считается в России лидером по производству лицевого кирпича по технологии «флешинг»* [11]. 2. Металлический бесшовный адаптер для кровли, обеспечивающий сопряжение различных конструкций с крышей и надежную гидро- и теплоизоляцию. *...Конструкция выполнена таким образом, что между трубой световода верхнего каскада, бордюром, флешингом и панелью образован свободный объем* [11]. 3. Технология гидроизоляции в местах примыкания кровли, представляющая собой обработку участков стыков мастикой и армирующим геотекстилем. *Флэшинг – новая система решений для выполнения мастичной гидроизоляции* [29].

Предтермины – «специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие требованиям, предъявляемым к термину», прежде всего краткости [26, с. 44]. Функция предтерминов – первичная фиксация в языке определенного явления действительности [27, с. 92]. К предтерминам отнесена номинация *gres porcellanato* 'каменно-фарфоровая керамика'. Она заимствована из итальянского языка для наименования типа керамического материала, по прочности напоминающего гранит. В сфере фиксации итальянизм *gres porcellanato* практически вытеснен лексемой *керамогранит*. Однако несмотря на наличие зафиксированного термина *керамогранит*, наряду с ним, хотя и в меньшей степени, функционирует и первоначальное название данного строительного материала. Обычно номинация *gres porcellanato* встречается в документах коммерческой классификации керамической плитки [30, с. 35], а также рекламных текстах интернет-магазинов керамической продукции. Приведем пример словарной статьи:

ГРЕС ПОРЧЕЛЛАНАТО, нескл., м., предтермин (итал. *gres porcellanato* 'каменно-фарфоровая керамика'). То же, что и «керамогранит». *Сегодня грес порчелланато известен больше как керамический гранит (керамогранит), а название это стойко закрепилось в массах, поскольку этот облицовочный материал взял многое от кафеля, имеет керамическую основу, но в то же время по прочности, естественному рисунку и цвету походит на натуральный гранит* [31]. См. КЕРАМОГРАНИТ.

Проектируемый словарь включает также нетерминологическую лексику строительной отрасли, а именно профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. **Профессионализмы** – это эквиваленты терминов, функционирующие в устной про-

фессиональной коммуникации и непонятные за пределами этой коммуникации [32, с. 56]. Таковым является обозначение соединительного элемента *краб*. Приведем пример словарной статьи:

КРАБ, -а, м., проф. Крестовой соединитель для гипсокартонных профилей. *Пришлось краб к основному профилю прикручивать лишь на лапки с одной стороны. Вторые пришлось вовнутрь загнуть* [33].

Профессионализмами также считаются измененные фонетически или морфологически термины [27, с. 111], образованные в стремлении к языковой экономии. Примером может являться профессионализм *гипсá*:

ГИПСА́, -ы, ж., проф. То же, что «гипсокартон». *...пол убирается в любом случае после выполнения любых работ, хоть побелка, хоть шпаклевка, хоть гипсой потолок обшиваешь* [17].

Профессиональные жаргонизмы менее всего соотносятся с термином и имеют яркий экспрессивный оттенок, они выражают признаки, которые не репрезентированы в самом термине [27, с. 113]:

ГРЯЗЬ, -и, ж., проф. жарг. То же, что «цементный раствор». *Смешать цемент, песок, пластификаторы и добавки. Тщательно перемешать всухую. Мешать сухие компоненты руками намного проще и легче, чем грязь* [34].

5. Зона дефиниции включает в себя толкование значения слова. Дефиниция определяется как логическое определение понятия, установление его содержания и отличительных признаков [9, с. 58]. В современной лексикографии нет единого мнения о типологии дефиниций. Разные лингвисты предлагают свою типологию, например, З. И. Комарова выделяет аналитические, описательно-логические и релятивные типы дефиниций [35, с. 6]. В. Д. Табанаква – родовидовые, описательные и отсылочные дефиниции [36, с. 119]. С. Д. Шелов, наряду с родовидовыми дефинициями, предлагает различать также перечислительные, контекстуальные и операциональные дефиниции [37, с. 30]. Кроме того, лингвистами разработаны требования, которым должна удовлетворять дефиниция, а именно: дефиниция не должна быть двусмысленной, слишком узкой или широкой, дефиниция не должна быть отрицательной, т. е. содержать перечень признаков, которыми дефинируемое понятие не обладает, дефиниция должна быть понятной, четкой и краткой, а также не быть тавтологичной – раскрывать признак, который уже отражен в термине [1, с. 110–113].

В представленной работе использованы следующие типы дефиниций: родовидовые, родовидовые с элементами энциклопедической информации, отсылочные. Рассмотрим данные типы дефиниций подробнее.

Родовидовая дефиниция. Основными компонентами родовидовой дефиниции являются родовое слово [38, с. 11] и дифференциальные видовые признаки [39, с. 197]. Приведем пример фрагмента словарной статьи:

АРБОЛИТ, а, м., термин. Разновидность легкого бетона, изготовляемого из смеси органических заполнителей (древесной щепы или дробленки и т. п.), химических добавок, воды, портландцемента... В данном случае родовидовым наименованием дефиниции термина *арболит* является термин *бетон*, дифференциальным признаком выступает сочетание... *из смеси органических заполнителей*.

Родовидовая дефиниция с элементами энциклопедической информации. Такая дефиниция, наряду с толкованием значения лексемы, содержит справочную информацию о предмете. В приведенном ниже примере кроме самого определения лексемы присутствует также дополнительная информация о процессе и особенностях производства данного вида бетона:

КЕВЛАРОБЕТОН, -а, м., предтермин (англ. Kevlar 'кевлар, высокопрочный материал'). Вид особо прочного бетона, изготавливаемого с помощью метода вибропрессования. На промежуточной стадии производства данный вид бетона представляет собой окатыши (шарики) диаметром до 5 см, которые с помощью вибропресса уплотняются в прочный материал. *Технология производства кевларобетона позволяет использовать различные цветовые композиции; в результате такого подхода удастся сделать изделия богатой цветовой гаммы...* [40].

Отсылочная дефиниция дается путем отсылки к другой лексеме [41, с. 35]:

ПРАЙМЕР, -а, м., термин (англ. primer 'первый слой; грунтовка'). То же, что «грунтовка». *Сначала хочу прогрунтовать с помощью битумного праймера на основе растворителя, потом оставить на несколько дней, чтобы растворитель полностью испарился...* [42].

6. Иллюстративная зона содержит контексты употребления лексической единицы в профессиональной коммуникации; источниками иллюстративного материала являются профессиональные веб-ресурсы для строителей (форумы, сайты строительных компаний и магазинов, информационные ресурсы), учебная литература, научные статьи, отраслевые журналы. Приведенные тексты актуализируют функционирование данных специальных единиц в профессиональной коммуникации. Данный раздел также содержит ссылку на источник, заключенную в квадратные скобки. Приведем некоторые примеры словарных статей проектируемого словаря, содержащих иллюстративный матери-

ал из различных источников: научных работ, отраслевых журналов, коммерческих каталогов.

ИНЪЕЦИРОВАНИЕ, -я, ср., термин (восходит к лат. *injection* 'впрыск'). Способ восстановления целостности структуры бетона или кирпичной кладки, при котором в места повреждения под давлением впрыскиваются специальные растворы. *Инъектирование кладки цементными, полимерными растворами применяют при необходимости повышения монолитности кладки, устранения в ней трещин и несущей способности* [43, с. 2].

ТОППИНГ, -а, м., термин (англ. topping 'покрывающий слой') Сухая упрочняющая смесь для бетонного пола. *Сухой состав для упрочнения бетонных полов, как правило, наносится на поверхность в свежееуложенный бетон с целью улучшения износостойкости, а также добавления окраски в бетонную поверхность, если в топпинге есть пигмент* [Технологии бетонов. 2013. № 6, с. 24] [44, с. 24].

ПЛАНТЕР, -а, м., предтермин (от названия продукта PLANTER). Профилированная мембрана для защиты гидроизоляционного слоя. *Поверхность плантера эффективно распределяет давление грунта по всей площади основания или фундамента зданий и сооружений* [Каталог продукции компании «Технониколь»] [45].

Заключение

Таким образом, представленный проект словаря является учебным словарем идеографического типа, в котором лексика расположена по тематическим группам. В словаре представлены такие тематические группы, как «Строительные материалы», «Процессы и методы строительства» и «Строительные инструменты и оборудование». В предлагаемом словаре представлен также пласт специальной лексики сферы строительства, ранее не подвергавшийся лексикографическому описанию, а именно новейшие специальные номинации, появившиеся в русском языке в XXI в.

В представленном проекте словаря, наряду с терминами, отражена также нетерминологическая лексика, включающая в себя предтермины, термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Определены главные типы дефиниций в словаре, использованы такие типы дефиниций, как родовидовая дефиниция, родовидовая дефиниция с элементами энциклопедической информации, а также отсылочная дефиниция. Все словарные статьи снабжены иллюстративным материалом в виде контекстов, выделенных из профессионального дискурса для строителей. Данный иллюстративный материал актуализирует функционирование представленных в словаре единиц в профессиональной коммуникации.

Представленный проект словаря является попыткой отразить современное состояние лексики строительства в русском языке. Данный словарь может быть полезен студентам и преподавателям строительных учебных заведений, специалистам данной предметной области, а также может быть использован в процессе преподавания лингвистических дисциплин и в терминографической практике.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию. М.: Либроком, 2009. 224 с.
2. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. 70 с.
3. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 71 с.
4. Земичева С. С. Индивидуальный тезаурус диалектоносителя: концепция словаря // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 24–38.
5. Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Моделирование терминологического поля «Дизайн интерьера»: логико-понятийный аспект // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 3. С. 58–68.
6. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 2 (208). С. 49–54.
7. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI века // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 470. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=2151 (дата обращения: 17.11.2021).
8. Изотов В. С., Сабитов Л. С. Основы технологии строительных процессов. Казань: Изд-во Казан. гос. арх.-строит. ун-та, 2013. 103 с.
9. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.
10. Денико Р. В., Щитова О. Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 104–109.
11. Строительный эксперт. URL: <https://ardexpert.ru> (дата обращения: 09.09.2021).
12. Блок хаус // Realwood. URL: https://www.realwood.ru/products/blok_haus/ (дата обращения: 04.10.2021).
13. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. URL: <http://find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/index.htm> (дата обращения: 07.10.2021).
14. Кляймер рядовой окрашенный // Изолюкс. Строительный гипермаркет. URL: <https://www.isolux.ru/klyammer-ryadovoy-okrashennyi.html> (дата обращения: 04.10.2021).
15. Кляймеры оцинкованные // Leroy Merlin. URL: <https://leroymerlin.ru/product/klyaymery-ocinkovannye-4-s-gvozdya-mi-18823988/> (дата обращения: 04.10.2021).
16. И снова гипсокартон // Mastergrad. URL: <https://mastergrad.com/forums/t124599-i-snova-gipsokarton-nyuansy/> (дата обращения: 04.10.2021).
17. Строительный форум // RNMT.ru. URL: <https://forum.rmnt.ru/> (дата обращения: 04.10.2021).
18. Энциклопедия терминов, определений и пояснений строительных материалов. URL: <http://enciklopediyastroy.ru/monokotura/> (дата обращения: 04.10.2021).
19. Типы керамической плитки // Керамир. URL: <https://ceramir.ru/company/info/tipy-keramicheskoy-plitki-nachalo.html> (дата обращения: 04.10.2021).
20. ГОСТ ISO 21592–2013 Машины для торкретирования бетонной смеси. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293772/4293772281.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).
21. Большой строительный терминологический словарь-справочник / авт.-сост. В. Д. Наумов и др. Минск: Минсктиппроект, 2008. 816 с.
22. Артюхович Д. В. Строительство: Энциклопедический словарь. Ставрополь: Параграф, 2011. 766 с.
23. Мультитран. Словарь. URL: <https://www.multitrans.com> (дата обращения: 04.10.2021).
24. Новый политехнический словарь / гл. ред. А. Ю. Ишлинский. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 671 с.
25. Что такое торкретирование поверхности // Замес бетона. URL: <https://zamesbetona.ru/betonirovanie/torkretirovanie-poverhnosti-jeto.html> (дата обращения: 04.10.2021).
26. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
27. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
28. Использование кирпича, изготовленного по технологии «флэшинг» // Группа компаний «Торговый дом строительных материалов». URL: <https://tdsk-ceram.ru/about/articles/ispolzovanie-kirpicha-izgotovlennogo-po-tekhnologii-fleshing/> (дата обращения: 09.09.2021).
29. Гидроизоляция примыканий на кровлях. Система Флэшинг // Магазин гидроизоляционных материалов Hyperdesmo. URL: https://hyperdesmo.su/catalog/product/gidroizolyatsiya_primykaniya_na_krovlyakh_sistema_fleshing/ (дата обращения: 09.09.2021).

30. Губа Е. Н. Современная товароведная классификация и требования к качеству керамической плитки // Евразийское научное объединение. 2018. № 5 (39). С. 35–39.
31. Напольная керамическая плитка или керамогранит? // Плитка. URL: <https://plitka.kiev.ua/articles/plitka-og-granit> (дата обращения: 09.09.2021).
32. Суперанская А. В. и др. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Libroком, 2012. 248 с.
33. Потолок из ГСП – как правильно монтировать? // Форум «Ваш дом». URL: <https://forum.vashdom.ru/threads/potolok-iz-gsp-kak-pravilno-montirovat.41695/#post-257748> (дата обращения: 09.09.2021).
34. Самостоятельное приготовление бетона // hw4. URL: <https://hw4.ru/h-concrete> (дата обращения: 09.09.2021).
35. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.
36. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2001. 288 с.
37. Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 21–32.
38. Мякишева И. А. Категориальная учебная модель родовидовой дефиниции лингвистического термина: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 24 с.
39. Жеребило Т. В. Микроструктура словарей лингвистических терминов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 1. С. 194–199.
40. Кевларобетон // Beton-house. Сайт о бетоне. URL: <https://beton-house.com/vidy/sravneniya/kevlarobeton-1067> (дата обращения: 09.09.2021).
41. Ахметбекова А. М. Лексикографические и метатекстовые характеристики терминологической дефиниции: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2014. 122 с.
42. Битумный праймер и мастика своими руками // Forumhouse. URL: <https://www.forumhouse.ru/forums> (дата обращения: 09.09.2021).
43. Ханов Н. М. Прочность и деформативность кирпичной кладки при местном сжатии с учетом ее инъецирования модифицированными полимерными композициями: автореф. дис. ... канд. тех. наук. М., 1993. 27 с.
44. Виноградов А. Л. Использование сухих упрочнителей для повышения износостойкости и прочности поверхности бетонных полов // Технологии бетонов. 2013. № 6. С. 24–26.
45. PLANTER STANDARD // Технониколь. Продукция. URL: https://www.tn.ru/catalogue/profil_membrany/planter_standard/ (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Grinev-Grinevich S. V. *Vvedeniye v terminografiyu* [Introduction to terminography]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 224 p. (in Russian).
2. Gerd A. S. *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii* [Fundamentals of scientific and technical lexicography]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 70 p. (in Russian).
3. Morkovkin V. V. *Ideograficheskiye slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow, Moscow University Publ., 1970. 71 p. (in Russian).
4. Zemicheva S. S. Individual'nyy tezaurus dialektonositelya: kontseptsiya slovarya [Individual thesaurus of a dialect carrier: the concept of a dictionary]. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2017, no. 12, pp. 24–38 (in Russian).
5. Matskevich N. A., Shchitova O. G. Modelirovaniye terminologicheskogo polya “Dizayn inter’era”: logiko-ponyatiynnyy aspekt [Modelling of terminological field “Architectural Environment Design”: logical and conceptual aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2021, vol. 3, pp. 58–68 (in Russian).
6. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Inoyazychnye oboznacheniya noveyshikh stroitel’nykh tekhnologiy v russkom yazyke [Foreign naming units for advanced construction technologies in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2020, vol. 2 (208), pp. 49–54 (in Russian).
7. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Noveyshiye zaimstvovaniya v russkoy stroitel’noy terminologii XXI veka [Latest borrowings in Russian construction terminology of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470 (in Russian). URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=2151 (accessed 17 November 2021).
8. Izotov V. S., Sabitov L. S. *Osnovy tekhnologii stroitel’nykh protsessov* [Fundamentals of construction process technology]. Kazan’, Kazan State University of Architecture and Building Publ., 2013. 103 p. (in Russian).
9. Dubichinskiy V. V. *Leksikografiya russkogo yazyka: uchebnoye posobiye* [Lexicography of the Russian language: student’s book]. Moscow, Nauka: Flinta Publ., 2008. 432 p. (in Russian).
10. Deniko R. V., Shchitova O. G. Formal’noye var’irovaniye terminov sfery’ setevy’kh tekhnologiy [Formal Variability of Terms in the Sphere of Network Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazyk’oznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 3 (27), pp. 104–109 (in Russian).
11. *Stroitel’nyy ekspert* (in Russian). URL: <https://ardexpert.ru> (accessed 09 September 2021).

12. Blok khaus [Blockhouse]. *Realwood* (in Russian). URL: https://www.realwood.ru/products/blok_haus/ (accessed 04 October 2021).
13. *Slovar'-spravochnik terminov normativno-tehnicheskoy dokumentatsii* [Dictionary-reference of terms of regulatory and technical documentation] (in Russian). URL: <http://find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/index.htm> (accessed 07 October 2021).
14. Klyammer ryadovoy okrashenny [Fastener ordinary painted]. *Izolyuks. Stroitel'nyy gipermarket* (in Russian). URL: <https://www.isolux.ru/klyammer-ryadovoy-okrashenny.html> (accessed 04 October 2021).
15. Klyaymery otsinkovannye [Galvanized fasteners]. *Leroy Merlin* (in Russian). URL: <https://leroymerlin.ru/product/klyaymery-ocinkovannye-4-s-gvozdyami-18823988/> (accessed 04 October 2021).
16. I snova gipsokarton [Again about drywall]. *Mastergrad* (in Russian). URL: <https://mastergrad.com/forums/t124599-i-snova-gip-sokarton-nyuansy/> (accessed 04 October 2021).
17. Stroitel'nyy forum [Construction forum]. *RNMT.ru* (in Russian). URL: <https://forum.rmnt.ru/> (accessed 04 October 2021).
18. *Entsiklopediya terminov, opredeleniy i poyasneniy stroitel'nykh materialov* [Encyclopedia of terms, definitions and explanations of building materials] (in Russian). URL: <http://enciklopediyastroy.ru/monokottura/> (accessed 04 October 2021).
19. Tipy keramicheskoy plitki [Types of ceramic tiles]. *Keramir* (in Russian). URL: <https://ceramir.ru/company/info/tipy-keramicheskoy-plitki-nachalo.html> (accessed 04 October 2021).
20. GOST ISO Mashiny dlya torkretirovaniya betonnoy smesi [Concrete spraying machines] (in Russian). URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293772/4293772281.pdf> (accessed 04 October 2021).
21. *Bol'shoy stroitel'nyy terminologicheskiy slovar'-spravochnik* [Large construction terminology dictionary]. Compiled by V. D. Naumov et al. Minsk, Minsktipproekt Publ., 2008. 816 p. (in Russian).
22. Artyukhovich D. V. *Stroitel'stvo: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Construction: encyclopedic dictionary]. Stavropol', Paragraf Publ., 2011. 766 p. (in Russian).
23. *Multitrans*. Dictionary. URL: <https://www.multitrans.com> (accessed 04 October 2021).
24. *Novyy politekhnicheskiy slovar'*. Editor A. Yu. Ishlinskiy. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2000. 671 p.
25. Chto takoye torkretirovaniye poverkhnosti [What is surface shotcrete]. *Zames betona* (in Russian). URL: <https://zamesbetona.ru/betonirovanie/torkretirovanie-poverkhnosti-jeto.html> (accessed 04 October 2021).
26. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye* [Terminological Studies]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
27. Golovanova E. I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 224 p. (in Russian).
28. Ispol'zovaniye kirpicha, izgotovlennogo po tekhnologii «fleshing» [The use of bricks made using the «flashing» technology]. *Gruppa kompaniy «Torgovyy dom stroitel'nykh materialov* (in Russian). URL: <https://tdsk-ceram.ru/about/articles/ispolzovanie-kirpicha-izgotovlennogo-po-tekhnologii-fleshing/> (accessed 09 September 2021).
29. Gidroizolyatsiya primykaniy na krovlyakh. Sistema Flashing [Waterproofing of abutments on roofs. Flashing]. *Sklad-magazin gidroizolyatsionnykh materialov Hyperdesmo* (in Russian). URL: https://hyperdesmo.ru/catalog/product/gidroizolyatsiya_primykaniy_na_krovlyakh_sistema_fleshing/ (accessed 09 September 2021).
30. Guba E. N. Sovremennaya tovarovednaya klassifikatsiya i trebovaniya k kachestvu keramicheskoy plitki [Modern commodity classification and quality requirements for ceramic tiles]. *Evrasiyskoye nauchnoye ob'edineniye – Eurasian Scientific Association*, 2018, no. 5(39), pp. 35–39 (in Russian).
31. Napol'naya keramicheskaya plitka ili keramogranit? [Floor ceramic tiles or porcelain stoneware]. *Plitka* (in Russian). URL: <https://plitka.kiev.ua/articles/plitka-or-granit> (accessed 09 September 2021).
32. Superanskaya A. V., et al. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Questions of theory]. Moscow, Librokom, 2012. 248 p. (in Russian).
33. Potolok iz GSP – kak pravil'no montirovat' [GSP ceiling-how to install it correctly]. *Forum «Vash dom»*. URL: <https://forum.vashdom.ru/threads/potolok-iz-gsp-kak-pravilno-montirovat.41695/#post-257748> (accessed 09 September 2021) (in Russian).
34. Samostoyatel'noye prigotovleniye betona [Self-preparation of concrete]. *hw4*. (in Russian). URL: <https://hw4.ru/h-concrete> (accessed 09 September 2021).
35. Komarova Z. I. *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i yeye leksikograficheskoye opisaniye* [Semantic structure of a special word and its lexicographic description]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1991. 156 p. (in Russian).
36. Tabanakova V. D. *Ideograficheskoye opisaniye nauchnoy terminologii v spetsial'nykh slovaryakh. Dis. dokt. filol. nauk* [Ideographic description of scientific terminology in special dictionaries. Diss. doct. philol. sci.]. Tyumen', 2001. 288 p. (in Russian).
37. Shelov S. D. Ob opredelenii lingvisticheskikh terminov [About the definition of linguistic terms]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 1990, no. 3, pp. 21–32 (in Russian).
38. Myakisheva I. A. *Kategorial'naya uchebnaya model' rodovidovoy definitsii lingvisticheskogo termina. Avto-ref. dis. kand. filol. nauk* [Categorical educational model of the generic definition of a linguistic term. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tyumen', 2012. 24 p. (in Russian).

39. Zherebilo T. V. Mikrostruktura slovarey lingvisticheskikh terminov [Microstructure of linguistic terms dictionaries]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2015, no. 2 (part1), pp. 194–199 (in Russian).
40. Kevlarobeton [Kevlar concrete]. *Beton-house* (in Russian). URL: <https://beton-house.com/vidy/sravneniya/kevlarobeton-1067> (accessed 09 September 2021).
41. Akhmetbekova A. M. *Leksikograficheskie i metatekstovye kharakteristiki terminologicheskoy definitsii*. Dis. kand. filol. nauk [Lexicographic and metatextual characteristics of terminological definition. Diss. cand. philol. sci.]. Almaty, 2014. 122 p. (in Russian).
42. Bitumnyy praymer i mastika svoimi rukami [DIY bituminous primer and mastic]. *Forumhouse* (in Russian). URL: <https://www.forumhouse.ru/threads/512193/> (accessed 09 September 2021).
43. Khanov N. M. *Prochnost' i deformativnost' kirpichnoy kladki pri mestnom szhatii s uchetom eye in'yetsirovaniya modifitsirovannyimi polimernymi kompozitsiyami*. Avtoref. dis. kand. tekhn. nauk [Strength and deformability of brickwork under local compression, taking into account its injection with modified polymer compositions. Abstract of thesis cand. tech. sci.]. Moscow, 1993. 27 p. (in Russian).
44. Vinogradov A. L. Ispol'zovaniye sukhikh uprochniteley dlya povysheniya iznosostoykosti i prochnosti poverkhnosti betonnykh polov [The use of dry hardeners to increase the wear resistance and strength of the surface of concrete floors]. *Tekhnologii betonov*, 2013, no. 6, pp. 24–26 (in Russian).
45. PLANTER STANDARD. *Tekhnokol'. Produktsiya* (in Russian). URL: https://www.tn.ru/catalogue/profil_membrany/planter_standard/ (accessed 15 September 2021).

Информация об авторах

Н. А. Трофимова, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Information about the authors

N. A. Trofimova, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 18.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 821.161.1'371.3+81'367.622.11/.12

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-33-42>

ХЕЙТ И НЕНАВИСТЬ КАК ФОРМЫ ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ И ПОНЯТИЯ

Анна Викторовна Щетинина¹, Анастасия Сергеевна Семёхина²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ anna-73.schetinina@yandex.ru

² 79114440023sa@gmail.com

Аннотация

Введение. Рассмотрен вопрос о функционировании в современной речи слова *хейт* и его производных как единиц, называющих явления, связанные с демонстрацией враждебных отношений. Представлена сравнительная характеристика значений слов *хейт* и *ненависть*, которые употребляются в современной речи в качестве синонимов. Актуальность исследования обусловлена появлением новых реалий, в частности в сфере конфликтной интернет-коммуникации, и, соответственно, называющих их неологизмов, значения которых могут быть неизвестны носителям языка, особенно представителям старшего поколения.

Цель – проанализировать семантический объем слова *хейт* как номинации формы вражды в современной коммуникации и его дериватов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили лексикографические данные, тексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка и собранные авторами в средствах массовой информации. Использовались методы дискурсивного, интерпретационного, компонентного анализа.

Результаты и обсуждение. Отмечается, что в речи *хейт* часто используется как прямой синоним слова *ненависть*. Выявлены общие и различные черты проявления хейта и ненависти как коммуникативных моделей. Дана характеристика хейта как модели коммуникации, в которой есть участники общения, осуществляющие действия, использующие соответствующий язык, реализующие взаимодействие в определенном пространстве, прежде всего в социальных сетях. Показано, что проявление ненависти как модели коммуникации отличается прежде всего отсутствием специального места, где можно организовать взаимодействие на ее основе. Анализируется семантический объем лексем *хейт* и *ненависть*. На материале текстов средств массовой информации и социальных сетей составлено семантическое описание неологизма *хейт*. Его сопоставление с лексикографическим описанием лексемы *ненависть* показало, что *хейт* – это эмоциональное негативное отношение к объекту, которое обязательно выражается публично, а *ненависть* – это прежде всего личное чувство, которое не принято демонстрировать.

Заключение. Делается вывод, что значения слов *хейт* и *ненависть* нельзя рассматривать как идентичные, поэтому при лексикографическом описании лексемы *хейт* как новой номинации различия в семантике должны получить отражение. Отмечается, что сужение объема толкования слова *хейт* может создавать неправильное представление о нем у носителя русского языка, не знакомого со значением данной субстандартной языковой единицы.

Ключевые слова: *хейт, ненависть, семантика вражды, лексикографирование, новая лексика, язык интернета, коммуникация*

Для цитирования: Щетинина А. В., Семёхина А. С. *Хейт и ненависть* как формы вражды в современной коммуникации: опыт портретирования лексемы и понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 33–42. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-33-42>

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

Original article

HATE AND HATRED AS FORMS OF ENMITY IN MODERN COMMUNICATION: EXPERIENCE OF PORTRAITING LEXEMA AND CONCEPT

*Anna V. Shchetinina*¹, *Anastasiya S. Semekhina*²

^{1,2} *Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *anna-73.schetinina@yandex.ru*

² *79114440023sa@gmail.com*

Abstract

Introduction. The issue of the functioning in modern speech of the word *hate* and its derivatives as units that name the phenomena associated with the manifestation of hostile relations is considered. A comparative characteristic of the meanings of the words *hate* and *hatred*, which are used in modern speech as synonyms are presented in the article. The relevance of the study is due to the emergence of new realities, in particular in the field of conflict Internet communication, and, accordingly, neologisms calling them, the meanings of which may be unknown to native speakers, especially to the older generation.

The aim is to analyze the semantic volume of the lexeme *hate* as a nomination of a form of enmity in modern communication and its derivatives.

Material and methods. The research material was lexicographic data, texts extracted from the National Corpus of the Russian language and collected by the authors in the media. The methods of discursive, interpretive, component analysis were used.

Results and discussion. It is noted that in speech, *hate* is often used as a direct synonym for the word *hatred*. The general and different features of the manifestation of hate and hatred as communicative models are revealed. The characterization of hate as a communication model is given, in which there are interaction participants who perform actions using the appropriate language, realizing communication in a certain space, primarily in social networks. It is shown that the manifestation of hatred as a model of communication is distinguished, first of all, by the absence of a special place where it is possible to organize interaction on its basis. The semantic volume of the lexemes *hate* and *hatred* is analyzed. Based on the texts of mass media and social networks, a semantic description of the neologism *hate* is compiled. Its comparison with the lexicographic description of the lexeme *hatred* showed that hate is an emotional negative attitude towards an object, which is necessarily expressed publicly, and hatred is, first of all, a personal feeling that is not customary to demonstrate.

Conclusion. It is concluded that the meanings of the words *hate* and *hatred* cannot be considered identical, therefore, when lexicographic description of the lexeme *hate* as a new nomination, differences in semantics should be reflected. It is noted that narrowing the scope of the interpretation of the word *hate* can create a misconception about it among a Russian speaker who is not familiar with the meaning of this substandard linguistic unit.

Keywords: *hate, hatred, enmity semantics, lexicography, new vocabulary, Internet language, communication*

For citation: Shchetinina A. V., Semekhina A. S. *Khейt i nenavist' kak formy vrazhdy v sovremennoy kommunikatsii: opyt portretirovaniya leksemy i ponyatiya* [Hate and Hatred as Forms of Enmity in Modern Communication: Experience of Portraiting Lexema and Concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 33–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-33-42>

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-linguistic data and discourse.

Ненавидя кого-то, ты ненавидишь
в нем нечто такое, что есть в тебе самом.
То, чего нет в нас самих, нас не волнует.

Герман Гессе

Введение

В современных толковых словарях новой лексики, зафиксированной за последние два десятилетия [1–13 и др.], значения лексемы *хейт* и ее производных либо не представлены вовсе, либо описа-

ны, на наш взгляд, не в полном объеме. В медийных текстах и повседневном общении хейт и его производные объясняются через понятие «ненависть»: *Вместо того чтобы скандалить с Noize MC и выступить на Versus Battle, Навальный решил делать качественный контент, основанный на модном нынче понятии «хейт» (ненависть)* (Д. Саркисов. Не Навальный, а Нэвэльный // *lenta.ru*, 2017.06.14) [14]; *То есть хейтер – это тот, кто*

выражает свое **чувство ненависти** к кому-либо или чему-либо (Форум Тема: Кто такие хейтеры? // <https://forexdengi.com/threads/145084-kto-takie-heyteri?p=21762077>) [15]. То есть ключевым компонентом в значении лексемы *хейт* является сема ‘ненависть’. Такое толкование вполне объяснимо, поскольку слово заимствовано из английского языка (*hate*) и буквально переводится как ‘ненависть’ [16]. В «Лингвокультурологическом словаре заимствований современного русского языка» *хейт* также определяется через данное понятие ‘жарг. ненависть к творчеству или деятельности кого-либо’ [1, с. 445]. «Примечательно, однако, что ни один из английских словарей не регистрирует появления специализированного значения *hate* как маркера негативных эмоциональных оценок в интернет-пространстве. Вполне вероятно, это связано с отсутствием у „хейтов“ специализированной иконки, что, в свою очередь, объясняется антимаркетинговой сущностью отрицательной оценки. На накрукке хейтов много денег не заработаешь» [17, с. 103].

Материал и методы

Цель данного исследования – проанализировать явления в современной коммуникации, обозначаемые словом *хейт* и его производными, посредством лингвистических методов (дискурсивного, интерпретационного, компонентного анализа), чтобы составить представление о современном социокультурном явлении и сформулировать дефиницию, которая впоследствии будет включена в подготавливаемое издание «Толковый словарь лексики единения и вражды в русском языке 2000–2020 годов» [18].

Материалом исследования послужили лексикографические сведения из современных толковых словарей русского языка, а также фрагменты текстов, в которых используются слова *ненависть*, *хейт* и их производные, извлеченные из Национального корпуса русского языка [14] и собранные авторами статьи из других источников: средств массовой информации (газет «Коммерсант», «Аргументы и факты», «Российская газета», «RT на русском», журналов «Огонек», «Cosmopolitan» и других изданий) [15].

Данное исследование обладает актуальностью, поскольку «риторика ненависти – вербализированная война „всех против всех“ – становится атрибутом современных коммуникаций» [19, с. 217]. Понимание особенностей современной коммуникации, ее форм, связанных с агрессивным поведением, в том числе в сетевом общении, позволит со временем выработать способы регулирования взаимодействия людей в публичном пространстве, которым сегодня являются и медиа, и интернет.

Результаты и обсуждение

Чтобы понять суть хейта, необходимо учесть в первую очередь, что это коммуникативный феномен, о чем свидетельствует лексическая сочетаемость данного слова: *ответить на хейт*, (*обрушился*) *шквал хейта*, (*накрыла*) *волна хейта*, *объекты хейта*, *хейт пользователей*, *воспринимать хейт*, *контролировать хейт*, *отношение к хейту*, *участие в хейте*, *получить порцию хейта*, *сетевой хейт*, *безнаказанный хейт* и др. – т. е. очевидно, что хейт осуществляется в процессе взаимодействия коммуникантов, поэтому есть объекты хейта, которых может «накрыть волной хейта» или они могут получить «порцию хейта» и которые «отвечают (или не отвечают) на хейт», он происходит в определенном месте, например в социальных сетях, при участии пользователей и т. д. Таким образом, на основе анализа лексической сочетаемости слова *хейт* и его производных само явление можно представить как модель коммуникации, которая в упрощенном виде будет выглядеть следующим образом: в ней есть коммуниканты (*хейтер* и объект хейта), которые осуществляют определенные действия (*хейтят*, *отвечают на хейт*), используя соответствующий язык (*хейт-спич*) в определенном пространстве (*сетевой хейт*).

Попробуем спроецировать эту модель коммуникации на ситуацию, в которой люди испытывают ненависть. Есть участники ситуации, которые испытывают чувство ненависти (*ненавистник* (*ненавистница*)) ‘тот, кто исполнен ненависти к кому-чужому-л.’ [20, с. 456]), и объект ненависти, для которого есть только устаревшая номинация *ненавистник* ‘устар. тот, кого ненавидят, к кому испытывают чувство ненависти’ [18]. Они *ненавидят* ‘испытывать ненависть к кому-, чему-л.’ [20, с. 456]) и *ненавистничают* ‘разг. испытывать чувство ненависти; вести себя как *ненавистник*’ [20, с. 456]). Последний глагол может обозначать определенную манеру поведения, которая характеризуется прилагательным *ненавидящий* ‘выражающий ненависть, исполненный ненависти’ [20, с. 456], например: *ненавидящий* *взгляд*. *Он посмотрел на старуху в упор такими ненавидящими глазами, что та, трепеща, немедленно скрылась* (Казакевич. Весна на Одере) [20, с. 456], и *ненавистный* ‘выражающий ненависть, исполненный ненависти’ [20, с. 456], например: *Какое-то злое ощущение прошло, наконец, по лицу Настасьи Филипповны; взгляд ее становился упорен, тверд и почти ненавистен* (Достоевский. Идиот) [20, с. 456]. Возможно осуществление действий, которые характеризуются наречием *ненавистно* ‘нареч. к *ненавистный* (во 2 знач.: ‘выражающий ненависть, исполненный ненависти’)’ [20, с. 456], например: – *Желаю, чтобы сдох поскорей!* – *ошалело и ненавистно* *закри-*

чал Егор, прижимая к груди кулаки (Е. Мальцев. Войди в каждый дом) [20, с. 456].

В коммуникативной модели «ненависть» мы видим практически те же компоненты, что и в модели «хейт». Однако в первой модели не выявляется пространство, в котором может «осуществляться» ненависть, а во второй модели оно есть: место для хейта – это социальные сети (*сетевой хейт*), поэтому хейт можно организовать, принять в нем участие: *Меган Маркл, выйдя замуж за принца Гарри, стала объектом хейта, участие в котором приняли все: и королевская семья, и СМИ, и простые британцы* (Cosmopolitan, 15.03.2021) [15], но в русском языке нет выражений «организовать ненависть», «принять участие в ненависти».

Здесь мы подошли вопросу о смысловых различиях в коммуникативных моделях проявления хейта и ненависти. Для ответа на него необходимо выявить, насколько эквивалентны лексемы *хейт* и *ненависть*, которые, судя по речевой практике, рассматриваются носителями русского языка как синонимы. Для этого, во-первых, проанализируем лексикографическое описание слова *ненависть* и его употребление в разных видах дискурса, а во-вторых, на основе контекстного анализа примеров употребления слова *хейт* и его производных составим дефиницию данной леммы для словаря.

Обобщая лексикографические описания леммы *ненависть* в толковых словарях русского языка, можно составить следующее определение: «чувство сильнейшей вражды, неприязни, злобы» [20, т. 2, с. 456; 21, с. 628; 22, с. 985; 23, с. 512 и др.]. Важно отметить, что интегральной в значениях всех слов является сема «чувство». В психологическом словаре также ключевым компонентом в определении термина *ненависть* является понятие «чувство» («чувство, сопровождающееся крайне выраженным, агрессивным-отрицательным отношением человека к кому-либо или чему-либо, а также отчетливо выраженным желанием нанести вред, причинить неприятности соответствующему объекту» [24, с. 240]). Оно же избыточно используется в словосочетании *чувство ненависти*. В свою очередь полисемант *чувство* практически во всех значениях, зафиксированных словарями, включает семы, связанные с психической, внутренней жизнью человека, например: «способность ощущать, воспринимать», «состояние», «психофизическое ощущение», «внутреннее психическое состояние», «способность переживать» и др., следовательно, ненависть – это внутреннее состояние, ощущение человека. Его можно описать, выявив основные семантические характеристики на основе анализа примеров употребления данной языковой единицы в речи. Мы установили, что в текстах актуализируются следующие семантические компоненты:

‘всеобъемлющее чувство’: *Ненависть – фатальное чувство, такое же, как любовь, но со знаком минус. Ненависть – как эпидемия. Охватывает все пространство и не знает границ* (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002) [14];

‘чувство, похожее на болезнь’: *Эта ненависть приходила волнами, как зубная боль* (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013) [14];

‘нестерпимое, сжигающее чувство’: *Убить, потому что ненависть к ней стала нестерпимой!* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998) [14];

‘формирующееся в определенных условиях чувство’: *Сейчас, когда она стала взрослой женщиной, детское чувство оскорбления переросло в ненависть* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве 1994) [14];

‘взаимное чувство’: *Взаимная ненависть предопределена извечным геополитическим противостоянием двух миров...* (неизвестный. Убийство прекрасной теории // «Огонек», 2016) [14];

‘неясное, тайное, скрытое чувство’: *Кто умел читать в царском взоре, тот прочел бы в нем теперь скрытую ненависть и удовольствие видеть врага своего униженным; но поверхностному наблюдателю выражение Иоанна могло показаться благосклонным* (А. К. Толстой. Князь Серебряный, 1861–1863) [14];

‘чувство, обусловленное завистью’: *Я ей так завидовал, вся моя ненависть была от зависти к ней* (Н. Турицына. Вещественные доказательства // «Бельские просторы», 2018) [14].

Анализ атрибутивных коллокаций также подтверждает, что ненависть относится преимущественно к сфере внутренней жизни человека и характеризуется интенсивностью проявления признака, поскольку она может быть *нестерпимой, нарастающей, горячей, звериной, открытой, бешеной, неистовой, лютной, кровожадной, страстной, неодолимой* и др. и скрытым ее характером: *отстоявшаяся, затаенная, тихая, темная, сосредоточенная* и др.

В то же время у ненависти выявляются социальные характеристики. Она может быть:

‘справедливая или несправедливая’: *Родовитые родственники Вити по материнской линии считали эту ненависть вполне справедливой, потому что тоже считали, что курица вкуснее котлет, а отнюдь не наоборот, но одобряли Витю чисто внутренне, в спор никогда не вмешиваясь, да и как они могли вмешаться, если ни они к Вите с отцом, ни отец с Витей к ним в гости не ходили и по телефону друг с другом не разговаривали* (Б. Буянов. Про Аглаю Гуслякову // «Волга», 2013) [14]; *К слову, эти слова я вынес в заголовок в «Советском спорте» несколько лет назад, когда Фишер был арестован японской полицией и ему грозила выдача властям*

США с перспективой 10-летней отсидки: формально за недоплаченные налоги, фактически за открытую, резкую и, откровенно говоря, несправедливую **ненависть** к своей родине, приютившей в трудные минуты его родителей (Я. Дамский. Шахматы... // Советский спорт, 01.19.2008) [14];

‘коллективная’: «Малена» эксплуатирует мечты подростка – единственный и неповторимый Ты, кто, несмотря на **ненависть** целого города, сможет утешить взрослую женщину, и не абы какую – а саму Монику, собственной персоной: (коллективный. Форум: Взрослые фильмы о детях Топ-10, 2013) [14].

Кроме того, у ненависти есть не только личные причины: Как малы мысли о сапогах, о брошенной собачонке, мысль об избе в глухой деревеньке, **ненависть** к товарищу, отбившему девчонку... (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960) [14], но и социальные, среди которых, например:

‘классовые’: Помню, как года три назад Петр Авен убеждал меня, что, напротив, **ненависть** к состоятельным гражданам отступает, в обществе идет оздоровительный процесс к принятию нового социального слоя... (Е. Семенова. Олигарх без галстука // Аргументы и факты, 2003.01.29) [15];

‘национальные’: Однако **ненависть** к евреям не утихла и после арабского объединения под знаменем ислама (Р. Нудельман. Тайны вечных книг: ученые исследуют Коран // «Знание – сила», 2003) [14];

‘социально-исторические’: **Ненависть** ко всему советскому оборачивалась в итоге пренебрежительным отношением ко всему русскому (А. Айлисли, писатель: «Я хотел сжечь свои книги...» // Известия, 2002.08.14) [15].

Ненависть может стать объектом приложения усилий, поскольку ее можно:

‘воспитать или вырастить’: **Ненависть** к России воспитывают средства массовой информации (коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? 2008–2011) [14]; **Свою ненависть** бабка пестует, как ученик на уроке химии выращивает кристаллы сульфата меди (Герман Бер. Сулико // «Волга», 2015) [14];

‘накопить’: Фраза, брошенная мне в лицо, была давно придумана, и в ней были **ненависть** и презрение, накопленные месяцами и, может быть, даже годами (Ю. Трифонов. Предварительные итоги, 1970) [14];

‘глубоко укоренить’: Сия **ненависть** так глубоко в сердце моем вкоренилась, что, думаю, по смерти не истребится (Д. И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия, 1786–1787) [14];

‘спрятать’: Здесь есть и 20-летние мудрецы, которые тотчас гасят свой фонарь и прячут **не-**

нависть к людям и равнодушие к жизни под философскую эпанчу, как скоро перед ними блеснет луч прекрасного взора (И. А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете? 1841) [14];

‘испытывать к обидчику’: В двух шагах от него стоял босыми ногами на песке Артур, и глаза его горели как у безумного. – Пнашиел ты!.. – сказал маленький рыболов задуманно, вложив в эти слова всю свою **ненависть** к растлителю, но тот будто и не слышал. – Упустишь ведь! Ты же не знаешь, как его тащить, – застонал студент (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000) [14];

‘вызвать к себе’: Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и **ненависть** всего дома, которым управляла самовластно (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828) [14];

‘разжигать’: В ней, кроме того, говорилось о том, что не нужно оскорблять других людей, распространять о них порочащую информацию и разжигать **ненависть** на любой почве (А. Стейнберт. Молчание ребят // lenta.ru, 2016.09.03) [14].

Объектами ненависти могут быть как живые существа (**ненависть** к угнетателям, богатым людям, олигархам, евреям, убийцам, колорадам, большевикам, мужчинам, женщинам, сестре, отцу, инородцам, интеллигенции, коллегам и др.), так и отвлеченные категории (**ненависть** к советскому, нэпу, рабству, крепостному праву, иудейству, Западу, режиму, стране, работе, учебному заведению и др.).

В русском языке отсутствуют однословные дериваты, являющиеся речевыми маркерами ненависти, однако есть описательные выражения: лексика ненависти, язык ненависти, риторика ненависти.

Таким образом, если на основе проанализированных материалов из толковых словарей дополнить описание семантики слова **ненависть** характеристиками, актуализирующимися в речи носителей русского языка, то мы получим следующий «портрет» лексемы и стоящего за ней понятия:

НЕНАВИСТЬ – это чувство всеобъемлющее, похожее на болезнь, мучающую человека, по отношению к кому-либо (обидчику, жене, начальнику, соседу и под.) или чему-либо (стране, власти, школе и под.), обусловленное классовыми, национальными, социально-историческими или личными причинами, имеющее скрытую, тайную форму или выражающееся в поведении человека, которое сопровождается вербальными и невербальными сигналами (речи, взгляд, жесты и др.), демонстрирующими крайне отрицательное отношение к объекту.

Используя методы дискурсивного, интерпретационного и компонентного анализа, опишем по-

добным образом лексему *хейт*. Хейт репрезентируется в первую очередь как внешнее проявление отношения человека или группы людей к кому-либо, поэтому он выражается посредством **негативных эмоций**: «*Меня проклинают*»: Карпович шокировал **хейт** из-за развода Прилучного и Муцениеце (это вызвало крайне негативные эмоции у многочисленных поклонниц Прилучного по отношению к разлучнице. На Мирославу обрушился поток **хейта**) (Cosmopolitan, 04.11.2020) [15], **отрицательных коммуникативных действий** в адрес объекта хейта, которые отражают неприязнь: *И волна интернет-хейта, окатившая певицу в связи с треком для «Евровидения», отлично это подтверждает. Острую неприязнь того же ксенофобского и патриархального колена может вызвать и «Harry End»* (Коммерсантъ Weekend, № 11, 09.04.2021, с. 30) [15].

Большая часть примеров с лексемой *хейт* репрезентирует значение внешнего, демонстративно-публичного отношения, например через:

негативные комментарии: «*Хейт за смелость*», или *Бодипозитив по-русски <...> Сегодня, когда мы все на виду и ведем социальные сети, любой может столкнуться с негативными комментариями в адрес внешности* (Коммерсантъ Санкт-Петербург, 01.02.2021) [15];

недовольство: *Недовольных всегда было и будет много – это не должно быть тормозом в работе. Вот представь себе, в каком хейте целых государств живет великий комик и сатир Саша Барон Коэн* (Коммерсантъ Weekend, № 39, 20.11.2020, с. 2) [15];

возмущение: *Наша колумнистка Екатерина Попова рассказывает, почему новые обложки британского Cosmo с полными женщинами вызвали столько возмущения и по каким причинам модели plus size продолжают оставаться объектами хейта* (Cosmopolitan, 20.01.2021) [15];

осуждение: «*Я не в силах контролировать хейт*»: *мать Кендалл Дженнер о скандальной вечеринке. 64-летняя Крис Дженнер (Kris Jenner) заступилась за 24-летнюю дочь. Она заявила, что Кендалл Дженнер (Kendall Jenner) несправедливо осудили* (Cosmopolitan, 03.11.2020) [15];

оскорбление: «*Я днице?! Ты меня оскорбила!*»: *Ольга Бузова гневно ответила на хейт Самбурской* (Cosmopolitan, 04.12.2020) [15];

травлю: «*Устали от хейта*»: *Евгения Медведева призвала прекратить травлю фигуристок* (Cosmopolitan, 14.12.2019) [15].

Хейтинг может осуществляться по любому самому незначительному поводу («*Зато пона красивая*»: *Кайли Дженнер ответила на хейт из-за аномального пальца*. Cosmopolitan, 05.03.2020 [15]),

служить средством рекламы (*Без хейта нет и love'a! Чем больше комик дает поводов для троллинга, тем больше он комик*. Cosmopolitan, 10.07.2019 [15]) и восприниматься его объектами лояльно (*Инстадива заявила, что она лично научилась воспринимать хейт без лишних переживаний*. Cosmopolitan, 04.12.2020 [15]) и даже положительно (*Опыта общения со специалистами и хейтерами прибавилось. Сегодня хочется, чтобы побольше хейтили. Это только заряжает. Матч с Сербией – точка отправления. Именно после того хейта стал адекватно относиться, зарядил зимой от этого. Это была отправная точка*. RT на русском, 2021 [15]). Более того, в 2020–2021 годах в СМИ появилась серия публикаций, см., например, публикации в «Российской газете» или «RT на русском», в которых хейтинг рассматривается как новая сфера профессиональной деятельности. Так, появление хейтеров можно заказать: *Многие маркетологи говорят, что, если хейтеры пришли, это очень хорошо. Они, наоборот, заказывают приход таких хейтеров* (RT на русском, 2021) [15]; хейту посвящаются передачи: *В очередном выпуске, опубликованном на YouTube-канале «Футбольный хейт», специалист признался, что предпочитает общаться с журналистами мужского пола, так как женщины не разбираются в футболе. <...> «Звонят девушки, начинают брать интервью. Я говорю: «А мужчин нет у вас там?» Мужчины уже футболом не занимаются?» – сказал Кобелев в очередном выпуске шоу «Футбольный хейт»* (RT на русском, 2021) [15]; он рассматривается самими хейтерами как профессиональная деятельность: «*С каждого аккаунта приходится писать лично*»: *RT поговорил с человеком, который называет себя профессиональным хейтером* (RT на русском, 2020) [15]; *Когда они [психологи МГУ] начали разбираться, как в одном из городов в депутаты прошел взяточник (это была для него индульгенция от тюрьмы), они вышли на след хейтеров. Хитрец нанял имиджмейкеров, они вокруг него возвели нимб благодетеля-строителя дорог, а нанятые хейтеры нашли у многодетного отца «не ту ориентацию». В результате про коррупцию все забыли* (В. Емельяненко. Как противостоять хейтерам в Сети // Российская газета, 03.03.2021) [15]. В последнем случае профессиональная деятельность используется в мошеннических целях, как и в следующем примере, где хейт применяется как инструмент кибермошенников: **Фиш-хейт**. *Group-IB раскрыла новую схему мошенничества, направленную на пользователей популярных социальных сетей* (Российская газета, 2021) [15].

Градация оттенков значения слова свидетельствует о разной степени выражения отношения, от

негативных комментариев до травли, но это всегда определенные действия, которые направлены на объект в публичном пространстве, чаще всего социальных сетей, поскольку сегодня это основная площадка для самовыражения. Публичный характер хейта обусловил и появление производных номинаций: *хейт-спич* (**Хейт-спич, неполиткорректные высказывания – с этими вещами у нас борются практически так же яростно, как на политкорректном Западе.** Коммерсантъ FM, 24.07.2012 [15]), *хейт-дискурс* (**Поразительный фильм – не только триллер о последних 10 годах хейт-дискурса в интернете, не только комедия о политтехнологиях и выборах и не только драма о чудовище Франкенштейна, в которой произведение искусства начинает жить своей жизнью и превращается в монстра.** Коммерсантъ Weekend, № 25, 31.07.2020, с. 5 [15]), *хейт-крайм* (**Это не просто определить в политкорректной Европе, где много спорят, скажем, о грани между свободной критикой политиков или общественных деятелей и хейт-краймом – «преступлениями ненависти» (понятие включает в себя расизм и антисемитизм). Простой пример: из-за обвинений в антисемитизме, в том числе сетевом, лейбористская партия Британии в серьезнейшем кризисе, по сути – на грани раскола.** Огонек, № 9, 11.03.2019, с. 22 [15]).

Более того, явление хейта амбивалентно: он не только демонстрирует негативное отношение к объекту, но и становится объединяющим основанием для *хейт-групп* (**После нескольких публикаций RT о травле в интернете мы предложили участникам хейт-групп в соцсетях дать нам интервью.** RT на русском, 25.02.2020 [15]), *хейт-кампаний* (**Хотя бы потому, что простым способом получить этот лайк оказалось участие в коллективном осуждении людей или явлений, и вместо прекрасного единения вообще мы теперь наблюдаем единение в хейт-кампаниях.** Коммерсантъ Weekend, № 28, 04.09.2020, с. 3 [15]) и *хейт-шоу* (**Резидент Comedy Club на ТНТ Тимур Батрутдинов и один из самых завидных женихов страны стал героем хейт-шоу «Прожарка» на телеканале ТНТ4.** Cosmopolitan, 10.07.2019 [15]).

Составляя квалификационную дефиницию, включающую родовидовые характеристики исследуемого слова, выявленные на основе анализа контекстов, можно сформулировать следующее словарное определение:

ХЕЙТ – это неприязненное, негативное отношение к кому-либо, выражающееся публично, например в социальных сетях или СМИ, в форме высказываний, мемов и других инструментов представления крайне отрицательного мнения в адрес объекта.

Заключение

Таким образом, с одной стороны, и ненависть, и хейт содержательно репрезентируют крайне отрицательное отношение к объекту, однако есть существенные различия. Ненависть – сильное чувство, прежде всего личное, даже если оно обусловлено социокультурными причинами. Чувство ненависти традиционно относится к негативным, поэтому его принято скрывать (**Ненависть к людям появляется у типов или очень умных, но злобных, или у очень глупых – и опять-таки при этом злобных.** А. Слаповский. Гибель гитариста, 1994–1995; **...любые дела делать кое-как – с озлоблением и в состоянии крайнего раздражения на себя, на предмет своего труда, которое, в конце концов, перерастало каждый раз в ненависть к себе, привычно срываемую на окружающих.** М. Палей. Поминование, 1987 [14]). Ненависть разрушительна, что осознается и самим человеком, который ее испытывает (**Не хочу выяснять отношения с теми, кто уже не сможет мне ответить.** **Ненависть меня разрушает. Сейчас идут в наших театрах спектакли, и даже очень талантливые, от которых исходит разрушительная энергия.** Ф. Чеханков: **Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13; Человека физически убивает не только пуля или болезнь; физически человека разрушает и его нравственное состояние: зависть, ненависть, горечь, злоба отравляют человека не только душевно, но и телесно.** Митрополит Антоний (Блум). Страстная седмица, 1980; **И замечали люди – где ненависть, там скорей умирали.** В. Гроссман. Все течет, 1955–1963 // Октябрь, 1989 [14]). Ненависть не публична, ее проявления чаще всего произвольны (**Он поднял на меня свои бежевые глаза, и вдруг на мновение в них сверкнула такая неистовая ненависть, что я отшатнулась.** И. Грекова. В вагоне, 1983; **Но, видимо, все-таки что-то недоброе почуял в этой безропотной и молчаливой служанке сам хозяин – может, взгляд «не тот» перехватил, а может, просто нутром почувствовал ее ненависть.** Л. Аркадьев кинодраматург. Она казнила палача // Труд-7, 2000.07.14 [14]), это чувство, которое не принято демонстрировать в межличностном непосредственном взаимодействии, поскольку в таком случае нарушается принцип кооперативного общения. Кроме того, судя по речевому употреблению, ненависть испытывают по отношению к тому, что является очень важным для человека (**В этих местах, именуемых СИЗО, культивируют лишь озлобление, ненависть и бессознательный протест против всего, что олицетворяет власть и систему правоохранительных органов.** И. Насонов. Съели тараканы черного коня // Труд-7, 2000.10.03; **Но после смерти матери отец женился на злой и**

жестокоей женщине, и **ненависть** к мачехе заставила Александра покинуть Англию. М. Зарытовская. Ивановы, помнящие родство // Труд-7, 2000.08.31 [14]).

Явление хейта в современной коммуникации – это, на наш взгляд, культивирование агрессивного поведения, причем всегда намеренного, в отношении лица, с которым хейтер чаще всего не знаком лично. Хейт – это новый тип коммуникации, в котором может участвовать любой член общества, если он пользователь социальных сетей, при этом хейтинг может осуществляться по разнообразным поводам, использоваться как инструмент рекламы, быть профессиональным занятием и восприниматься негативно, положительно и нейтрально его объектами. Данный феномен требует дальнейшего исследования, и в том числе изучения требует лексика, связанная с явлением хейта, поскольку «вся-

кое новое слово выражает и отражает сдвиги общественного сознания в целой системе мыслей, представлений и оценок. Поэтому-то в новом слове прежние признаки и мысли, прежнее понимание и оценка предмета решительно преобразуются» [25, с. 254].

Лексемы *ненависть* и *хейт* с точки зрения семантического объема, на наш взгляд, нельзя рассматривать как эквивалентные. Различия их семантики должны найти отражение в практике лексикографирования, поскольку сужение объема толкования новых слов может создавать искаженное представление у носителей языка, не знакомых с новым языковым фактом. И если слово *ненависть*, возможно, не нуждается в семантической конкретизации в лексикографических источниках, то *хейт* как новая субстандартная единица требует подробного описания.

Список литературы

1. Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 484 с.
2. Дьяков А. И. Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2010. 588 с.
3. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
4. Катлинская Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка: около 2 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2008. 380 с.
5. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов: справочное издание. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.
6. Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 926 с.
7. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.
8. Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Популярный словарь иностранных слов: Около 5 000 слов. М.: Азбуковник, 2002. 494 с.
9. Новиков В. И. Словарь модных слов: языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2018. 351 с.
10. Окунцова Е. А. Новейший словарь иностранных слов: около 5 000 слов и словосочетаний. М.: Айрис-пресс, 2009. 510 с.
11. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
13. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 22.05.2021).
15. МА – материалы, собранные авторами.
16. Hate // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/hate?q=Hate> (дата обращения: 22.05.2021).
17. Вертинская О. М. Лайки и хейты: новые знаки новой реальности // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. Иммануила Канта, 2019. С. 96–108.
18. Щетинина А. В. Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды // Научный диалог. 2021. № 3. С. 139–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155
19. Жадунова Н. В., Коваль Е. А. Риторика ненависти и свобода слова: возможно ли ограничение риторики ненависти в публичном дискурсе? // Век информации. 2018. №2-2. С. 216–218.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.; Т. 2. 732 с.
21. Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед.; авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 1998. 1535 с.
22. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950–1965. Т. 7. 1958. XVI с., 1468 стб.
23. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

24. Немов Р. С. Психологический словарь. М: ВЛАДОС, 2007. 560 с.
 25. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–36.

References

1. Golikova T. A. *Lingvokul'turologicheskiy slovar' zaimstvovaniy sovremennogo russkogo yazyka* [Linguoculturological dictionary of borrowings of the modern Russian language]. Moscow, Berlin: Direkt-Media Publ., 2021. 484 p. (in Russian).
2. D'yakov A. I. *Slovar' angliyskikh zaimstvovaniy russkogo yazyka* [Dictionary of English borrowings of the Russian language]. Novosibirsk, Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2010. 588 p. (in Russian).
3. Zakharenko E. N. *Novyy slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy* [New dictionary of foreign words: over 25,000 words and phrases]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p. (in Russian).
4. Katlinskaya L. P. *Tolkovyy slovar' novykh slov i znacheniy russkogo yazyka: okolo 2 000 slov* [Explanatory dictionary of new words and meanings of the Russian language: about 2000 words]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2008, 380 p. (in Russian).
5. Krysin L. P. *1 000 novykh inostrannykh slov: spravochnoye izdaniye* [1000 new foreign words: reference edition]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2009. 320 p. (in Russian).
6. Levikova S. I. *Bol'shoy slovar' molodezhnogo slenga* [Big dictionary of youth slang]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2003. 926 p. (in Russian).
7. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutskaya N. M. *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Big universal dictionary of the Russian language]. Moscow, Slovare XXI veka Publ., 2017. 1456 p. (in Russian).
8. Muzrukova T. G., Nechayeva I. V. *Populyarnyy slovar' inostrannykh slov: Okolo 5 000 slov* [Popular dictionary of foreign words: About 5 000 words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 494 p. (in Russian).
9. Novikov V. I. *Slovar' modnykh slov: yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of fashionable words: the linguistic picture of modernity]. Moscow, Slovare XXI veka Publ., 2018. 351 p. (in Russian).
10. Okuntsova E. A. *Noveyshiy slovar' inostrannykh slov: okolo 5 000 slov i slovosochetaniy* [The Latest dictionary of foreign words, about 5,000 words and phrases]. Moscow, Ayris-press Publ., 2009. 510 p. (in Russian).
11. *Slovar' yazyka interneta.ru*. Ed. M. A. Krongauz [Language Dictionary Internet.ru. Ed. by M. A. Krongauz]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p. (in Russian).
12. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka*. Ed. G. N. Sklyarevskaya [Explanatory dictionary of Russian language of the early twenty-first century. Ed. by G. N. Sklarevskaya]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 1136 p. (in Russian).
13. Shagalova E. N. *Samyy noveyshiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The newest explanatory dictionary of the Russian language in XXI century: approx. 1500 words]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011, 413 p. (in Russian).
14. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru/new-search-main.html> (accessed 22 May 2021).
15. MA – *Materialy, sobrannyye avtorami* [Materials collected by the authors] (in Russian).
16. Hate. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/hate?q=Hate> (accessed 22 May 2021).
17. Vertinskaya O. M. Layki i kheyty: novye znaki novoy real'nosti [Likes and haits: new signs of a new reality]. *Svoye vs chuzhoye v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo yazyka* [Own vs alien in the discursive practices of the modern Russian language]. Kaliningrad, Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta Publ., 2019, pp. 96–108 (in Russian).
18. Shchetinina A. V. Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovani novykh slov s semantikoy yedineniya i vrazhdy [Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity]. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 3, pp. 139–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155 (in Russian).
19. Zhadunova N. V., Koval' E. A. Ritorika nenavisti i svoboda slova: vozmozhno li ogranicheniye ritoriki nenavisti v publichnom diskurse? [Hate speech and freedom of speech: is it possible to limit the rhetoric of hatred in public discourse?]. *Vek informatsii – The Information Age*, 2018, no. 2-2, pp. 216–218 (in Russian).
20. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999 (in Russian).
21. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Avt., sost., glav. red. S. A. Kuznetsov [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, NORINT Publ., 1998. 1535 p. (in Russian).
22. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. Tom 7.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1958, XVI p. 1468 stb. (in Russian).
23. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniye svedeniy o proiskhozhdenii slov*. Ed. N. Yu. Shvedova [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words. Ed. N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p. (in Russian).
24. Nemov R. S. *Psikhologicheskiy slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow, VLADOS Publ., 2007. 560 p. (in Russian).

25. Vinogradov V. V. Slovo i znachenije kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovaniya [Word and meaning as a subject of historical and lexicological research]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language), 1995, no. 1, pp. 5–36 (in Russian).

Информация об авторах

А. В. Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620075).

А. С. Семёхина, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620075).

Information about the authors

A. V. Shchetinina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (pr. Lenina, 51, Yekaterinburg, Russian Federation, 620075).

A. S. Semekhina, Research Assistant, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (pr. Lenina, 51, Yekaterinburg, Russian Federation, 620075).

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 03.09.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 811.111'42:004+81'276.6:62+001.4

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-43-53>

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Александр Юрьевич Багиян¹, Алина Геннадьевна Моногарова²

^{1,2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹ alexander.0506@mail.ru

² alicha2002@mail.ru

Аннотация

Введение. Формирование профессиональной идентичности будущего профессионала является одной из наиболее актуальных тематик целого комплекса гуманитарных исследований. Тем не менее на сегодняшний день имеется ограниченное количество работ, непосредственно дающих теоретически обоснованные практические рекомендации относительно особенностей формирования профессиональной идентичности. Отмечается, что данный процесс должен сопровождаться серьезными лингвоаксиологическими исследованиями, в особенности, если речь идет о формировании иноязычной профессиональной идентичности преподавателя иностранных языков и культур.

Цель работы заключается в выстраивании аксиологической концептосферы современного педагогического дискурсивного пространства и выявлении корреляционной зависимости лингвоаксиологического манипулирования и процесса формирования иноязычной профессиональной идентичности будущего преподавателя. Основными задачами исследования является формирование корпуса текстов исследования, проведение лингвопрагматического и контент-анализа отобранных текстов, выявление дискурсивных и аксиологических компонентов фрагментов педагогического дискурса для адекватного построения аксиосферы дискурса, определение уровня оказания манипулятивного (суггестивного) воздействия на адресата посредством актуализации выявленных элементов аксиосферы исследуемого дискурсивного пространства, обобщение полученных данных и определение особенностей самоидентификации личности преподавателя при восприятии им ценностно нагруженных текстов через соответствующее суггестивное воздействие.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 15 письменных текстов педагогического дискурса, составленные профессионалами для преподавателей английского языка и принадлежащие к конкретной структурной части книги – «Introduction» («Введение»). Используется комплексный метод анализа данных, совмещающий в себе метод дискурс-анализа, метод концептуального анализа, метод прагмалингвистического анализа, а также метод количественной обработки полученных данных.

Результаты и обсуждение. В связи с многоаспектным характером исследования приводится развернутый литературный обзор, включающий в себя анализ тем профессиональной идентичности преподавателя, лингвоаксиологического фактора формирования идентичности и лингвистической содержательности продуктивного речевого манипулирования.

Проведенное комплексное прагма-аксиологическое исследование выявило пять базовых аксиологических концептов, формирующих аксиологическую концептосферу исследуемого педагогического дискурса: DEVELOPMENT, ENJOYMENT, NOVELTY, EFFECTIVENESS, READINESS, вербализация каждого из которых представляет собой способ продуктивного манипулирования сознанием потенциального адресата. Манипулирование осуществляется за счет определенного функционального диапазона лексических единиц-вербализаторов данных концептов. Полученные результаты позволяют выстроить аксиологическую концептосферу рассматриваемого педагогического дискурсивного пространства, а также выявить корреляционную зависимость функционального диапазона прагма-аксиологически заряженных лексических единиц-вербализаторов с оказываемым на потенциального адресата манипулятивным воздействием.

Заключение. Также для дальнейшего исследования представленной тематики выдвигается гипотеза культурного манипулирования, согласно которой имеющиеся в англосаксонской традиции ценностно-оценочные педагогические ориентиры детерминируют модель поведения педагогов, принадлежащих к другим культурно-этническим субстратам, но обучающихся по их методике.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, дискурс, аксиология, аксиосфера, концепт, манипулирование, преподавание иностранных языков

Для цитирования: Багиян А. Ю., Моногарова А. Г. Лингвоаксиологическое манипулирование как элемент формирования профессиональной идентичности преподавателя // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 43–53. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-43-53>

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках проекта МК-2338.2020.6 (Комплексное прагматическое исследование современного электронного текста: стратегии реализации манипулятивного потенциала) по гранту Президента Российской Федерации и в рамках научного проекта № 20-012-00364-А (Дискурсивное пространство профессиональной языковой личности в лингвоаксиологической системе координат) по гранту РФФИ.

Original article

LINGUISTIC-AXIOLOGICAL MANIPULATION AS AN ELEMENT OF TEACHER PROFESSIONAL IDENTITY FORMATION

Aleksandr Yu. Bagiyani¹, Alina G. Monogarova²

^{1,2} *Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation*

¹ *alexander.0506@mail.ru*

² *alicha2002@mail.ru*

Abstract

Introduction. Professional identity formation of the future specialist is one of the most relevant topics of the whole range of humanitarian studies. However, to date, there is a limited number of works that directly provide theoretically sound practical recommendations on the features of shaping professional identity. We believe that this process should be accompanied by serious linguistic studies, especially when it comes to the formation of a foreign-language professional identity of a teacher of foreign languages and cultures.

Aim and objectives. The purpose of the work is to build the axiological conceptual sphere of the modern pedagogical discursive space and, subsequently, to identify the correlation dependence of linguistic-axiological manipulation and the process of forming the foreign-language professional identity of the future teacher. The main tasks of the study are forming the texts corpus; carrying out of pragmatic and content analysis of selected texts; identifying discursive and axiological components of fragments of pedagogical discourse to adequately construct the axiological sphere of discourse; determining the level of manipulative impact on the addressee by updating the identified elements of the axiological sphere of the studied discursive space; synthesizing the obtained data and determining the features of self-identification of the teacher's personality when they perceive value-loaded texts through the corresponding suggestive effect.

Material and methods. The study was based on 15 written texts of pedagogical discourse compiled by professionals for English teachers and belonging to a specific structural part of the book – “Introduction”. A comprehensive method of data analysis is used, combining the method of discourse analysis, the method of conceptual analysis, the method of pragmatolinguistic analysis, as well as the method of quantitative processing of the obtained data.

Results and discussion. In connection with the multidimensional nature of the study, a detailed literary review is given, including the analysis of the topics of the teacher's professional identity, the linguistic-axiological factor of the identity formation and the linguistic content of productive speech manipulation.

A comprehensive pragma-axiological study revealed 5 basic axiological concepts that form the axiological conceptual sphere of the educational discourse under study: DEVELOPMENT, ENJOYMENT, NOVELTY, EFFECTIVENESS, READINESS, verbalization of each of which is a way of productive manipulation of the potential addressee's consciousness. Manipulation is carried out at the expense of a certain functional range of lexical units-verbalizers of these concepts. The obtained results make it possible to build the axiological conceptual sphere of the considered pedagogical discursive space, as well as to identify the correlation dependence of the functional range of pragma-axiologically charged lexical units-verbalizers with manipulative effect on a potential addressee.

Conclusion. Also, for further study of the presented topics, the hypothesis of cultural manipulation is put forward, according to which the axiological pedagogical guidelines available in the Anglo-Saxon tradition determine the model of behavior of teachers belonging to other cultural and ethnic substrates, but studying according to their methodology.

Keywords: *professional identity, discourse, axiology, axiological sphere, concept, manipulation, foreign language teaching*

For citation: Bagiyani A. Yu., Monogarova A. G. Lingvoaksiologicheskoye manipulirovaniye kak element formirovaniya professional'noy identichnosti prepodavatelya [Linguistic-Axiological Manipulation as an Element of Teacher Professional Identity Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* –

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the MK-2338.2020.6 project (Comprehensive pragmalinguistic research of modern electronic text: strategies for manipulative potential realization) under a grant from the President of the Russian Federation, and within the scientific project No. 20-012-00364-A (Discourse space of a professional linguistic personality in the linguistic and axiological coordinate system) under a grant from the Russian Foundation for Basic Research.

Введение

Формирование профессиональной идентичности человека – это комплексный процесс, простирающийся через время, затрагивающий профессионально-личностное развитие индивида, определяющий его поведение и мировосприятие. Каждый из факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности, на сегодняшний день является исследовательским доменом ряда гуманитарных наук, среди которых особое место принадлежит лингвистике и аксиологии.

Интерес и необходимость лингвоаксиологической экспертизы профессионального дискурса обусловлены неотъемлемой вовлеченностью языка письменного или устного модуса в рабочий процесс большинства профессий. Более того, ряд профессиональных направлений напрямую полагается на язык как медиум для передачи информации, формирования профессиональных компетенций, вербализации инструкций, нормативных и предписывающих установок и т. д. Вслед за рядом ученых [1–3] мы придерживаемся мнения о том, что профессиональная идентичность формируется не только собственно в процессе освоения узкоспециальных знаний и осуществления трудовой деятельности, но во многом зависит от создаваемого профессиональным институтом и обществом дискурсом – совокупности экстралингвистических факторов и профессионально ориентированной риторики.

Одним из наиболее существенных элементов обозначенного дискурса является продуктивное речевое манипулирование. Согласно ряду проведенных исследований [4], манипулятивный потенциал любого дискурсивного пространства в значительной степени зависит от вербализуемых в нем ценностно-оценочных доминант, равно как и самих способов этой вербализации. Таким образом, имеет смысл говорить о продуктивном лингвоаксиологическом манипулировании как неотъемлемом элементе оказания необходимого суггестивного воздействия на потенциального адресата.

Гипотезой исследования послужило предположение авторов о том, что на формирование языковой и профессиональной картины мира представителя института особым образом влияет письменный педагогический дискурс, а именно его воплощение в форме профессионально ориентированной литературы. Более того, суггестивное воздей-

ствие на адресата специализированных текстов оказывают ценности, объективируемые в коммуникации, созданной профессионалами. Здесь и далее под представителем института мы понимаем настоящего или будущего профессионала в области теории и методики преподавания иностранных языков и культур.

Данная работа объединяет ряд подходов к изучению языка как, во-первых, одного из ключевых механизмов формирования профессиональной идентичности представителя института, а во-вторых – неотъемлемого компонента продуктивного речевого манипулирования сознанием потенциального адресата. Опираясь на теоретический аппарат лингвистики, аксиологии, дискурсивной лингвистики, мы ставим целью: а) описание структурных компонентов педагогического дискурса (представлен в данном исследовании профессиональными пособиями и учебниками для преподавателей иностранного языка); б) построение аксиосферы письменного педагогического дискурса и определение роли ценностно нагруженных концептов в формировании личности и самоидентификации преподавателя иностранного языка; в) определение уровня корреляции лингвоаксиологической модели дискурсивного пространства преподавателя иностранных языков и культур с имеющимся в данном пространстве продуктивном манипулятивном заряде.

Для достижения поставленных целей были определены следующие задачи:

- 1) формирование корпуса текстов исследования;
- 2) проведение лингвопрагматического и контент-анализа отобранных текстов;
- 3) выявление дискурсивных и аксиологических компонентов фрагментов педагогического дискурса для адекватного построения аксиосферы дискурса;
- 4) определение уровня оказания манипулятивного (суггестивного) воздействия на адресата посредством актуализации выявленных элементов аксиосферы исследуемого дискурсивного пространства.
- 5) обобщение полученных данных и определение особенностей самоидентификации личности преподавателя при восприятии им ценностно нагруженных текстов через соответствующее суггестивное воздействие.

Материал и методы

Материалом исследования явился ряд письменных текстов педагогического дискурса в количестве 15 единиц, объединенных в корпус на основании следующих критериев:

1) тексты были составлены профессионалами для преподавателей английского языка (коммуникативная пара «профессионал – профессионал»);

2) все тексты принадлежат к конкретной структурной части книги – были отобраны и проанализированы текстовые фрагменты, относящиеся к части «Introduction» («Введение»).

Материал исследования мотивирован эмпирически подтвержденным мнением авторов о высокой концентрации важнейших смыслов, которые находят воплощение во введении. С одной стороны, в данном разделе книг адресанты текстов обозначают ценность и актуальность своего произведения, а с другой – вербализуют релевантные концепты и актуальные для профессиональной сферы идеи. Все это служит точкой опоры для адресата, который использует специализированную литературу как инструмент профессионального развития. В результате ознакомления с частью «Введение» читатель может получить квинтэссенцию не только книги, но и различных аспектов деятельности преподавателя иностранного языка, куда относятся феномены лингвистического и институционального порядка.

Для достижения поставленных целей авторы обратились к следующим методам:

– дискурс-анализа, который позволил взглянуть на отношение текста и контекста в культурно и исторически обусловленных условиях [5] с учетом формы, функции, структуры и содержания языка профессионалов и связанных с их деятельностью идеологических пресуппозиций [6];

– концептуального анализа: авторам удалось выявить наиболее широко представленные когнитивно-языковые смыслы, которые актуальны для педагогического дискурса, вербализуются посредством различных языковых средств и помимо значения содержат в себе ценностный аспект [7];

– прагмалингвистического анализа, который дал авторам возможность определить корреляционную зависимость определенных аксиологически нагруженных языковых (лексических) единиц с имеющимся в них продуктивным манипулятивным потенциалом;

– количественной обработки полученных данных, реализованной параллельно с лингвистической интерпретацией данных, что позволило определить связи между явлениями языкового порядка [8, 9], моделировать аксиосферу исследуемого дискурса и определить заложенный в ней продуктивный манипулятивный потенциал.

Литературный обзор

Профессиональная идентичность преподавателя

Профессиональная идентичность – это сложный конструкт, который не является статичным и односторонним [10]. Данный аспект профессиональной идентичности приводит к плюрализму дефиниций и интерпретаций, а также вариативности в использовании термина. М. Пиллен отмечает, что подобная ситуация обусловлена, в частности, фактом динамичности, постоянных трансформаций, характерных для личности в профессиональном социуме [11]. В таком случае представляется возможным толковать профессиональную идентичность преподавателя как явление не статичное, а подверженное изменениям. Данное мнение авторов основано на имеющейся теоретической базе, посвященной обсуждаемому вопросу. Так, анализируя различные дефиниции термина «идентичность преподавателя», Дж. Миллер пришел к выводу, что есть некие ключевые лексемы, вербализующие концепт ИДЕНТИЧНОСТЬ, среди которых «относительная», «обсуждаемая», «воплощаемая в действии», «трансформирующая», «транзитивная», что, по мнению автора, подчеркивает «продолжающуюся» динамичную природу термина «идентичность» [12].

Отметим, что исследованием профессиональной идентичности преподавателя сложно заниматься в отрыве от профессионального института, который формирует эту личность и оказывает долгосрочное воспитательно-регламентирующее и мотивационное влияние на его представителя [13]. Среди факторов, оказывающих воздействие на формирование профессиональной идентичности, А. Флорэс и К. Дэй называют личный и профессиональный путь преподавателя, его обучение, проблемы культуры школы и лидерство – условия, которые детерминируют стабильность или нестабильность профессиональной идентичности в ранние годы преподавания, а также влияют на то, насколько эффективным преподаватель станет позднее в жизни [14]. Схожим образом определяется роль условий и места работы у Y. Kang и X. Cheng: по мнению исследователей, идентичность учителя и его когнитивное развитие являются результатом циклического практического взаимодействия преподавателя с определенной совокупностью знаний и взглядов с аудиторией. При этом благоприятной средой для формирования профессиональной идентичности преподавателя, согласно ученым, является место, где есть баланс между рабочей нагрузкой, поддержкой коллег и доступностью средств для самообучения [15].

Ряд исследований связывает профессиональную идентичность преподавателя с его знаниями,

убеждениями и практической деятельностью, в которой он их применяет [16, 17]. Таким образом, представляется возможным выделить две взаимосвязанные сферы – сферу знаний учителя и сферу его деятельности. Профессиональная идентичность учителя формируется как вследствие его взаимодействия с профессиональным сообществом, так и в результате опыта, приобретаемого в процессе усвоения знаний о том, как следует учить. Вместе с приобретаемыми компетенциями меняется и личность преподавателя – фактор, который, по мнению ученых, чрезвычайно важен в понимании мотивации и изменений, происходящих с личностью преподавателя [16, 17].

Таким образом, значительное количество исследований в данной области указывают на необходимость профессионального саморазвития как неотъемлемый компонент устойчивого формирования и поступательного развития профессиональной идентичности преподавателя иностранных языков и культур, где одним из наиболее доступных способов является самостоятельное и коллективное изучение профессиональной литературы.

Отметим, что актуальность данного аспекта для исследуемой области также оказала существенное влияние на выбор предмета и материала настоящего исследования.

Лингвоаксиологический фактор формирования идентичности

Вслед за исследователями, обозначенными выше, мы придаем фактору знаний большое значение. Развивая идею о том, что почерпнутые в процессе овладения профессией знания оказывают непосредственное влияние на самоопределение и поведение профессионала, мы помещаем в фокус внимания лингвоаксиологический аспект обучения профессионала. Несмотря на значительный теоретико-практический задел в профессиональной коммуникации, лингвоаксиологии и формировании профессиональной идентичности как отдельных областях исследования, на сегодняшний день существует относительно небольшое количество исследований, направленных на изучение и анализ того, какое влияние и лингвоаксиологическое воздействие оказывает профессиональная коммуникация на формирование как профессиональной языковой личности индивида, так и в более широком аспекте его профессиональной идентичности. Если же рассматривать данный исследовательский фокус в аспекте педагогического профессионально-дискурсивного пространства, количество работ в данной области становится еще более точечным [18, 19].

Суть лингвоаксиологического фактора как одного из определяющих в формировании професси-

ональной идентичности заключается в том, что для адекватного формирования иноязычной профессиональной идентичности необходимо не только (и не столько) усвоение языковых структур, сколько ассимиляция и инкорпорирование фундаментальных ценностно-оценочных элементов, формирующих лингвоаксиологическое пространство усваиваемой культуры. Иными словами, изучение языка и, как следствие, выстраивание профессиональной языковой личности являются одним из наиболее удобоваримых способов формирования профессиональной идентичности посредством расширения и углубления аксиологической концептосферы индивида за счет ценностно-оценочных установок другого языкового пространства.

Отметим, что данное утверждение в полной мере коррелирует с основными постулатами зарубежной концепции лингвокультурной педагогики, равно как и с лингвокультурологическими подходами к «транскультурности» в отечественной лингводидактике [20, 21].

Лингвистическая содержательность продуктивного речевого манипулирования

Несмотря на тот факт, что термины «манипуляция» и «манипулирование» изначально имеют нейтральное значение и не предполагают заведомо отрицательную реакцию, на сегодняшний день они зачастую используются именно в пейоративном значении и подразумевают «неблаговидность действий манипулятора, идущих вразрез с волей адресата и наносящих ему ущерб» [22, с. 93].

Именно по описанной выше причине речевое манипулирование оказывается зачастую синонимичным понятию «речевая агрессия», под которым мы, вслед за К. Ф. Седовым, понимаем «целенаправленное коммуникативное воздействие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (например, страх, фрустрацию) у объекта речевого воздействия» [23, с. 89].

Тем не менее дальнейшие исследования Константина Федоровича в области манипулятивного воздействия позволяют рассмотреть речевое манипулирование в несколько ином свете – как «осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие, которое имеет целью изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения собеседника» [24, с. 103]. Данная формулировка дает возможность проследить расстановку основных приоритетных дискурсивных элементов, обладающих манипулятивным потенциалом: качественное речевое манипулирование со стороны адресанта предполагает оказание на потенциального адресата определенного суггестивного воздействия через апелляцию

к его эмоциональной сфере и ценностно-оценочным установкам. Другими словами, ключевую роль при осуществлении речевого манипулирования играют именно аксиологический и прагматический аспекты.

Отметим также, что если рассматривать различные формы проявления перлокутивного эффекта различных речевых актов, то можно проследить четкое деление на конфликтную и продуктивную манипуляцию. Первый вид манипулирования направлен на причинение вреда адресату, второй же – на улучшение его психоэмоционального состояния. Рассматривая продуктивное манипулирование в аксиологическом аспекте, можно также утверждать, что данный вид манипулятивного воздействия формирует и в дальнейшем трансформирует ценностно-оценочную составляющую когнитивной базы потенциального адресата посредством оказания на него необходимого суггестивного воздействия [25].

Применяя рассматриваемое явление с профессионально-педагогической точки зрения, склонность к аксиологически нагруженному продуктивному речевому манипулированию определяется как общеличностный конструкт и форма педагогического воздействия, заключающаяся в психологической готовности к актуализации у адресата (учащегося) необходимых интенций, направленных на достижение ими социально желательных целей [26, с. 7].

Итак, в аспекте ценностно-оценочного формирования профессиональной идентичности будущего преподавателя иностранных языков и культур продуктивное речевое манипулирование определяется как элемент существующих теорий мотивации и зачастую используется как очередной уровень мотивационного воздействия на потенциального адресата. По сути, в рамках исследуемого педагогического дискурсивного пространства речевое манипулирование принимает форму дополнительной мотивации адресата в аспекте совершенствования его профессиональной идентичности. При этом изучение профессиональной литературы на иностранном языке (в данном случае – английском) также способствует совершенствованию его профессиональной языковой личности.

Результаты и обсуждение Аксиологическая концептосфера педагогического дискурса

В ходе проведенного комплексного прагма-аксиологического исследования были выявлены 5 базовых аксиологических концептов, формирующих аксиологическую концептосферу исследуемого педагогического дискурса: DEVELOPMENT, ENJOYMENT, NOVELTY, EFFECTIVENESS, READI-

NESS. Важно отметить, что вербализация каждого из выявленных аксиологических концептов представляет собой способ продуктивного манипулирования сознанием потенциального адресата. При этом манипулирование осуществляется за счет определенного функционального диапазона лексических единиц-вербализаторов данных концептов. Рассмотрим примеры лингвоаксиологического манипулирования посредством вербализации выявленных аксиологических концептов и их функционирования в рамках исследуемого дискурсивного пространства.

DEVELOPMENT

The book looks at the *evolution and refinement of our ideas* about foreign language teaching and their increasing anchoring in our notions of language learning [27].

Лексемы ‘evolution’ (= the gradual development of something) и ‘refinement’ (= the improvement or clarification of something by the making of small changes) изначально обладают значительным уровнем амелиоративности, заложенным в исходном денотативном значении. Сочетание данным лексем с профессионально ориентированной лексикой (‘foreign language teaching’, ‘notions of language teaching’) используется автором осознанно с целью частичного переноса положительного значения единиц-вербализаторов на базовую терминологию и, следовательно, имплицитное обозначение описываемых в книге методик преподавания как наиболее прогрессивных.

В данном случае адресант использует лексические единицы-вербализаторы с целью оказания суггестивного воздействия посредством функций аттракции (привлечения внимания) и интенсификации (усиления эффекта первой лексической единицы за счет использования второй).

ENJOYMENT

I see now that, although gardening IS a chore and involves *unending problem-solving rather than perfect solutions*, it’s also *tremendously rewarding*. I feel just the same way about school classrooms. <...> And now I see that *the chore of planning and teaching is positively enjoyable* and that *there’s always plenty to learn*. I can see many other parallels between working in gardens and working in classrooms. If you’d like to join me in exploring this metaphor, watch for the flower motifs throughout the book [28].

В представленном примере лексические единицы-вербализаторы (прилагательные) находятся в составе усилительных коллокационных конструкций (ADV + ADJ: ‘tremendously rewarding’ и ‘positively enjoyable’), поскольку сопровождаются другими амелиоративными лексическими единицами (наречиями), придающими дополнительный прагма-аксиологический заряд всему высказыва-

нию. Таким образом, в данном случае лексические средства также используются для реализации функций аттракции и интенсификации.

Использование личных местоимений первого лица 'I' и 'me' также оказывает значительное суггестивное воздействие на адресата, поскольку адресантом создается персонализированное дискурсивное пространство, направленное на создание у потенциального адресата чувства личного знакомства с автором и положительного расположения к нему. В данном конкретном случае также имеет смысл упомянуть о создании данными местоимениями сильного фатического (контактоустанавливающего) эффекта.

Функция персонализации в данном примере органично перемежается с функцией популяризации, которая манифестируется в первую очередь за счет развернутой метафоры "working in gardens <=> working in classrooms". Так, функция популяризации в значительной мере упрощает процесс трансфера знаний от адресанта к потенциальному адресату и усиливает уже имеющийся прагма-аксиологический заряд данного дискурсивного пространства.

Особый интерес вызывают подчеркнутые в примере фразы, демонстрирующие положительную концептуальную интерференцию, т. е. органичную актуализацию в одном дискурсивном пространстве нескольких аксиологических концептов. В данном случае такими концептами выступают 'Enjoyment' ('tremendously rewarding' и 'positively enjoyable') и 'Readiness' ('unending problem-solving', 'the [enjoyable] chore of planning and teaching'). Данный пример наглядно демонстрирует отсутствие изолированности каждого концепта в аспекте его актуализации и показывает значительное усиление общего прагма-аксиологического заряда и манипулятивного потенциала при вербализации в одном дискурсивном пространстве нескольких ценностных концептов. Таким образом, можно говорить о том, что положительная концептуальная интерференция обладает синергическим эффектом и способствует значительному усилению прагма-аксиологического и, как следствие, манипулятивного потенциала соответствующего высказывания.

NOVELTY

But it's not just society that changes and evolves. The last decades have seen what feels like unprecedented technological change. The Internet has seen to that and other educational technology has not lagged behind. New software and hardware has appeared which we could hardly have imagined possible when the first edition of *How to Teach English* was published as recently as 1998. And it's exciting stuff. There are so many wonderful

possibilities open to us now (not least the ability to write and edit books electronically!). I've tried to reflect that excitement and newness in parts of this new edition [29].

Лексические единицы, вербализующие аксиологический концепт 'Novelty', выполняют три основные функции в исследуемом дискурсивном пространстве: аттрактивную, поскольку привлекают внимание потенциального адресата к новым тенденциям в профессиональной области; антиципационную, так как предвосхищают дальнейшее развитие в тексте новых идей и тенденций; популяризаторскую, поскольку знакомят читателя с инновационными тенденциями в профессиональной сфере и нацеливают его на дальнейшее саморазвитие.

Одним из наиболее распространенных авторских приемов для усиления суггестивного воздействия на потенциального адресата является использование лексических или же синтаксических интенсификаторов. Например, в предложении «New software and hardware has appeared which we could hardly have imagined possible when the first edition <...> was published as recently as 1998» не только используется интенсификат 'hardly', значительно модифицирующий изначальный прагма-аксиологический заряд высказывания (пример лексической интенсификации), но и личная глагольная конструкция в составе сложноподчиненного предложения, что привлекает внимание читателя на часть предложения с дополнительной информацией (пример синтаксической интенсификации).

В данном примере мы также видим положительную концептуальную интерференцию аксиологических концептов 'Novelty' и 'Development' ('new software and hardware', 'unprecedented technological change', 'wonderful possibilities open to us now'), а также 'Novelty' и 'Enjoyment' ('excitement and newness in parts of this new edition'). Несложно предположить, что совмещение лексических единиц-вербализаторов трех аксиологических концептов приведет к еще большему прагма-аксиологическому заряду и соответствующему суггестивному воздействию на потенциального адресата.

EFFECTIVENESS

Examples of research related to each of the proposals are presented, leading to a discussion of the evidence available for assessing their effectiveness. The chapter ends with a discussion of what research findings suggest about the most effective ways to teach and learn a second language in the classroom [30].

В рамках данного примера мы видим вербализующие концепт 'Effectiveness' лексические единицы 'effective' и 'effectiveness', усиленные с помощью лексических единиц с дополнительным аме-

лиоративным значением: ‘the evidence available for assessing their effectiveness’, ‘the most effective ways to teach and learn’. Лексическая единица-вербализатор в первой фразе используется в функции аргументации, поскольку значения слов ‘evidence’ и ‘assess’, использованные с положительным прагматическим посылом, убеждают потенциального адресата в реальной эффективности полученных научных результатов. Что касается второй фразы, в ней намеренно используется превосходная степень прилагательного с целью не просто обозначить эффективность изложенных в книге техник и методик преподавания, но обозначить однозначное доминирование автора в этом вопросе. Данное обстоятельство, совмещенное с использованием лексем ‘examples of research’, ‘proposals’, ‘[scientific] discussion’ и ‘research findings’, демонстрирует пример использования функций интеллектуализации и интенсификации высказывания.

В представленном отрывке также присутствует функция персонализации, однако в данном случае она выражается имплицитно: финальное предложение “The chapter ends with a discussion of what research findings suggest about the most effective ways to teach and learn a second language in the classroom” указывает на то, что глава именно этой книги автора содержит в себе передовые наработки исследуемой профессиональной области. Обратим внимание на тот факт, что, согласно нашим наблюдениям, к такому приему имплицитной персонализации прибегает значительное количество современных авторов научной и научно-методической литературы в области теории и методики преподавания иностранных языков и культур.

READINESS

Teaching is considered to be a form of *strategic behaviour* which involves *diagnosing the teaching problem* and *selecting/designing the appropriate solution*. *Teaching strategies* are presented as basic categories with a potential for adjustment and modification. The teacher should regard them as options to choose from in real classroom conditions according to his or her *diagnosis of the current didactic situation* and the learners’ needs [27].

Представленные в данном примере лексические единицы-вербализаторы аксиологического концепта ‘Readiness’ (‘strategic behaviour’, ‘teaching strategies’, ‘diagnose’, ‘selection’, ‘design’) используются с целью реализации функций презентации и антиципации, поскольку, во-первых, позволяют адресанту представить основные тематические понятия, о которых пойдет речь далее, и, во-вторых, дают адресату общее представление о диагностируемом вопросе и помогают ему предвосхитить дальнейший ход развития беседы. Поскольку данные единицы используются с профессиональной

терминологией (‘diagnosis of the current didactic situation’, ‘teaching strategies’) и, давая общее представление о предмете разговора, все же не обеспечивают его развернутого описания, можно говорить о том, что адресантом также используется функция интеллектуализации высказывания.

Итак, весь комплекс выявленных ценностных концептов, их единиц-вербализаторов, а также соответствующих им доминантных функций, оказывающих непосредственное суггестивное воздействие и имеющих значительный манипулятивный потенциал, можно представить в виде следующей таблицы:

Ценностный концепт	Примеры языковой репрезентации	Функциональный диапазон
Development	Possibilities, learning, evolution, refinement of ideas, adjustments, modifications, adjust, evaluate, continuous education, learning as we teach, development of new approaches, etc.	Аттракция Интенсификация Интеллектуализация
Enjoyment	Wonderful, excitement, the journey is all, creativity, leadership, creative, strategic thinking, success, enjoy it, looking forward to a new lesson, the chore of planning is positively enjoyable, easier life, etc.	Аттракция Персонализация Интенсификация Популяризация
Novelty	Newness, innovative classroom action, new materials, new ways of teaching content, etc.	Аттракция Антиципация Популяризация
Effectiveness	Effectiveness, teach in more effective ways, what works, they work, do the job well, practical classroom ideas, effective, potential effectiveness of new materials, good lesson, etc.	Интеллектуализация Интенсификация Персонализация
Readiness	Solve problems, diagnose problems, diagnose classroom situations, diagnosing problems, different ways of correcting, teaching techniques, techniques of observation, planning, desirable classroom behavior, method, solve puzzles, pre-preparation, post-preparation, special procedures and techniques, etc.	Антиципация Интеллектуализация Презентация

Заключение

Таким образом, результаты проведенного комплексного анализа исследуемого педагогического дискурсивного пространства позволили не только выстроить его аксиологическую концептосферу, но и выявить корреляционную зависимость функционального диапазона прагма-аксиологически заряженных лексических единиц-вербализаторов с оказываемым на потенциального адресата манипулятивным воздействием. На наш взгляд, полученные данные имеют большое значение для адекватного формирования профессиональной идентичности и профессиональной языковой личности

будущего преподавателя иностранных языков и культур.

Мы также склонны предполагать, что результаты проведенного исследования вписываются в теорию культурного манипулирования [31], согласно которой имеющиеся в англосаксонской традиции ценностно-оценочные педагогические ориентиры детерминируют модель поведения педагогов, принадлежащих к другим культурно-этническим субстратам, но обучающихся по их методике. Тем не менее высказанное утверждение скорее носит статус гипотезы для дальнейшего исследования и требует дополнительной верификации.

Список литературы

1. Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 264 p.
2. Richards K. *Language and Professional Identity: Aspects of collaborative interaction*. Palgrave Macmillan: Basingstoke, Hants, New York, 2006. 245 p.
3. Багиян А. Ю., Ширияева Т. А. Методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности: подходы к разработке, сущность и перспективы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 214–228.
4. Моногарова А. Г., Ширияева Т. А., Багиян А. Ю. Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брексита: прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе // Научный диалог. 2020. № 10. С. 114–127.
5. Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
6. Reisigl M. *Critical discourse analysis* // In R. Bayley, R. Cameron and C. Lucas (eds.), *The Oxford handbook of sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 67–90.
7. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс* Волгоград, 2002. 331 с.
8. Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis* (2nd ed.). London: Sage, 2014. 224 p.
9. Glaser B. G., Strauss A. L. *The discovery of grounded theory: Strategies of qualitative research*. Chicago: Aldine, 1967. 283 p.
10. Durmaz M., Yiğitoğlu N. Factors in the professional identity development of alternatively certified English languages teachers (ACELTs) // *International Online Journal of Education and Teaching*. 2017. № 4 (4). P. 398–416.
11. Pillen M., Beijaard D., Den Brok P. Professional identity tensions of beginning teachers // *Teachers and Teaching*. 2013. № 19 (6). P. 660–678.
12. Miller J. *Teacher identity* // *The Cambridge guide to second language teacher education* / Eds. A. Burns & J. C. Richards. New York, NY: Cambridge University Press, 2009. P. 171–181.
13. Farrell T. S. C. Exploring the professional role identities of experienced ESL teachers through reflective practice // *System*. 2010. № 39. P. 54–62.
14. Flores M. A., Day C. Contexts which shape and reshape new teachers' identities: A multi-perspective study // *Teaching and Teacher Education*. 2006. № 22 (2). P. 219–232.
15. Kang Y., Cheng X. Teacher learning in the workplace: A study of the relationship between a novice EFL teacher's classroom practices and cognition development // *Language Teaching Research*. 2014. № 18(2). P. 169–186.
16. Gur T. A discourse analysis: Professional identity development of language teacher candidates // *Educational Research and Reviews*. 2014. № 9 (15). P. 510–515.
17. Fajardo Castañeda J. A. Learning to teach and professional identity: Images of personal and professional recognition // *PROFILE Issues in Teachers' Professional Development*. 2014. № 16 (2). P. 49–65.
18. Bagiyana A. Yu., Shiryaeva T. A., Tikhonova E. V., Mekoko N. M. The real value of words: how target language linguistic modeling of foreign language teaching content shapes students' professional identity // *Heliyon*. 2021. V. 7, № 3. P. e06581.
19. Багиян А. Ю., Аракелова А. Р. О языковых способах формирования профессиональной языковой личности преподавателя иностранного языка // *Российский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9, № 5. С. 322–333.
20. Мирошникова О. Х., Бермус А. Г. Статус и методологические принципы лингвокультурной педагогики высшей школы // *Мир науки*. 2017. Т. 5, № 1. С. 29.
21. Никитенко З. Н. Профессиональная подготовка учителя иностранного языка для дошкольного и начального школьного образования: аксиологическое измерение // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 4-1. С. 63–68.

22. Чеверикина Е. А., Фатина М. Л. Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий // Матрица научного познания. 2017. № 1-2. С. 89–101.
23. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: межвузовский сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Алтайский ун-т, 2005. С. 89–105.
24. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. 440 с.
25. Shiryayeva T. A., Arakelova A. R., Golubovskaya E., Mekeko N. M. Shaping values with “YouTube freedoms”: linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse // Heliyon. 2019. № 5 (12). P. e02988.
26. Щеглова Э. А. Склонность к манипулированию и формы ее проявления в профессионально-педагогической деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2009. 23 с.
27. Dakowska M. Teaching English as a foreign language: A guide for professionals. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 285 p.
28. Woodward T. Planning Lessons and Courses: Designing Sequences of Work for the Language Classroom (Cambridge Handbooks for Language Teachers). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 249 p.
29. Harmer J. How to teach English: new edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 288 p.
30. Lightbown P., Spada N. M. How languages are learned (4th ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. 304 p.
31. Bassnett S., Lefevere A. Constructing cultures: Essays on literary translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. Vol. 11. 143 p.

References

1. Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 264 p.
2. Richards K. *Language and Professional Identity: Aspects of collaborative interaction*. Palgrave Macmillan: Basingstoke, Hants, New York, 2006. 245 p.
3. Bagiyana A. Yu., Shiryayeva T. A. Metodika kontseptual'nogo lingvoproektirovaniya professional'noy identichnosti: podkhody k razrabotke, sushchnost' i perspektivy [Developing the method of conceptual linguistic engineering of professional identity: approaches, essence, prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 214–228. (in Russian).
4. Monogorova A. G., Shiryayeva T. A., Bagiyana A. Yu. Rechevoye povedeniye britanskikh politikov v obsuzhdenii Breksita: pragmatika, gender i kommunikativnoe dominirovanie v politicheskom mediadiskurse [Speech Behavior of British Politicians in Discussion of Brexit: Pragmatics, Gender and Communicative Dominance in Political Media Discourse]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2020, no. 10, pp. 114–127 (in Russian).
5. Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
6. Reisigl M. *Critical discourse analysis*. In R. Bayley, R. Cameron and C. Lucas (eds.), *The Oxford handbook of sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 67–90.
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 331 p. (in Russian)
8. Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis* (2nd ed.). London: Sage, 2014. 224 p.
9. Glaser B. G., Strauss A. L. *The discovery of grounded theory: Strategies of qualitative research*. Chicago: Aldine Publ., 1967. 283 p.
10. Durmaz M., Yiğitoğlu N. Factors in the professional identity development of alternatively certified English languages teachers (ACELTs). *International Online Journal of Education and Teaching*, 2017, no. 4(4), pp. 398–416.
11. Pillen M., Beijjaard D., Den Brok P. Professional identity tensions of beginning teachers. *Teachers and Teaching*, 2013, no. 19(6), pp. 660–678.
12. Miller J. Teacher identity. In: A. Burns & J. C. Richards (Eds.) *The Cambridge guide to second language teacher education*. New York, NY: Cambridge University Press, 2009. P. 171–181.
13. Farrell T. S. C. Exploring the professional role identities of experienced ESL teachers through reflective practice. *System*, 2010, no. 39, pp. 54–62.
14. Flores M. A., Day C. Contexts which shape and reshape new teachers' identities: A multi-perspective study. *Teaching and Teacher Education*, 2006, no. 22(2), pp. 219–232.
15. Kang Y., Cheng X. Teacher learning in the workplace: A study of the relationship between a novice EFL teacher's classroom practices and cognition development. *Language Teaching Research*, 2014, no. 18(2), pp. 169–186.
16. Gur T. A discourse analysis: Professional identity development of language teacher candidates. *Educational Research and Reviews*, 2014, no. 9(15), pp. 510–515.
17. Fajardo Castañeda J. A. Learning to teach and professional identity: Images of personal and professional recognition. *PROFILE Issues in Teachers' Professional Development*, 2014, no. 16(2), pp. 49–65.

18. Bagiyani A. Yu., Shirayayeva T. A., Tikhonova E. V., Mekeko N. M. The real value of words: how target language linguistic modeling of foreign language teaching content shapes students' professional identity. *Heliyon*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. e06581.
19. Bagiyani A. Yu., Arakelova A. R. O yazykovykh sposobakh formirovaniya professional'noy yazykovoy lichnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka [On the linguistic ways of shaping professional identity of a language teacher]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*, 2020, vol. 9, no. 5, pp. 322–333 (in Russian).
20. Miroshnikova O. Kh., Bermus A. G. Status i metodologicheskiye printsipy lingvokul'turnoy pedagogiki vysshey shkoly [Status and methodological principles of linguistic and cultural pedagogy of higher education]. *Mir nauki – World of Science*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 29 (in Russian).
21. Nikitenko Z. N. Professional'naya podgotovka uchitelya inostrannogo yazyka dlya doshkol'nogo i nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya: aksiologicheskoe izmerenie [Training of a foreign language teacher for pre-school and primary school education: axiological dimension]. *Prepodavatel XXI vek*, 2019, no. 4-1, pp. 63–68 (in Russian).
22. Cheverikina E. A., Fatina M. L. Psikhologicheskoye manipulirovaniye, psikhologicheskoye nasiliye, psikhoterrorizm v obrazovatel'noy srede: k voprosu ob opredelenii ponyatiy [Psychological manipulation, psychological violence, psychoterrorism in the educational environment: to the question of defining concepts]. *Matritsa nauchnogo poznaniya*, 2017, no 1-2, pp. 89–101 (in Russian).
23. Sedov K. F. Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoy kommunikatsii [Aggression and manipulation in everyday communication]. In: *Yurilingvistika – 6: Invektivnoye i manipulyativnoye funktsionirovaniye yazyka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [Jurislinguistics – 6: Invective and manipulative functioning of the language: inter-university collection of scientific articles]. Ed. in chief N. D. Golev. Barnaul, Altayskiy universitet Publ., 2005. Pp. 89–105 (in Russian).
24. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, Izdatel'skiy Dom YaSK Publ., 2016. 440 p. (in Russian).
25. Shirayayeva T. A., Arakelova A. R., Golubovskaya E., Mekeko N. M. Shaping values with “YouTube freedoms”: linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse. *Heliyon*, 2019, no. 5(12), pp. e02988.
26. Shcheglova E. A. *Sklonnost' k manipulirovaniyu i formy eye proyavleniya v professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti*. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [The tendency to manipulate and the form of its manifestation in vocational and pedagogical activities. Abstract of thesis. cand. psychol. sci.]. Tomsk, 2009. 23 p. (in Russian).
27. Dakowska M. *Teaching English as a foreign language: A guide for professionals*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 285 p.
28. Woodward T. *Planning Lessons and Courses: Designing Sequences of Work for the Language Classroom* (Cambridge Handbooks for Language Teachers). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 249 p.
29. Harmer J. *How to teach English: new edition*. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 288 p.
30. Lightbown P., Spada N. M. *How languages are learned* (4th ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. 304 p.
31. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing cultures: Essays on literary translation*. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. Vol. 11. 143 p.

Информация об авторах

А. Ю. Багьян, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный университет (пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357502).

А. Г. Моногарова, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный университет (пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357502).

Information about the authors

A. Yu. Bagiyani, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University (pr. Kalinina, 9, Pyatigorsk, Russian Federation, 357502).

A. G. Monogarova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University (pr. Kalinina, 9, Pyatigorsk, Russian Federation, 357502).

Статья поступила в редакцию 11.10.21; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 11.10.21; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 81'25
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-54-64>

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЭФФЕКТИВНЫХ СТАНДАРТОВ, КРИТЕРИЕВ И ПАРАМЕТРОВ

Наталья Владимировна Полякова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
nvp@tspu.edu.ru

Аннотация

Введение. Перевод, один из древнейших видов деятельности, в современном глобальном мире приобретает особое значение. Переводчики сталкиваются с необходимостью ускорять темпы перевода, так как от скорости и качества перевода больших объемов информации на разные языки зависит развитие науки, промышленности, торговли и других сфер жизни современного общества. Обеспечивать качество перевода в таких условиях становится все сложнее.

Само понятие качества перевода, хоть и является объектом исследования уже многие годы, до сих пор однозначно не определено, при этом существуют разные подходы к оценке качества перевода вообще и отсутствует единое представление о качестве письменных переводов и единая общепринятая классификация переводческих ошибок в частности. Это означает, что такие оценки не унифицированы и их польза может быть сомнительной.

Цель заключается в сопоставлении основных подходов к оценке качества письменного перевода, существующих стандартов, критериев и параметров оценки качества письменного перевода.

Материал и методы. При проведении исследования использовались общенаучные (методы логики: анализ, синтез, обобщение); частнонаучные (лингвистические) методы: описательный, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и обсуждение. Теоретики перевода предлагают несколько подходов к оценке качества письменного перевода, которые могут быть сведены к двум большим группам: количественные и нечисловые подходы. Для нормативного регулирования качества переводов разные государства выработали свои нормативные документы и стандарты. Данные документы значительно отличаются друг от друга: в одних документах содержатся требования к выполненному переводу (европейский стандарт качества перевода), в других перечисляются виды перевода и обозначается их отличие друг от друга (российские ГОСТы), третьи не содержат точных критериев качественного перевода, но приводят перечень положений, которые нужно учесть до начала осуществления перевода, а также подробно описывают структуру переводческого проекта (американский стандарт качества).

Заключение. Организации, занимающиеся переводом на практике, для оценки качества переводов применяют широкий спектр национальных и международных стандартов качества перевода, шкал оценки качества, а также современных инструментов количественной оценки качества перевода – специальных компьютерных программ.

Критериями оценки качества в таких инструментах выступают переводческие ошибки, классификации и типологии которых представлены в огромном количестве. Отсутствие единого эталона качества и периодическое появление новых инструментов оценки качества перевода обусловлены многообразием критериев, предъявляемых к качеству разных текстов (как тематически, так и функционально-стилистически).

Несмотря на очевидную невозможность охватить весь спектр возможных критериев качественного перевода всего многообразия текстов, повсеместно реализуется количественная оценка формальной составляющей качества переводных текстов.

Ключевые слова: оценка качества перевода, письменный перевод, стандарты качества, критерии качества, параметры качества

Для цитирования: Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 54–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-54-64>

Original article

TRANSLATION QUALITY EVALUATION: THE PROBLEM OF FINDING EFFECTIVE STANDARDS, CRITERIA AND PARAMETERS

Natal'ya V. Polyakova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, nvp@tspu.edu.ru

Abstract

Introduction. Translation being one of the oldest types of activities is getting particular importance in the modern global world. Translators face the need to accelerate the translation speed, since the development of science, industry, trade, and other spheres of modern society depends on the speed and quality of translation of large amounts of information into different languages. It is becoming increasingly difficult to ensure the quality of translation under such conditions.

The very concept of translation quality, although it has been the object of research for many years, is still not clearly defined, while there are different approaches to evaluating the quality of translation in general and specifically there is no single concept of the quality of written translations and a single generally accepted classification of translation errors. This means that such evaluations are not unified and their use may be doubtful.

Aim and objectives. The aim of the article is to compare the main approaches to translation quality evaluation as well as existing standards, criteria and parameters for translation quality evaluation.

Research methods. The research has used general scientific (methods of logic: analysis, synthesis, generalization); specific scientific (linguistic) methods: descriptive, comparative.

Results and discussion. Translation theorists offer several approaches to evaluating the translation quality, which can be reduced to two large groups: quantitative and non-quantitative approaches. To regulate the quality of translations, different states have developed their own regulatory documents and standards. These documents differ significantly from each other: some documents contain requirements for the translation performed (European Translation Quality Standard), others list the types of translation and specify their difference from each other (Russian National Standards), others do not contain exact criteria for quality translation, but provide a list of provisions that need to be taken into account before translating, and also describe in detail the structure of the translation project (American Quality Standard).

Conclusion. Organizations engaged in translation in practice use a wide range of national and international translation quality standards, quality evaluation scales, as well as modern tools to quantify the translation quality, i.e. special computer programs to evaluate the quality of translations.

The criteria to evaluate the quality of such tools are translation errors, the classifications and typologies of which are presented in a huge number. The absence of a single standard of quality and the periodic inventions of new tools for evaluation of the translation quality are caused by the variety of criteria imposed on the quality of different texts (differ both in theme and function or style).

Despite the obvious failure to cover the full range of possible criteria for the qualitative translation of the entire variety of texts, a quantitative evaluation of the formal component of the quality of translated texts is being implemented everywhere.

Keywords: *evaluation of translation quality, written translation, quality standards, quality criteria, quality parameters*

For citation: Polyakova N. V. Otsenka kachestva pis'mennogo perevoda: problema poiska effektivnykh standartov, kriteriyev i parametrov [Translation Quality Evaluation: The Problem of Finding Effective Standards, Criteria and Parameters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 54–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-54-64>

Введение

Одним из актуальнейших аспектов теории и практики перевода был и остается вопрос об оценке качества устного и письменного перевода: какие критерии будут способствовать данной оценке, с каких позиций следует подходить к оценке качества перевода и др. Существование различных подходов, многообразие стандартов оценки качества перевода, богатый арсенал критериев и параметров оценки качества письменного перевода требуют теоретического осмысления.

Ю. Хаус предлагает краткое описание существующих подходов к оценке перевода и осуществ-

ляет оценку данных подходов на основе трех теоретических положений, которые должны лежать в основе оценки качества перевода:

– отношение между текстом оригинала и текстом перевода;

– отношения между текстом (текстами), его (их) особенностями и тем, как все это воспринимают автор, переводчик и реципиент;

– следствие этого восприятия как основа для распознавания текстов перевода в массе других текстов, в том числе текстов, которые изначально создавались на нескольких языках [1, с. 241–264].

Первая группа подходов (по Ю. Хаус) – *психосоциальная*. В ней выделяются *менталистские взгляды*, отражающие интуитивную оценку на основе субъективного эмоционального восприятия текста. Они были популярны в прошлом столетии и получили второе рождение у неогерменевтиков, считающих, что перевод – это индивидуальный творческий акт, в котором воссоздается «значение», и его восприятие зависит от субъективных факторов. При этом три теоретических положения во внимание не принимаются, а оценка перевода превращается в оценку каждого отдельного перевода как акта творчества. Существует подгруппа психосоциальных подходов, которые *базируются на ответной реакции* и являются более надежными по сравнению с менталистским.

Второй подход в этой подгруппе – *функционалистский* (скопос-теория), согласно которому «акт перевода = сравнение культур» [2, с. 50]. Качество оценивается по принципу «реализует ли текст перевода ту же функцию в новом контексте». Такой подход близок к герменевтическому, однако он полностью фокусируется на тексте перевода и главенствующей роли переводчика в создании нового текста, причем понятие функции остается неконкретным и, следовательно, оценка качества по-прежнему необъективна.

Следующие подходы ориентированы на *текст и дискурс*. Среди них – *описательно-исторический* [3, с. 112], в котором оригиналу отводится второстепенная роль, а перевод оценивается по степени соответствия жанру и культурному контексту, *постмодернистский* и *деконструкционистский* [4, с. 75], в котором оценка качества проводится с психофилософской, социополитической и идеологической позиции, выводящей скрытые послылы текста оригинала в явные призывы в тексте перевода, и *лингвистически ориентированный* [5, с. 80] – подход, который в оценке качества перевода впервые делает акцент на типологии текста, от которой зависят переводческие решения.

Ю. Хаус предлагает собственный подход, основанный на тесной взаимосвязи текста и контекста, постулируя неразрывную связь между языком и реальным миром, который определяет значения и играет главенствующую роль в переводе. Такой подход рассматривает перевод как акт реконтекстуализации. Ю. Хаус была разработана авторская модель оценки качества перевода [6, с. 48–68]. В ней учтены три аспекта «значения»: *семантика*, *прагматика* и *текст*, а перевод понимается как замещение текста оригинала семантически и прагматически эквивалентным текстом перевода, при этом адекватным считается прагматически семантически эквивалентный перевод. Прагматическая эквивалентность подразумевает функциональную экви-

валентность перевода оригиналу, т. е. учитывается явное и скрытое; текст и контекст неразделимы. Ю. Хаус определяет контекст через ситуационные измерения. Так, автор выделяет три измерения в характеристике происхождения автора текста: временное, географическое и социальное и пять измерений использования языка: тематика текста, взаимодействие и взаимоотношения между автором и реципиентом с учетом их социальных ролей, социальных установок, степени вовлечения, а также тип текста (письменный/устный). Для оценки качества перевода для начала предлагается проанализировать текст оригинала с опорой на эти ситуационные измерения и установить лингвистические корреляты, т. е. средства, реализующие функцию текста, состоящую из двух компонентов для каждого измерения: репрезентативный и межличностный. Анализ текста по измерениям позволяет получить профиль текста, характеризующий его функцию, который затем используется в оценке перевода как индивидуальная текстуальная норма, своего рода эталон для сравнения. Сравнение выявляет несоответствия в измерениях (прагматические ошибки) и прочие несоответствия (ошибки в передаче денотативного значения).

В 1997 г. модель была доработана концептами Регистра Халлидея [7, с. 28]: *field* (тема и предмет текста, характер его специальной направленности), *tenor* (характеристика автора и реципиента и их взаимодействия, социальные роли и социальная дистанция, «эмоциональный заряд») и *mode* (канал восприятия текста, а также степень включения реципиента). Аналитическая схема сопоставления текстов оригинала и перевода, основанная на этих концептах, дополнена «жанром», установление которого относит индивидуальный текст к группе текстов, характеризующихся общей функцией. Регистр и жанр соотносятся как микро- и макроконтент. Жанр – это план содержания Регистра, а Регистр – план выражения жанра.

О. В. Альбукова подразделяет все подходы к оценке качества переводов на *количественные* и *неколичественные* [8, с. 65–69]. К количественным системам может быть отнесена система оценки качества перевода Sical, разработанная Бюро переводов Правительства Канады, подробно описанная в статье об оценке профессионального перевода Малколма Уильямса [9, с. 13–33]. По состоянию на 1989 год у этого бюро уже был огромный опыт переводов (более 300 млн слов в год), и система оценки качества родилась именно из этого опыта, а не из теоретических положений. Оценка качества перевода базировалась на двух основных критериях: надежность (*reliability*) и достоверность (*validity*). Подчеркнута необходимость единой стандартной процедуры (системы) для обеспечения ка-

чества перевода как процесса на всех стадиях, так и результата. Учтены и внешние факторы, оказывающие влияние на перевод: цель и конечный пользователь, охват (количество предполагаемых реципиентов), клиент (может не совпадать с конечным пользователем), срок исполнения перевода, текст оригинала, приемлемость. Большое внимание уделено процедуре работы с переводом (работа в команде, выбор отрывка для оценки качества, отбор текстов для оценки, обратная связь). Данная система оценки качества перевода, применяемая в комплексе с процедурой оценки, разработанной канадским Бюро, представляется вполне надежной, так как учитывает и морфосинтаксические, и «микротекстуальные», и средовые факторы, а также весь текст в целом.

Еще один вариант количественной метрики был разработан компанией SAE International. Шкала SAE предназначается для оценки качества перевода технических текстов и работает с любыми парами языков текстов оригинала и перевода. По утверждению авторов этой шкалы, она не подойдет для текстов с функционально-стилистической окраской.

Система оценивания, разработанная ATA (американской ассоциацией переводчиков, англ. *American Translators Association*), по мнению О. В. Альбуковой, не вполне удобна в связи с большим количеством критериев качественного перевода [8, с. 66].

Система ITR BlackJack, разработанная в Великобритании, может применяться к текстам любой тематики и учитывает как стилистические, так и смысловые аспекты переводимого текста. В настоящее время эта система успешно коммерциализирована, выпускается в виде программного обеспечения для персональных компьютеров.

Существует еще одна система, выпускаемая в виде компьютерной программы, которая разработана LISA (Localization Industry Standards Association). Основу данной программы составляет классификация ошибок по их типам и степени серьезности.

Подобные количественные системы успешно применяются на практике, однако стоит подчеркнуть, что они не могут быть в равной степени успешно использованы для текстов любых жанров. Ограничение связано, как правило, с наличием средств художественной выразительности в переводных текстах, их жанрово-стилистическими особенностями.

Сторонники не количественного подхода критикуют своих оппонентов за то, что при оценке качества перевода не рассматривается макроконтекст.

Основными представителями не количественного подхода являются К. Райс и К. Норд.

По мнению К. Райс, именно функционально-стилистические особенности текста являются основным критерием для оценки перевода. В зависи-

мости от того, на что делается акцент, все тексты подразделяются на четыре категории: 1) в исходном тексте акцент делается на содержание, перевод должен быть направлен на передачу смысла сообщения; 2) в тексте оригинала акцент делается на форму, в переводе главную роль выполняет эстетическая функция; 3) исходный текст выполняет апеллятивную функцию, перевод должен сохранить производимый оригинальным текстом эффект на реципиента; 4) перевод медийных текстов требует особого подхода [10, с. 18].

В число сторонников не количественного подхода входит и Кристиана Норд. В рамках скопос-теории наиболее важными являются понятия *aim*, *purpose*, *function* и *intention* [11, с. 28]. Данные понятия позволяют выделить четыре функции текстов: фактическую, референтную, экспрессивную и апеллятивную. В зависимости от выполняемой функции следует выбирать и способы перевода тех или иных текстов [12, с. 131]. Однако шкалы, которую можно было бы использовать для оценки качества перевода, предложено не было.

Неколичественная модель оценки качества переводов чаще всего применяется к переводам текстов, богатых средствами художественной выразительности. Отечественные исследователи в области теории перевода склоняются скорее к не количественной модели оценки качества перевода, опираясь на *адекватность* и *эквивалентность*.

Однако в концепциях российских ученых граница между терминами «эквивалентность» и «адекватность» проводится по-разному. Эквивалентность, согласно В. Н. Комиссарову, «заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода», а при оценочной трактовке термина «эквивалентность» использование термина «адекватность» излишне.

А. Д. Швейцер рассматривает в качестве адекватного перевода перевод, способный вызвать у реципиента перевода такую же реакцию, как и у получателей исходного текста [13, с. 270].

Целью художественного перевода, согласно Р. К. Миньяр-Белоручеву, является адекватный перевод [14, с. 221].

Подходы к определению термина «эквивалентность» в отечественном переводоведении можно свести к трем:

– согласно первому подходу эквивалентность – это тождественность исходного и переводного текстов; полноценность переводного текста [15]. Эквивалентность подразумевает «сохранение неизменного плана содержания» [16];

– в рамках второго подхода эквивалентным является перевод, воспроизводящий коммуникативную функцию исходного текста или описывающий ту же ситуацию, что и в оригинале;

– третий подход – многоуровневый: эквивалентность в текстах может проявляться на разных уровнях (сохранение цели коммуникации, ситуация, способ ее описания, синтаксические структуры, лексические единицы, наибольшая близость к оригиналу, дословный перевод).

Таким образом, адекватность рассматривается на уровне всего текста, а эквивалентность анализируется на разных уровнях, включая текст в целом.

Существует большое количество пособий по переводу, включающих в себя разделы, посвященные оценке качества письменного перевода.

В качестве критериев оценки Г. Моисеенко называет выполнение требований заказчика, обязательную адекватность, единообразие терминологии и стиля документа, соответствие нормам языка перевода, полнота передачи содержания [17].

Отечественные организации, осуществляющие переводческие услуги, применяют количественные модели оценки качества перевода. Например, агентство «Литерра» оценивает качество перевода с учетом степени серьезности недочетов (негрубые и грубые ошибки) согласно индексу качества перевода, который вычисляется по соответствующей формуле в процентах, которые затем сопоставляются с установленными нормами качества (отличное, хорошее, удовлетворительное, неудовлетворительное) [18].

Теоретики перевода в России выступают за использование неколичественного подхода к оценке качества письменного перевода. На практике чаще всего применяется количественный подход, используемый преимущественно для оценки качества перевода специальных текстов.

Анализ существующих подходов к оценке качества переводов показал, что некоторые из них в современном мире признаны несостоятельными (как, например, психосоциальные), одни разрабатываются теоретиками переводоведения (в основном неколичественные модели), а другие – используются практикующими переводчиками и находят свое воплощение в международных стандартах качества перевода, шкалах оценки и др.

Результаты и обсуждение

Стандарты качества впервые появились в 70-х гг. XX в. К качеству переводческой услуги с 2001 г. применяется стандарт Международной организации по стандартизации ISO 9004-2-91 «Управление качеством и элементы системы качества», а именно его вторая часть «Руководящие указания по услугам». На основе этого документа созданы стандарты качества перевода, которые применяются на международном и национальном уровнях как за рубежом, так и в нашей стране.

В европейских странах стандарты качества переводов существуют уже довольно давно. Известны национальные стандарты, которые охватывают широкий спектр критериев качественной переводческой услуги: DIN 2345 (Германия), UNI10574 (Италия), D 1200.2000 (Австрия). В попытке унифицировать процессы и процедуры оказания переводческих услуг в 2006 г. Европейский комитет по стандартизации ввел единый стандарт качества перевода EN 15038, который заменил все ранее существовавшие нормы 29 стран [19]. В соответствии с итоговым проектом европейского стандарта EN 15038 2006 г. «Переводческие услуги. Требования к услугам письменного перевода» к тексту перевода предъявляются следующие требования:

Текст перевода должен:

- полностью передавать содержание исходного текста;
- соответствовать нормам языка перевода, требованиям заказчика;
- быть оформлен с соблюдением норм форматирования текстового документа в соответствии с нормами типографского оформления;
- содержать терминологию предметной области, при этом должно соблюдаться единообразие терминологии;
- опираться на локальные правила, нормы и региональные стандарты.

Текст перевода должен быть подвергнут корректорской правке, осуществить которую может человек, владеющий исходным языком и языком перевода на высоком уровне. Его задача заключается в проверке соблюдения единообразия терминологии, соответствия регистру и стилю.

В США качество переводческих услуг определяется опубликованным в 2006 г. стандартом ASTM F 2575-06 (Standard Guide for Quality Assurance in Translation) [20]. Стандарт выступает в роли платформы для достижения соглашений о требованиях к тексту перевода между заказчиком и переводчиком. В нем не содержится точных критериев качественного перевода (поскольку они могут быть очень индивидуальны), но приводится перечень положений, которые нужно учесть до начала осуществления перевода, а также подробно описывается структура переводческого проекта.

В России на государственном уровне принят международный стандарт ISO 9004 [21], т. е. переводческие агентства, оказывающие соответствующие услуги, обеспечивают строгую процедуру оценки качества переводов. Помимо этого стандарта в отечественной переводческой индустрии действуют некоторые специальные нормативные документы, регламентирующие работу переводчика. Это ГОСТ 7.36 «Неопубликованный перевод. Кординация, общие требования и правила оформле-

ния» [22], который входит в Систему стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу, но не дает сведений о требованиях, предъявляемых к качеству перевода, и «типовые нормы времени на перевод и переработку научно-технической литературы и документов», в которых содержатся общие сведения о требованиях, предъявляемых к переводу на разных уровнях: черновой перевод, рабочий перевод и отредактированный перевод.

Основное отличие между данными видами перевода заключается в наличии или отсутствии неточностей в применении терминологии и стиле. Первые два вида могут иметь неточности в терминологии, но черновой перевод содержит также стилистические неточности, в то время как рабочий перевод стилистически выверен. Третий вид перевода отличается точным использованием специальной терминологии и редакторской правкой.

Союз переводчиков России разработал и утвердил «Рекомендации переводчику и заказчику» в 2004 г. [23]. Согласно данным рекомендациям текст перевода должен соответствовать лингвистическим нормам языка перевода (включая и стилистические), согласовываться с государственными терминологическими стандартами отрасли и терминологическими рекомендациями международных организаций, соответствовать требованиям заказчика, отраженным в договоре, быть полным (без пропусков и сокращений), передавать все числа и т. п., поддерживать единообразие перевода слов, выражений и терминологии.

Несмотря на то, что критерии качественного перевода, права и обязанности заказчика и поставщика переводческих услуг представлены в данных рекомендациях достаточно полно, этот документ не является нормативным.

Проанализировав сложившуюся ситуацию в сфере оценки качества перевода за рубежом и в нашей стране, можно сделать вывод о том, что в Европе и Америке вопросам стандартизации качества перевода как процесса и результата придается достаточно большое значение: ими занимаются государственные структуры, различные комитеты и бюро стандартизации.

Например, чтобы осуществлять переводческие услуги в Австралии, необходимо пройти аккредитацию в Национальной Администрации по Аккредитации устных и письменных переводчиков [24].

Рассмотренные стандарты не содержат четких критериев оценки качества перевода: одни стандарты регламентируют сам процесс перевода, другие содержат требования к оформлению и содержанию текста перевода, третьи предназначены для аккредитации устных и письменных переводчиков [18].

Несмотря на локальные особенности индустрии перевода, и за рубежом, и в России переводы все же подвергаются внутренним и внешним проверкам на предмет отсутствия переводческих ошибок и соответствия определенным критериям. Рассмотрим системы оценки качества перевода более подробно.

В современном глобальном мире в условиях отсутствия унифицированного стандарта оценки качества письменных переводов на международном и государственном уровне в сфере перевода широкое применение получили разнообразные инструменты оценки качества процесса и результата перевода в виде таблиц, схем, списков критериев качества и переводческих ошибок. Подобные инструменты и регламенты разрабатывают и ассоциации переводчиков, и переводческие агентства, и крупные компании. В текущем разделе рассмотрим примеры таких инструментов и постараемся на их основе составить наиболее полную и в то же время лаконичную классификацию переводческих ошибок и соответствующий комплекс критериев качества, который можно было бы применять к оценке письменных переводных текстов на любом языке.

Одной из первых рабочих систем оценки качества переводов является разработанная Канадским Правительственным Бюро переводов шкала оценки качества Sical (таблица). Она основана на подсчете количества значительных и незначительных ошибок. Степень серьезности ошибки (значительная или незначительная) определяется в соответствии с серьезностью неблагоприятных последствий, к которым может привести допущение этой ошибки. Значительными считаются языковые ошибки и ошибки перевода. К первым ошибкам относятся грубые языковые ошибки, ко вторым – ошибки, связанные с неверным переводом, переводом, в котором не передан ключевой смысловой элемент оригинального текста. Количество ошибок определяют из расчета на 400 слов текста оригинала. После подсчета определяют уровень качества по таблице, где А – высшая оценка, В – приемлемое качество, С – перевод требует существенной доработки, D – неприемлемое качество [9].

Шкала оценок системы Sical

Тип ошибок	Уровень качества			
	A	B	C	D
Значительные	0	0	1	>1
Незначительные	≤6	≤12	≤18	>18

Несмотря на очевидные преимущества этой системы оценки качества, ее простоту и логичность, Е. А. Гильмуллина в своей диссертации указывает на некоторые недостатки данной системы. В частности, оценка качества текста объемом более

400 слов представляется весьма спорной: получается, что текст из 2 000 слов будет считаться приемлемым при, скажем, 30 (!) незначительных ошибках. Кроме того, система не предлагает конкретных критериев выявления «ключевых смысловых» элементов текста оригинала, что значительно повышает субъективность оценки. Сложно также дифференцировать, например, пунктуационные ошибки, которые порой искажают значение ключевых смысловых элементов (сравни: «Казнить, нельзя помиловать» vs. «Казнить нельзя, помиловать»). Такие ошибки формально являются незначительными, но их наличие может привести к очень серьезным последствиям для реципиента текста перевода. Следовательно, налицо системное противоречие, которое требует вмешательства оценивающего и снижает общую объективность шкалы Sical [18].

Генеральная дирекция письменных переводов Европейской комиссии (самая большая в мире организация, занимающаяся переводами) работает с 23 языками стран Евросоюза и применяет лингвистические критерии оценки качества перевода, в которых учитываются особенности каждого из этих языков. В данной оценочной системе выделяют следующие типы ошибок: грамматические (GR); пунктуационные (PT); орфографические (SP); терминологические (TERM); ошибки изложения (CL); ошибки в цитировании или ссылке (RD); переводческие (SENS); опущения (OM). В процессе оценки качества каждая ошибка в тексте маркируется специальным кодовым обозначением с указанием ее «веса», т. е. степени искажения смысла и нарушения понимания текста перевода, вызванное соответствующей ошибкой (знак «+» указывает на серьезный характер ошибки).

Эта система широко применяется в Европе не только для оценки качества переведенного текста, но и для верификации компетентности переводчика [25].

Учитывая тематику текстов, с которыми приходится работать Европейской комиссии, пожалуй, единственным недостатком этой тщательно проработанной и многократно используемой системы оценки качества переводов может оказаться сложность ее применения для новых языковых пар, не входящих в список европейских языков. Однако этот вопрос требует отдельного изучения, и в случае подтверждения этого предположения этот недостаток можно будет устранить при условии соответствующей доработки.

Американская переводческая ассоциация ATA составила более подробную, по сравнению с лаконичной европейской, типологию переводческих ошибок, на основе которых проводится оценка качества перевода, к которым относятся в том числе:

– добавления (экспликация допустима);

- опущения (импликация допустима);
- неоднозначность и неразборчивость;
- неверное использование заглавных букв;
- грамматические, орфографические, пунктуационные и смысловые ошибки;
- неверно использованная терминология;
- ошибки в использовании диакритических знаков и ударения;
- буквализм;
- нарушение языковой нормы, в том числе нарушение сочетаемости слов;
- неверно выбранная временная форма глагола, форма слова или часть речи;
- искажение смысла оригинального текста;
- нарушение целостности и единообразия текста перевода, в том числе одновременное использование более одного варианта перевода;
- незаконченность текста перевода;
- несоответствие исходного текста и текста перевода по стилю, регистру, формату;
- наличие в тексте «ложных друзей переводчика»;
- описки и иные смысловые ошибки [26].

Данная типология охватывает весь спектр возможных переводческих погрешностей. Эта классификация успешно применяется как для оценки качества переводных текстов, так и для сертификации переводчиков.

Наряду с такими крупными регулирующими и контролирующими институтами, как Дирекция письменных переводов Европейской комиссии и Американская переводческая ассоциация, собственные шкалы и метрики для оценки переводов разрабатывают и менее масштабные организации, а также переводческие агентства, хотя последние часто соблюдают коммерческую тайну в отношении таких инструментов.

Ассоциация стандартизации в сфере локализации LISA для оценки качества переводных материалов применяет собственную модель, которая основана на классификации ошибок перевода по степени серьезности. Модель оформлена в виде таблицы, которую ввиду размеров целесообразно использовать в электронном виде, для чего разработана специальная компьютерная программа. Таблица содержит типы переводческих ошибок (неверный перевод, нарушение точности перевода, ошибки терминологического характера и т. д.) и степени их серьезности (незначительная, существенная и критическая). В отдельном разделе подсчитывается общее количество ошибок и сопоставляется с максимально допустимым количеством ошибок из расчета на установленное количество слов в документе. Далее, исходя их количества ошибок в некоторой части документа, по специальной формуле рассчитывается индекс качества перевода [27].

Такая реализация инструмента оценки представляется весьма удобной в практическом применении, так как все письменные переводы в современных реалиях осуществляются в электронной среде. Однако и этот метод применим в основном к массиву нехудожественных текстов.

Шкала оценки качества организации, работающей в сфере автомобильной промышленности – SAE, выделяет семь типов ошибок: терминологические (англ. *wrong terms*), синтаксические (англ. *syntactic error*), опущения (англ. *omission*), словообразовательные (англ. *word structure*), орфографические, пунктуационные и смешанные (т. е. любые лингвистические ошибки в тексте перевода, которые нельзя отнести к одной из вышеупомянутых категорий). Ошибки из всех семи категорий подразделяют на серьезные (с указанием степени серьезности) и незначительные и фиксируют в баллах. Логично предположить, что чем больше серьезных ошибок, чем больше сумма набранных баллов, а качество перевода – ниже. Важно отметить, что в случае сомнения по поводу серьезности той или иной ошибки, допущенной в переводе, ее относят к серьезной [28].

Сами авторы этой классификации отмечают, что целью ее разработки была оценка качества технических текстов автомобильной тематики, следовательно, ее применение для оценки переводов текстов, в которых важна функционально-стилистическая составляющая, является нецелесообразным.

Российское агентство «Литерра» придерживается собственной типологии переводческих ошибок. Так, выделяются нормативно-языковые (нарушение норм орфографических, пунктуационных, лексико-семантических, грамматических и фразеологических норм языка перевода), смысловые (искажение смысла текста оригинала с указанием степени серьезности искажения, которую определяет редактор) и терминологические ошибки (употребление неверных терминов). При оценке качества за определением типа ошибки следует заключение о степени ее серьезности (недочет, серьезная или грубая ошибка). Далее по соответствующей формуле вычисляется индекс качества перевода в процентном выражении. Нормы качества установлены следующим образом: 100–98 % – отличное, 97–95 % – хорошее и 94–90 % – удовлетворительное качество перевода; показатель менее 90 % свидетельствует о неудовлетворительном качестве [18].

В этой модели примечательно разделение ошибок на нормативные и смысловые. Причем оценка смыслового соответствия текстов оригинала и перевода находится в ведении редактора. Соответствующая высокая квалификация этого специалиста делает эту модель применимой и к текстам со

сложными смысловыми характеристиками, такими как публицистические и художественные.

В рамках одной статьи невозможно охватить все существующие шкалы, метрики и классификации переводческих ошибок, применяемые для оценки качества перевода за рубежом и даже в России, так как ознакомление с этой сферой переводческой индустрии показало их многочисленность и разнообразие. Отсутствие единой стандартизированной классификации переводческих ошибок и стремление организаций, занимающихся переводом или осуществляющих контрольно-регулирующие функции в этой отрасли, создавать собственные модели и системы оценивания качества перевода, свидетельствует о значительной обусловленности этих критериев спецификой переводимых материалов. Под спецификой следует понимать как тематическую направленность текстов, так и их функционально-стилистические особенности.

Заключение

Анализ литературы показал, что многие подходы к оценке качества перевода несостоятельны (все психосоциальные, а также описательно-исторический и постмодернистски-деконструкционалистский), так как не имеют прочной теоретической базы. С другой стороны, наиболее полно теоретически обоснованная модель качества перевода Ю. Хаус с трудом применима на практике, так как не имеет четких оценочных шкал. Это же заключение справедливо для всех неколичественных моделей, в основе которых лежат понятия эквивалентности, адекватности и переводческой нормы, устоявшиеся в отечественном переводеведении.

В свою очередь организации, занимающиеся переводом на практике, для оценки качества переводов применяют широкий спектр национальных и международных стандартов качества перевода, шкал оценки качества, а также современных инструментов количественной оценки качества перевода – специальных компьютерных программ.

Критериями оценки качества в таких инструментах выступают переводческие ошибки, классификации и типологии которых представлены в огромном количестве. Отсутствие единого эталона качества и периодическое появление новых инструментов оценки качества перевода обусловлены многообразием критериев, предъявляемых к качеству разных текстов (как тематически, так и функционально-стилистически).

Несмотря на очевидную невозможность охватить весь спектр возможных критериев качественного перевода всего многообразия текстов, повсеместно реализуется количественная оценка формальной составляющей качества переводных текстов.

Список литературы

1. House J. Chapter 13. Translation Quality Assessment: Past and Present // Translation: A Multidisciplinary Approach London: Macmillan Publishers Limited, 2014. P. 241–264.
2. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984. 256 p.
3. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 311 p.
4. Venuti L. The Translator's Invisibility: a History of Translation. London: Routledge, 2008. 368 p.
5. Reiß K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. München: Hueber, 1971. 124 p.
6. House J. Translation. Oxford: Oxford University Press, 2009. 122 p.
7. Halliday M. A. K. Spoken and Written Language. Oxford: Oxford University Press, 1989. 109 p.
8. Альбукова О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58), ч. 2. С. 65–69.
9. Williams M. The Assessment of Professional Translation Quality: Creating Credibility out of Chaos // TTR: traduction, terminologie, redaction. 1989. Vol. 2(2). P. 13–33.
10. Reiß K. La critique des traductions. Ses possibilités et ses limites: catégories et critères pour une évaluation pertinente des traductions. Artois: Artois Presses Université, 2002. 162 p.
11. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Florence, KY, USA: Routledge, 2014. 161 p.
12. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: a Prospective Approach // TEFLIN Journal. 2006. Vol. 17 (2). P. 131–143.
13. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
14. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
15. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
16. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: URSS, 2019. 240 с.
17. Моисеенко Г. Практический справочник переводчика и редактора. Москва, 2016. 124 с.
18. Гильмуллина Е. А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 383 с.
19. European standard. Draft. PrEN 15038. Translation services. Service requirements. Brussels, 2004. URL: https://images10.newegg.com/UploadFilesForNewegg/itemintelligence/ACCO/prEN_150381519719906828.pdf (accessed 20.10.2021).
20. ASTM F2575-14 Standard Guide for Quality Assurance in Translation. URL: <http://www.astm.org/Standards/F2575.htm> (accessed 21.10.2021).
21. ГОСТ Р ИСО 9004-2010 Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества = Managing for the sustained success of an organization. A quality management approach: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 ноября 2010 г. N 501-ст: введен взамен ГОСТ Р ИСО 9004-2001: дата введения 2011-06-01 / подготовлен Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО «ВНИИС») на основе собственного аутентичного перевода стандарта ИСО 9004:2009. М.: Стандартинформ, 2011. 41 с.
22. ГОСТ 7.36-2006 СИБИБД. Неопубликованный перевод. Общие требования и правила оформления = System of standards on information, librarianship and publishing. Unpublished translation. General requirements and rules for typescript: межгосударственный стандарт: издание официальное: утвержден и введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2006 г. N 228-ст: введен взамен ГОСТ 7.36-88: дата введения 2007-07-01 / Всерос. ин-т науч. и техн. информации РАН. М.: Стандартинформ, 2006. 8 с.
23. Письменный перевод: Рекомендации переводчику и заказчику / сост. Н. Дупленский; Союз переводчиков России. М., 2004. 24 с., 13 приложений. URL: <http://www.translators-union.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
24. NAATI. National Accreditation Authority for Translators and Interpreters. URL: <https://www.naati.com.au/> (accessed 20.10.2021).
25. Убин И. И., Пушнов И. А. Перевод в странах Европейского союза: обзорная информация. Москва: ВЦП, 2011. 55 с.
26. ATA Certification: Explanation of Error Categories. URL: <https://www.atanet.org/certification/aboutexams> (accessed 23.10.2021).
27. The Measurement of Quality in Translation in Translation. Using Statistical Methods // 43rd ATA Conference. Atlanta, 2002. URL: <https://ru.scribd.com/document/511128853/The-Measurement-of-Quality-in-Translation-Using-Statistical-Methods> (accessed 24.10.2021).
28. SAE Translation Quality Metric. URL: http://www.apex-translations.com/documents/sae_j2450.pdf (accessed 25.10.2021).

References

1. House J. Chapter 13. Translation Quality Assessment: Past and Present. *Translation: A Multidisciplinary Approach*. London: Macmillan Publishers Limited, 2014. P. 241–264.
2. Reiß K., Vermeer H. J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 256 p.
3. Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 311 p.
4. Venuti L. *The Translator's Invisibility: a History of Translation*. London: Routledge, 2008. 368 p.
5. Reiß K. *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen*. München: Hueber, 1971. 124 p.
6. House J. *Translation*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 122 p.
7. Halliday M. A. K. *Spoken and Written Language*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 109 p.
8. Al'bukova O. V. Obzor sushchestvuyushchikh podkhodov k probleme otsenki kachestva perevoda [Review of existing approaches to the problem of evaluating the translation quality]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2016, no. 4(58), no. 2, pp. 65–59 (in Russian).
9. Williams M. The Assessment of Professional Translation Quality: Creating Credibility out of Chaos. *TTR: traduction, terminologie, redaction*, 1989, vol. 2(2), pp. 13–33.
10. Reiß K. *La critique des traductions. Ses possibilités et ses limites: catégories et critères pour une évaluation pertinente des traductions*. Artois: Artois Presses Université, 2002. 162 p.
11. Nord Ch. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*. Florence, KY, USA: Routledge, 2014. 161 p.
12. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: a Prospective Approach. *TEFLIN Journal*, 2006, vol. 17(2), pp. 131–143.
13. Schweitzer A. D. *Perevod i lingvistika (Gazetno-informatsionnyy i voyenno-publitsisticheskyy perevod)* [Translation and linguistics (Newspaper-informational and military-journalistic translation)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 280 p. (in Russian).
14. Minyar-Beloruchev R. K. *Obshchaya teoriya perevoda i ustnyy perevod* [General theory of translation and interpretation]. Moscow, Voenizdat Publ., 1980. 237 p. (in Russian).
15. Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy): uchebnoye posobiye* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): Textbook]. Moscow, Vyschaya shkola Publ., 1983. 303 p. (in Russian).
16. Barkhudarov L. C. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: Issues of general and specific theory of translation]. Moscow, URSS Publ., 2019. 240 p. (in Russian).
17. Moiseyenko G. *Prakticheskyy spravochnik perevodchika i redaktora* [Practical guide for a translator and editor]. Moscow, 2016. 124 p. (in Russian).
18. Gilmullina E. A. *Otsenka kachestva perevoda: kvantitativno-sistemnyy podkhod. Dis. kand. filol. nauk* [Evaluation of translation quality: quantitative and systematic approach. Diss. ... cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2016. 383 p. (in Russian).
19. *European standard. Draft. PrEN 15038. Translation services. Service requirements*. Brussels, 2004. URL: <http://web.letras.up.pt/egalvao/prEN-15038.pdf> (accessed 20 October 2021).
20. *ASTM F2575-14 Standard Guide for Quality Assurance in Translation*. URL: <http://www.astm.org/Standards/F2575.htm> (accessed 21 October 2021).
21. *GOST R ISO 9004–2010. Menedzhment dlya dostizheniya ustoychivogo uspekha organizatsii. Podkhod na osnove menedzhmenta kachestva* [Managing for the sustained success of an organization. A quality management approach]: natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii: izdaniye ofitsial'noye: utverzhden i vveden v deystviye Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 23 noyabrya 2010 g. N 501-st: vvedyon vzamen GOST R ISO 9004–2001: data vvedeniya 2011-06-01/ podgotovlen Otkrytym aktsionernym obshchestvom “Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut sertifikatsii” (OAO “VNIIS”) na osnove sobstvennogo autentichnogo perevoda standarta ISO 9004:2009 [National Standard of the Russian Federation : official publication : approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of November 23, 2010. N 501-st: introduced instead of GOST R ISO 9004–2001: date of introduction 2011-06-01 / prepared by the Joint Stock Company “All-Russian Research Institute of Certification” (JSC “VNIIS”) on the basis of its own authentic translation of the ISO 9004:2009 standard]. Moscow, Standartinform Publ., 2011. 41 p. (in Russian).
22. *GOST 7.36–2006 SIBID. Neopublikovannyy perevod. Obshchiye trebovaniya i pravila oformleniya* [System of standards on information, librarianship and publishing. Unpublished translation. General requirements and rules for typescript]: mezhgosudarstvennyy standart: izdaniye ofitsial'noye: utverzhdyon i vveden v deystviye v kachestve natsional'nogo standarta Rossiyskoy Federatsii Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 17 oktyabrya 2006 g. N 228-st: vvedyon vzamen GOST 7.36-88: data vvedeniya 2007-07-01. Razrabotan Vserossiyskim institutom nauchnoy i tekhnicheskoy informatsii Rossiyskoy akademii nauk [multinational standard: official publication: approved and put into effect as a national standard of the Russian Federation by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of October 17, 2006. N 228-st : introduced instead of GOST 7.36-88 : date of introduction 2007-07-01 / developed by the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Standartinform Publ., 2006. 8 p. (in Russian).
23. *Pis'mennyy perevod: Rekomendatsii perevodchiku i zakazchiku* [Written translation: Recommendations to a translator and customer]. Comp. N. Duplensky. The Union of Translators of Russia. Moscow, 2004. 24 p., 13 appendixes (in Russian). URL: <http://www.translators-union.ru> (accessed 20 October 2021).

24. NAATI. National Accreditation Authority for Translators and Interpreters. URL: <https://www.naati.com.au/> (accessed 20 October 2021).
25. Ubin I. I., Pushnov I. A. *Perevod v stranakh Evropeyskogo soyuza: obzornaya informatsiya* [Translation in the countries of the European Union: overview]. Moscow, VCP Publ., 2011. 55 p. (in Russian).
26. ATA Certification: Explanation of Error Categories. URL: <https://www.atanet.org/certification/aboutexams> (accessed 23 October 2021).
27. The Measurement of Quality in Translation in Translation. Using Statistical Methods. *43rd ATA Conference*. Atlanta, 2002. URL: <https://ru.scribd.com/document/511128853/The-Measurement-of-Quality-in-Translation-Using-Statistical-Methods> (accessed 24 October 2021).
28. SAE Translation Quality Metric. URL: http://www.apex-translations.com/documents/sae_j2450.pdf (accessed 25 October 2021).

Информация об авторах

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 21.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161'373.46'44
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-65-75>

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Надежда Александровна Трофимова¹, Ольга Григорьевна Щитова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

² Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск

¹ nadya.a.trofimova@gmail.com

² shchitova2010@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время все больший интерес лингвистов привлекает изучение терминологии профессиональных подязыков с точки зрения когнитивного подхода. Особую актуальность приобретает когнитивно-фреймовое моделирование терминосистем как эффективный способ представления терминологии специального подязыка.

Цель работы состоит в построении и описании когнитивно-фреймовой модели терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в современном русском языке.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили терминологические единицы предметной области «Строительные материалы», выделенные из лексикографических источников по строительству, нормативных документов, научных работ, коммерческих каталогов строительной продукции и профессиональных интернет-сайтов, посвященных строительству. В основе методологии исследования лежат общенаучные и лингвистические приемы описательного и сравнительно-сопоставительного методов исследования, в том числе приемы лингвистического моделирования, фреймовый, дефиниционный, оппозитивный и количественный анализ.

Результаты и обсуждение. Определены главные понятия фреймового подхода к изучению терминологии. Представлена теоретическая база и трактовка понятия *фрейм*, разработана структура фрейма, принятая в данном исследовании. Представлена фреймовая модель терминосистемы профессиональной сферы «Строительные материалы» в русском языке. Определены основные субфреймы данной сферы: «Древесные материалы», «Керамические материалы», «Каменные материалы», «Стеклые материалы и изделия», «Металлические материалы и изделия», «Цементы», «Бетоны», «Строительные смеси», «Вязущие вещества и материалы на их основе», «Полимерные материалы», «Изоляционные материалы», «Кровельные материалы», «Отделочные материалы»; выявлена иерархическая фреймовая структура анализируемой предметной области, состоящая из 13 субфреймов с последующим делением их на слоты, микрослоты и семантические группы. Приведена характеристика субфрейма «Древесные материалы» и микрослота «Композиционные древесные материалы», а также входящих в его состав семантических групп. Выявлены различные типы семантических отношений между терминами, репрезентирующими когнитивно-фреймовую модель терминосистемы «Строительные материалы».

Заключение. Когнитивно-фреймовая модель терминосистемы «Строительные материалы» позволяет представить иерархически организованную и репрезентированную в языке систему знаний о данной предметной области и выявить отношения между компонентами терминосистемы. Представленный фрагмент фреймовой модели иллюстрирует внутрисистемные связи вербализующих ее терминов. Полученные результаты представляют интерес для терминоведения и могут быть использованы в вузовской и лексикографической практиках.

Ключевые слова: строительная терминология, когнитивное терминоведение, фрейм, фреймовое моделирование

Для цитирования: Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 65–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-65-75>

APPLIED LINGUISTICS

COGNITIVE FRAME MODELING OF THE TERM SYSTEM OF THE SUBJECT AREA “BUILDING MATERIALS” IN RUSSIAN OF THE XXI CENTURY

*Nadezhda A. Trofimova*¹, *Olga G. Shchitova*²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *Russian Federation, Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation*

¹ *nadya.a.trofimova@gmail.com*

² *shchitova2010@mail.ru*

Abstract

Introduction. Nowadays linguists are increasingly interested in studying the terminology of professional sublanguages from the point of view of a cognitive approach. Cognitive frame modeling of terminology systems is becoming relevant being an effective way of representing the terminology of a special sublanguage.

The aim of the work is to create and describe the cognitive frame model of the terminological system of the subject area “Building materials” in modern Russian.

Material and methods. The material for the study is the terminological units of the subject area “Building materials”, selected from lexicographic sources on construction, regulatory documents, scientific papers, commercial catalogues of construction products, and professional internet websites about construction. The research methodology is based on general scientific and linguistic methods of descriptive and comparative research methods, including methods of linguistic modeling, framing, definitional, oppositional analysis as well as quantitative analysis.

Results and discussion. The article identifies the main concepts of the frame approach to the study of terminology. The theoretical basis and interpretation of the concept of *frame* are presented, the frame structure used in this paper is developed. The work presents the frame model of the term system of the professional sphere “Building materials” in Russian. The paper defines the main subframes of this field: “Wood Materials”, “Ceramic Materials”, “Stone Materials”, “Glass Materials”, “Metal Materials”, “Cement”, “Concrete”, “Construction Mixes”, “Binders and Materials”, “Polymer Materials”, “Isolation Materials”, “Roofing Materials”, “Finishing Materials”. The analysis reveals the hierarchical frame structure, consisting of 13 subframes with their subsequent division into slots, micro-slots, and semantic groups. The study presents a detailed description of the subframe “Wood Materials” and the micro-slot “Composite Wood Materials” as well as semantic groups that are part of them. Various types of semantic relations between the terms representing the cognitive-frame model of the term system “Building materials” are revealed.

Conclusion. The cognitive-frame model of the term system “Building materials” allows to present a hierarchically organized system of knowledge about a given subject area in a structured form and to identify system relations between the components of the term system. The presented fragment of the frame model illustrates the intra-system relations of the terms that verbalize it. The results obtained are of interest for terminology studies and can be used for educational and lexicographic purposes.

Keywords: *construction terminology, cognitive terminology, frame, frame modeling*

For citation: Trofimova N. A., Shchitova O. G. Kognitivno-freimovoye modelirovaniye terminosistemy predmetnoy oblasti “Stroitel’nyye materialy” v russkom yazyke XXI veka [Cognitive Frame Modeling of the Term System of the Subject Area “Building Materials” in Russian of the XXI Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-65-75>

Введение

В современной лингвистике все более актуальной темой для исследования становится изучение взаимосвязи языка и мышления, рассматриваемой

в рамках когнитивного терминоведения. В фокусе трудов по когнитивному терминоведению находятся два объекта – термин и язык профессиональной коммуникации [1, с. 45]. Это значит, что в

ходе исследования соотношения ментальных и языковых структур неизбежно обращение к термину как предельному выражению специальной мысли и к среде его возникновения, функционирования и эволюции – языку профессиональной коммуникации. Эффективным способом изучения терминологии на современном этапе является построение когнитивной модели терминосистемы. Термины выступают в качестве когнитивной репрезентации знаний человека, формирующихся в специальной сфере. С помощью когнитивного подхода возможно установить корреляцию между самим объектом и выбранной для его обозначения номинацией.

Эффективным инструментом для построения когнитивной модели терминосистемы является **фреймовый подход**. Данный подход позволяет представить терминосистему специального подъязыка в виде структуры и раскрыть сущность связей между составляющими ее элементами. Фреймы репрезентируют информацию обо всех аспектах специальной области. Понятие *фрейм* как модель организации знаний введено М. Минским и изначально использовалось при изучении представления знаний в системе искусственного интеллекта. Впоследствии данная модель нашла применение и в лингвистических исследованиях, впервые в работах Ч. Филлмора. Под *фреймом* Ч. Филлмор понимает группы слов, мотивированные и структурированные «особыми унифицированными конструкциями знания или связанные схематизациями опыта» [2, с. 54].

Фрейм (от англ. frame ‘рамка, каркас, структура’) – иерархически организованная структура знания [3, с. 7; 4, с. 57], в состав которой входят **субфреймы** – фреймы следующего по рангу уровня, представляющие собой некоторые частные виды фрейма [3, с. 136, 128]; **слоты** – различные формы выражения какого-либо когнитивного признака, являющиеся «своеобразными ячейками, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными» [5, с. 27], актуализирующими фрейм.

Исследователи по-разному представляют структуру фрейма: одни лингвисты выделяют в структуре фрейма ярусы, субфреймы, слоты [6], другие представляют фрейм в виде иерархии суперфрейма, макрофрейма, субфрейма, микрофрейма, слота [5], в некоторых работах представлена следующая структура фрейма: субфрейм, слот, дифференциально-семантические группы [7]. Отсюда следует, что структура фрейма динамична, в различных работах используется индивидуальная структура, так как каждый исследователь вправе варьировать структуру фрейма в соответствии с задачами своего исследования [8, с. 29].

Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы – это построение структурированной концептуальной модели терминосистемы определенной предметной области, данная модель отражает систему знаний профессиональной сферы, закрепленную на языковом уровне. Фреймовое моделирование терминологии в современной лингвистике является одним из важных направлений исследования, используемых при изучении терминосистем как новых, развивающихся наук, так и сфер деятельности со сформированной терминосистемой, например терминологии строительства и архитектуры.

Архитектурно-строительная терминология не раз попадала в фокус внимания лингвистов [9–19]. Изучению подвергались история формирования строительной терминологии с XVIII по XXI вв., ее структурные особенности, лексико-семантическая характеристика, сопоставительный анализ строительной терминологии в разных языках, отдельные фрагменты строительной терминосистемы: наименования строительных машин и механизмов, семантическая группа «лестницы и элементы лестничных конструкций», терминополье «сухое и легкое строительство», термины-метафоры архитектурно-строительного подъязыка, иноязычные обозначения новейших строительных технологий XXI в., терминологическое поле архитектурно-дизайнерской лексики и др. Однако строительная терминосистема русского языка еще недостаточно изучена в аспекте когнитивного моделирования.

Целью данной статьи является построение и описание когнитивно-фреймовой модели терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI в. Задачи исследования предполагают отбор материала из лексикографических, научных источников, коммерческих каталогов строительной продукции, а также текстов профессиональной коммуникации, формирование корпуса терминологических единиц предметной области «Строительные материалы», их дефиниционный анализ, построение когнитивно-фреймовой модели терминосистемы русского подъязыка сферы «Строительные материалы».

Материалом для исследования послужили терминологические единицы профессиональной сферы «Строительные материалы». Объем материала составил свыше 1 350 терминов, источниками которых являются строительные терминологические словари: «Большой строительный терминологический словарь-справочник» под ред. В. Д. Наумова и др. (2008 г.); «Строительство: Энциклопедический словарь» под ред. Д. В. Артюховича (2011 г.); словарь С. Н. Белухиной «Строительные термины и определения: терминологический словарь» (2018 г.) и др. В исследовании также использова-

лась учебная и научная литература по строительству, нормативные документы (ГОСТЫ, ТУ, СТО), каталоги строительной продукции, а также данные профессиональных веб-сайтов, посвященных строительству.

Материалы и методы

В основе методологии исследования лежат общенаучные и лингвистические приемы описательного и сравнительно-сопоставительного методов исследования, наблюдение, интерпретация, систематизация, классификация, а также прием лингвистического моделирования, дефиниционный, оппозитивный, фреймовый, количественный анализ. Сбор материала осуществлялся приемом сплошной выборки из указанных источников. Методологической базой исследования послужили работы лингвистов по терминоведению, семантике, лексикологии, когнитивной лингвистике.

Результаты и обсуждение

Для выделения фреймов необходимо обозначить набор концептов, репрезентирующих сферу СТРОИТЕЛЬСТВО. Под концептом понимаются «содержательные оперативные единицы знания» [1, с. 14], используемые в процессе мышления и речевой деятельности человека. Концепт понимается как центральное понятие когнитивной лингвистики и является частью концептосферы предметной области. Таким образом, концептосфера сферы СТРОИТЕЛЬСТВО может быть представлена следующими категориями: 1) здания и сооружения; 2) строительные материалы; 3) строительный инструмент и оборудование; 4) технологии строительства; 5) строительные конструкции; 6) конструктивные элементы зданий и др.

Представленные категории легли в основу фреймового моделирования терминосистемы строительства. Данная работа сфокусирована на исследовании фрейма «Строительные материалы». Фрейм «Строительные материалы» имеет наиболее иерархически развитую структуру по сравнению с другими фреймами, поскольку концепт *строительные материалы* является одним из базовых концептов профессиональной области строительства.

Под *строительными материалами* понимаются материалы и изделия, используемые при возведении, ремонте и реконструкции разных типов зданий и сооружений [20, с. 5]. В данной работе фреймовая модель терминосистемы «Строительные материалы» представлена в виде следующей структуры: **фрейм** «Строительные материалы» делится на 13 **субфреймов**: «Древесные материалы», «Керамические материалы», «Каменные материалы», «Стекланные материалы и изделия», «Металлические материалы и изделия», «Цементы», «Бетоны», «Строительные смеси», «Вязущие вещества и материалы на их основе», «Полимерные материалы», «Изоляционные материалы», «Кровельные материалы», «Отделочные материалы». Далее указанные субфреймы делятся на **слоты**, обозначающие категории более низкого порядка, слоты делятся на **микрослоты**, которые в свою очередь подразделяются на **семантические группы**, конкретизирующие семантику микрослотов. Для наглядности представим фреймовую модель терминосистемы «Строительные материалы» в виде таблицы и приведем более подробное описание некоторых субфреймов и слотов, входящих в их состав.

Фреймовая модель терминосистемы «Строительные материалы»

Фрейм «Строительные материалы»	
Субфреймы	Слоты
1. Древесные материалы	1.1. Круглые лесоматериалы 1.2. Пиломатериалы 1.3. Строганные материалы 1.4. Композиционные древесные материалы
2. Керамические материалы	2.1. Кирпич 2.2. Облицовочная керамика
3. Каменные материалы	3.1. Природные 3.2. Искусственные
4. Стекланные материалы и изделия	4.1. Плоское стекло 4.2. Стеклоблоки
5. Металлические материалы и изделия	5.1. Черные металлы 5.2. Цветные металлы
6. Цементы	6.1. Виды цемента 6.2. Добавки для цемента 6.3. Процессы приготовления цемента
7. Бетоны	7.1. Виды бетонов 7.2. Производство бетонов
8. Строительные смеси	8.1. Штукатурки 8.2. Шпатлевки 8.3. Грунтовки 8.4. Монтажные и кладочные смеси 8.5. Смеси для пола
9. Вязущие вещества и материалы на их основе	9.1. Минеральные вяжущие вещества 9.2. Органические вяжущие вещества
10. Полимерные материалы	10.1. Полимерные изделия 10.2. Полимерные вещества
11. Изоляционные материалы	11.1. Теплоизоляционные материалы 11.2. Гидроизоляционные материалы 11.3. Шумоизоляционные материалы
12. Кровельные материалы	12.1. Листовые кровельные материалы 12.2. Штучные кровельные материалы
13. Отделочные материалы	13.1. Материалы для внешней отделки 13.2. Материалы для внутренней отделки

Рассмотрим субфрейм 1 «Древесные материалы» более подробно. Субфрейм 1 «Древесные ма-

териалы» насчитывает более 410 терминов и далее делится на 4 слота: слот 1 «Круглые лесоматериалы», слот 2 «Пиломатериалы», слот 3 «Строганные материалы», слот 4 «Композиционные древесные материалы».

Остановимся на слоте «Композиционные древесные материалы» (более 180 терминов), внутри которого функционируют различные наименования листовых строительных материалов (плит), выполненных из древесных материалов (волокна, стружки, опилок, древесной муки и т. д.) и других компонентов. Данный слот имеет иерархически развитую структуру. Представим ее в виде рисунка (рис. 1).

Таким образом, слот «Композиционные древесные материалы» состоит из 6 микрослотов: 1) «Фанера»; 2) «Древесноволокнистые плиты» (ДВП); 3) «Древесно-стружечные плиты (ДСП)»; 4) «Ориентированно-стружечные плиты (ОСП)»; 5) «Гипсостружечные плиты (ГСП)»; 6) «Цементно-стружечные плиты (ЦСП)». Далее данные микрослоты делятся на семантические группы, в которых происходит конкретизация категориальной семантики соответствующего микрослота.

Представим определение терминов, номинирующих микрослоты субфрейма «Композиционные древесные материалы». Термин *фанера* (*фанерная плита*) обозначает слоистый древесный материал, склеенный из нескольких слоев лущеного шпона [21, с. 347]. *Древесноволокнистая плита* – это листовой строительный материал, изготовленный путем горячего прессования или сушки массы из органических волокнистых наполнителей, связую-

щих синтетических полимеров и специальных добавок [22, с. 430]. *Древесностружечная плита* – это конструктивно-отделочный строительный материал, изготавливаемый путем горячего прессования стружечной массы с добавлением связующего полимера и специальных добавок [22, с. 431]. Термин *ориентированно-стружечная плита* номинирует соответствующий микрослот 4 «Ориентированно-стружечные плиты» и обозначает листовой материал, изготовленный из склеенной между собой древесной стружки, ориентированной в наружных слоях параллельно ее длине или ширине, а во внутреннем слое перпендикулярно ее направлению [23]. Микрослот 5 номинируется терминологическим сочетанием *гипсостружечная плита*, представляющим собой плиту, состоящую из гипса и древесной стружки с добавлением воды. Термин *цементно-стружечная плита* является наименованием микрослота 6 «Цементно-стружечные плиты» и обозначает вид плиты, изготовленной прессованием древесных частиц с цементным связующим и добавками [24].

Рассмотрим подробнее семантические группы указанных микрослотов. Микрослот 1 «Фанера» (более 40 терминов) содержит 3 семантические группы (СГ): СГ-1 «Виды фанеры по свойствам»; СГ-2 «Виды фанеры по способу изготовления»; СГ-3 «Виды фанеры по способу обработки поверхности».

СГ-1 содержит термины, характеризующие вид фанеры по свойствам, которыми обладает материал, например: *фанера влагостойкая*, *фанера*

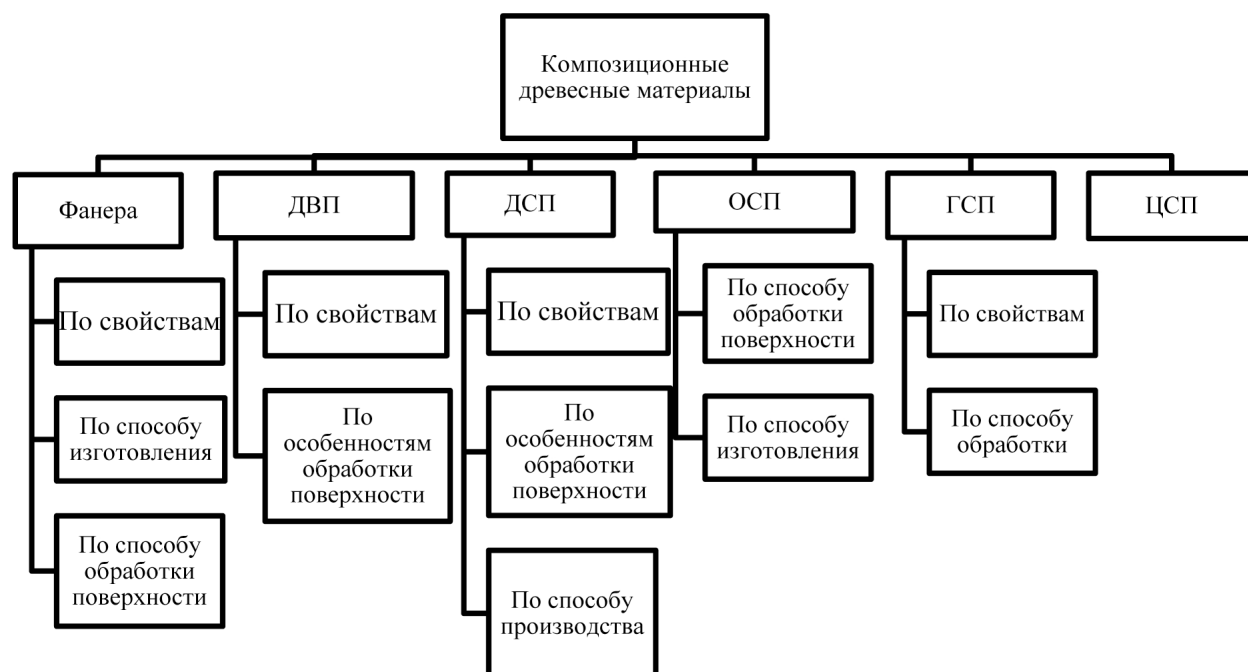

Рис. 1. Структура слота «Композиционные древесные материалы»

водостойкая, фанера водоупорная, фанера ограниченной водостойкости, фанера повышенной водостойкости. СГ-2 «Виды фанеры по способу изготовления» представлена терминами *равнослойная фанера* – фанера, состоящая из слоев шпона одинаковой толщины [25]; *неравнослойная фанера*, *продольная фанера*, *поперечная фанера*, *большеформатная фанера*, *профилированная фанера* и др. Термин *стыкованная фанера* характеризует тип материала, полученный соединением двух или более листов с целью увеличения его размера [25]. СГ-3 «Виды фанеры по способу обработки поверхности» включает в себя термины *фанера ламинированная*, *фанера нешлифованная*, *фанера, шлифованная с двух сторон*, *фанера, шлифованная с одной стороны*.

В данных семантических группах, как и в целом в терминосистеме «Строительные материалы», широко распространены родовидовые отношения между терминами, отношения включения гипонима с гиперонимом. Например, номинация *строительные материалы* является родовым наименованием по отношению ко всем терминам анализируемой терминосистемы. Обратимся к репрезентантам микрослота «Фанера»: по отношению к гиперониму *фанера* гипонимами выступают термины *фанера влагостойкая*, *фанера водостойкая*, *фанера водоупорная* и др. Данные видовые наименования являются согипонимами, образующими семантическую оппозицию с отношениями пересечения. По отношению к гиперониму *фанера водостойкая* гипонимами выступают термины *фанера ограниченной водостойкости*, *фанера повышенной водостойкости*, которые образуют семантическую оппозицию с отношениями пересечения и характеризуются общим семантическим признаком ‘*фанера водостойкая*’ и дифференциальными компонентами соответственно ‘*ограниченной водостойкости*’ и ‘*повышенной водостойкости*’; данная семантическая оппозиция может квалифицироваться и как градуальная, поскольку выражает разную степень проявления одного и того же признака.

Термин *фанера ламинированная* находится в отношениях включения с термином *фанера водостойкая*, поскольку первый содержит категориальный признак «вид фанеры по способу обработки», выраженный лексемой *ламинированная*, и признак «виды фанеры по свойствам», который отражает лексема *водостойкая*. С другой стороны, термин *фанера водостойкая* является гиперонимом по отношению к другим номинациям (обозначениям неламинированной фанеры), например к термину *фанера бакелизированная*, обозначающему вид фанеры, водостойкость которой обеспечивается применением фенолформальдегидных смол.

Термины семантических групп микрослота «Фанера» связаны не только родовидовыми отношениями. Например, термины *равнослойная фанера* и *неравнослойная фанера* образуют привативную оппозицию, один компонент которой характеризуется наличием, а другой – отсутствием определенного признака [26, с. 138]. Термины *фанера, шлифованная с двух сторон* и *фанера, шлифованная с одной стороны* вступают в отношения пересечения и образуют эквиолентную семантическую оппозицию; их интегральным семантическим компонентом является ‘фанера шлифованная’, а дифференциальными семантическими оттенками соответственно: ‘(шлифованная) с двух сторон’ и ‘(шлифованная) с одной стороны’. В отношении семантического тождества вступают семантически эквивалентные термины *фанера* [27, с. 558; 22, с. 693] и *плита фанерная* [28]. Данный тип отношений не столь распространен по сравнению с другими.

Микрослот 2 «Древесноволокнистые плиты (ДВП)» (48 терминов) содержит две семантические группы: СГ-1 «Виды ДВП по свойствам», СГ-2 «Виды ДВП по особенностям обработки поверхности».

В составе СГ-1 «Виды ДВП по свойствам» содержатся термины, конкретизирующие семантику микрослота 2 «Древесноволокнистые плиты» по различным свойствам, например по твердости: *плита древесноволокнистая мягкая*, *плита древесноволокнистая твердая*, *плита древесноволокнистая сверхтвердая СМ-500*. Среди терминов, характеризующих ДВП по плотности, функционируют также термины-аббревиатуры английского происхождения: *МДФ* (Medium Density Fibreboard (MDF) ‘древесноволокнистая плита средней плотности’); *ХДФ* (High Density Fireboard (HDF) ‘древесноволокнистая плита высокой плотности’).

Другие номинации характеризуют ДВП по степени устойчивости древесной плиты к различным воздействиям: *ДВП водостойкая*, *ДВП биостойкая* ‘устойчивая к воздействию бактерий, насекомых и грибов’. Данные термины вступают в семантические отношения пересечения; интегральным компонентом в данной оппозиции является ‘ДВП, устойчивая к какому-либо виду воздействия’, выраженная с помощью финали *-стойкая*; дифференциальные семантические компоненты – соответственно ‘к воздействию воды’, ‘к воздействию биологических организмов’, выраженные морфемами *водо-* и *био-*.

Термины, входящие в состав СГ-2 «Виды ДВП по особенностям обработки поверхности» конкретизируют семантику микрослота «Древесноволокнистые плиты (ДВП)»: *плита древесноволокнистая двухсторонней гладкости*, *плита древесново-*

локнистая необлагороженная, плита древесноволокнистая облагороженная. Для краткого обозначения последнего термина также используется аббревиатура ДВПО. Термины *плита древесноволокнистая облагороженная* и *плита древесноволокнистая необлагороженная* образуют привативную оппозицию, где первый термин является маркированным членом (обладающим определенным признаком), а второй – немаркированным, т. е. характеризуется отсутствием признака [26, с. 138].

Микрослот 3 «Древесностружечная плита (ДСП)» (более 40 терминов) имеет в своем составе 3 семантические группы, характеризующие микрослот 3 по различным критериям. Отметим, что микрослот 2 «Древесноволокнистые плиты» и микрослот 3 «Древесностружечные плиты» имеют схожие семантические группы, в которых термины номинируют предмет по свойствам и по особенностям обработки поверхности. Однако микрослот 3 «Древесностружечные плиты (ДСП)» содержит семантическую группу терминов, обозначающих вид ДСП по способу изготовления. Приведем примеры: *плита древесностружечная на карбамидном связующем, плоскопрессованная древесностружечная плита, плита древесностружечная экструзионного прессования* и др.

Микрослот 4 «Ориентированно-стружечные плиты (ОСП)» (18 терминов) номинирован соответствующей лексемой. Однако зачастую наряду с русскими номинациями ориентированно-стружечных плит широко используются и их иноязычные обозначения – аббревиатуры, например в русском языке функционируют эквиваленты (абсолютные синонимы): *ОСП* (ориентированно-стружечная плита) и *OSB-плита* (англ. oriented strand board ‘ориентированно-стружечная плита’). Термин *ОСБ-плита* (с транслитерированной на русскую графику английской аббревиатурой) является графическим вариантом номинации *OSB-плита*. Названные синонимы и варианты вступают в отношения семантического тождества и образуют нулевые семантические оппозиции друг с другом (о варьировании терминов см. подробнее [29–31]).

Микрослот 4 «Ориентированно-стружечные плиты (ОСП)» состоит из 2 семантических групп. СГ-1 «Виды ОСП по способу обработки поверхности» и СГ-2 «Виды ОСП по способу изготовления». СГ-1 включает в себя следующие терминологические сочетания: *ОСП шлифованная* и *ОСП нешлифованная*. Данные номинации образуют привативную оппозицию. Другими примерами семантической группы 1 являются термины *ОСБ лакированная, ОСБ ламинированная* и др.

СГ-2 представлена терминами, образующими привативную семантическую оппозицию: термином *ОСП шпунтованная*, обозначающим вид ОСП,

торцы которой обрабатываются способом паз-гребень [32] и *ОСП нешпунтованная*.

Микрослот 5 «Гипсостружечные плиты (ГСП)» содержит 12 терминов в 2 семантических группах, которые актуализируют различные признаки данных видов плит. Микрослот 5 является наименее терминологически наполненным.

СГ-1 «Виды ГСП по свойствам» содержит всего два термина – *влагостойкая гипсостружечная плита (ГСПВ)* и *невлагостойкая гипсостружечная плита*. Данная пара терминов образует привативную семантическую оппозицию. СГ-2 «Виды ГСП по способу обработки» включает такие термины, как *ГСП шпунтованная, ГСП шлифованная, ГСП нешлифованная, ГСП фальцованная* – гипсостружечная плита с фальцованной кромкой (тип соединения с путем загибания кромок у изделия [33]). В данной семантической группе термины *ГСП шлифованная* и *ГСП нешлифованная* также являются компонентами привативной оппозиции.

Микрослот 6 «Цементно-стружечные плиты (ЦСП)» (21 термин) имеет в своем составе термины *фибролит, арболит, ксилолит*, а также *фибролитовая плита, арболитовая панель, арболитовый блок, арболитовая теплопанель, ксилолитовая плита* и др. Среди репрезентантов микрослота наблюдаются различные типы отношений, например родовидовые отношения. По отношению к гиперониму *цементно-стружечная плита* гипонимами выступают термины *фибролит* ‘строительный материал, изготавливаемый в виде плит из специальной древесной стружки и портландцемента’; *арболит* ‘строительный материал, изготавливаемый в виде плит из древесной щепы, химических добавок и цемента’ [22, с. 696, 25]. Видовые наименования *фибролит* и *арболит* являются согипонимами, образующими эквивалентную семантическую оппозицию с отношениями пересечения и характеризующимися дифференциальными компонентами соответственно ‘(изготавливаемый) из стружки’ и ‘(изготавливаемый) из щепы’. Их интегральный компонент – ‘древесносодержащий плитный строительный материал’. Нулевую семантическую оппозицию образуют эквивалентные термины *фибролит* и *плита фибролитовая* [34], они тождественны по семантике и эквивалентны по дистрибуции, так как характеризуются идентичной сочетаемостью.

Заключение

В результате исследования построена когнитивно-фреймовая модель терминосистемы предметной области «Строительные материалы», включающая 13 субфреймов: «Древесные материалы», «Керамические материалы», «Каменные материа-

лы», «Стекланные материалы и изделия», «Металлические материалы и изделия», «Цементы», «Бетоны», «Строительные смеси», «Вязущие вещества и материалы на их основе», «Полимерные материалы», «Изоляционные материалы», «Кровельные материалы», «Отделочные материалы». Каждый субфрейм делится на слоты, которые подразделяются на микрослоты и далее на семантические группы, конкретизирующие семантику лексических единиц, входящих в микрослоты. Приведена характеристика субфрейма «Древесные материалы» и микрослота «Композиционные древесные материалы», описаны семантические группы, входящие в состав данного микрослота. Определены различные типы семантических отношений между терминами, репрезентирующими когнитивно-

фреймовую модель терминосистемы «Строительные материалы». Выявлено, что между терминами наиболее развиты родовидовые отношения и отношения согипонимии (при этом термины образуют семантические оппозиции с отношениями включения, пересечения, эквиолентные, привативные и градуальные оппозиции); значительно менее популярными оказываются эквивалентные семантические отношения терминов – абсолютных синонимов и вариантов.

Таким образом, разработанная когнитивно-фреймовая модель терминосистемы предметной области «Строительные материалы» представляет упорядоченную иерархически организованную систему знаний о данной предметной области, вербализованную в терминологии.

Список литературы

1. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
2. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52–92.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
4. Мишланова С. Л., Бисерова Н. В., Филиппова А. А. Фреймовый анализ терминологии миграционного права // Язык и культура. 2020. № 51. С. 52–71.
5. Волосухина Н. В. Некоторые аспекты систематизации английской гидравлической лексики (фреймовая семантика) // Университетские чтения-2008: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т. 2008. Ч. III. С. 23–32.
6. Лату М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 222 с.
7. Вековищева С. Н., Приорова Е. М., Савченко Е. П. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Вып. 8, № 1. С. 206–218.
8. Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–32.
9. Минакова Н. А. Особенности формирования и структура строительной терминологии русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 202 с.
10. Черкасова Л. Н. Лексико-семантическая характеристика строительной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1998. 22 с.
11. Егоров В. А. Терминологическая система предметной области «Строительство и архитектура» (немецкие и русские варианты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1973. 17 с.
12. Бекмуродов М. М. Лексико-семантический и структурный анализ строительной терминологии: на материале таджикского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2002. 166 с.
13. Шашкина Н. И. Терминосистема «наименования строительных машин и механизмов» в современном русском языке. Опыт изучения парадигматической организации терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 18 с.
14. Клепальченко И. А. Сопоставительный анализ лексики семантической группы «лестницы и элементы лестничных конструкций»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 19 с.
15. Зубова Т. Г. Когнитивно-прагматические и лексикографические особенности формирования терминополья «сухое и легкое строительство»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 24 с.
16. Гайнутдинова Д. З. Термин-метафора архитектурно-строительного подъязыка: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 191 с.
17. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 2 (208). С. 49–54.
18. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI века // Вестн. Томского гос. ун-та. 2021. № 470. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=2151 (дата обращения: 17.11.2021).
19. Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Моделирование терминологического поля «Дизайн интерьера»: логико-понятийный аспект // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 3. С. 58–68.
20. Руднов В. С. Строительные материалы и изделия: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. 203 с.

21. Белухина С. Н. Строительные термины и определения: терминологический словарь. М.: Изд-во Моск. гос. арх.-строит. ун-та, 2018. 560 с.
22. Артюхович Д. В. Строительство: энциклопедический словарь. Ставрополь: Параграф, 2011. 766 с.
23. ГОСТ 32567-2013 Плиты древесные с ориентированной стружкой. Технические условия. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200107417> (дата обращения: 29.07.2021).
24. ГОСТ 26816-2016 Плиты цементно-стружечные. Технические условия. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200140600> (дата обращения: 29.07.2021).
25. ГОСТ 15812-87 Древесина клееная слоистая. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200014922> (дата обращения: 04.08.2021).
26. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
27. Большой строительный терминологический словарь-справочник / авт.-сост. В. Д. Наумов и др. Минск: Минсктиппроект, 2008. 816 с.
28. ГОСТ 8673-2018 Плиты фанерные. Технические условия. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200159771> (дата обращения: 20.08.2021).
29. Денико Р. В., Шитова О. Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 104–109. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.3.14
30. Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A., Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. № 215. P. 107–111. DOI: 10.10.16/J.SBSPRO.2015.11.582
31. Денико Р. В., Шитова О. Г. Варьирование сетевой терминологии в русском интернет-дискурсе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 3 (168). С. 20–23.
32. Ориентированная стружечная плита OSB // Торговая компания «Центрострой». URL: http://centro-stroi.ru/orientirovannaya_struzhe (дата обращения: 14.08.2021).
33. ГОСТ 23887-79 Сборка. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009490> (дата обращения: 14.08.2021).
34. ГОСТ 8928-81 Плиты фибролитовые на портландцементе. Технические условия. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822912837> (дата обращения: 20.08.2021).

References

1. Golovanova E. I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 224 p. (in Russian).
2. Fillmore Ch. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 1988, no. 23, pp. 52–92 (in Russian).
3. Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 152 p. (in Russian).
4. Mishlanova S. L., Biserova N. V., Filippova A. A. Freymovyy analiz terminologii migratsionnogo prava [Frame analysis of migration law terminology]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2020, no. 51, pp. 52–71 (in Russian).
5. Volosukhina N. V. Nekotorye aspekty sistematzatsii angliyskoy gidravlicheskoj leksiki (freymovaya semantika) [Some aspects of the systematization of the English hydraulic vocabulary (frame semantics)]. *Universitetskiye chteniya – 2008. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University readings-2008: materials of scientific-methodical readings of PSLU]. Pyatigorsk, PLU Publ., 2008, no. 3, pp. 23–32 (in Russian).
6. Latu M. N. *Angloyazychnaya voennaya terminologiya v eye istoricheskom razvitii: strukturno-semanticheskij i kognitivno-freymovyy aspekt. Dis. kand. filol. nauk* [English military terminology in its historical development: structural-semantic and cognitive-frame aspects. Diss. cand. philol. sci.]. Pyatigorsk, 2009. 222 p. (in Russian).
7. Vekovishcheva S. N., Priorova E. M., Savchenko E. P. Freymovoye modelirovaniye terminologii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v angliyskom i russkom yazykakh [Frame modeling of terminology of life safety in English and Russian]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 206–218 (in Russian).
8. Gusel'nikova O. V. Vozmozhnosti freymovogo analiza [Possibilities of frame analysis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2009, no. 5, pp. 29–32 (in Russian).
9. Minakova N. A. *Osobennosti formirovaniya i struktura stroitel'noy terminologii russkogo yazyka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Features of the formation and structure of the construction terminology of the Russian language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1985. 202 p. (in Russian).
10. Cherkasova L. N. *Leksiko-semanticheskaya kharakteristika stroitel'noy terminologii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Lexical and semantic characteristics of construction terminology. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Rostov-on-Don, 1998. 22 p. (in Russian).

11. Egorov V. A. *Terminologicheskaya sistema predmetnoy oblasti "Stroitel'stvo i arkhitektura" (nemetskiye i russkiye varianty). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Terminological system of the subject area "Construction and architecture" (German and Russian variants). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Minsk, 1973. 17 p. (in Russian).
12. Bekmurodov M. M. *Leksiko-semanticheskii i strukturnyy analiz stroitel'noy terminologii: na materiale tadzhikskogo i angliyskogo yazykov. Dis. kand. filol. nauk* [Lexical, semantic and structural analysis of construction terminology: on the material of the Tajik and English languages. Diss. cand. philol. sci.]. Dushanbe, 2002. 166 p. (in Russian).
13. Shashkina N. I. Terminosistema "naimenovaniya stroitel'nykh mashin i mekhanizmov" v sovremennom russkom yazyke. Opyt izucheniya paradigmicheskoy organizatsii terminoleksiki. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Term system "Names of construction machines and mechanisms" in modern Russian. The experience of studying the paradigmatic organization of terminolexics. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1984. 18 p. (in Russian).
14. Klepal'chenko I. A. *Sopostavitel'nyy analiz leksiki semanticheskoy gruppy "lestnitsy i elementy lestnichnykh konstruktсий". Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Comparative analysis of the vocabulary of the semantic group "Stairs and elements of staircase structures". Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1999. 19 p. (in Russian).
15. Zubova T. G. *Kognitivno-pragmaticheskiye i leksikograficheskiye osobennosti formirovaniya terminopolya "sukhoye i legkoe stroitel'stvo". Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Cognitive-pragmatic and lexicographic features of the formation of the terminological field "dry and light construction". Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Krasnodar, 2009. 24 p. (in Russian).
16. Gaynutdinova D. Z. *Termin-metafora arkhitekturno-stroitel'nogo pod'yazyka: sistemno-strukturnyy i kognitivno-diskursivnyy podkhody. Dis. kand. filol. nauk* [The term-metaphor of the architectural and construction sublanguage: system-structural and cognitive-discursive approaches. Diss. cand. philol. sci.]. Belgorod, 2012. 191 p. (in Russian).
17. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Inoyazychnye oboznacheniya noveyshikh stroitel'nykh tekhnologiy v russkom yazyke [Foreign naming units for advanced construction technologies in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2020, vol. 2 (208), pp. 49–54 (in Russian).
18. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Noveyshiye zaimstvovaniya v russkoy stroitel'noy terminologii XXI veka [Latest borrowings in Russian construction terminology of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470 (in Russian). URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=2151 (accessed 17 November 2021).
19. Matskevich N. A., Shchitova O. G. Modelirovaniye terminologicheskogo polya "Dizayn inter'era": logiko-ponyatiynnyy aspekt [Modelling of terminological field "Architectural Environment Design": logical and conceptual aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2021, vol. 3, pp. 58–68 (in Russian).
20. Rudnov V. S. *Stroitel'nye materialy i izdeliya: uchebnoye posobiye* [Building materials and products: textbook]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2018. 203 p. (in Russian).
21. Belukhina S. N. *Stroitel'nye terminy i opredeleniya: terminologicheskii slovar'* [Construction terms and definitions: a terminological dictionary]. Moscow, Moscow State University of Architecture and Building Publ., 2018. 560 p. (in Russian).
22. Artyukhovich D. V. *Stroitel'stvo: entsiklopedicheskii slovar'* [Construction: encyclopedic dictionary]. Stavropol, Paragraf Publ., 2011. 766 p. (in Russian).
23. GOST 32567–2013 *Plity drevesnye s orientirovannoy struzhkoy. Tekhnicheskkiye usloviya* [Wood boards with oriented particles. Specifications] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200107417> (accessed 29 July 2021).
24. GOST 26816–2016 *Plity tsementno-struzhechnyye. Tekhnicheskkiye usloviya* [Cement-bonded wood boards. Specifications] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200140600> (accessed 29 July 2021).
25. GOST 15812–87 *Drevesina kleynaya sloistaya. Terminy i opredeleniya* [Laminated glued wood. Terms and descriptions] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200014922> (accessed 04 August 2021).
26. Novikov L. A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 272 p. (in Russian).
27. *Bol'shoy stroitel'nyy terminologicheskii slovar'-spravochnik* [Large construction terminology dictionary]. Compiler V. D. Naumov et al. Minsk, Minskipproekt Publ., 2008. 816 p. (in Russian).
28. GOST 8673–2018 *Plity fanernyye. Tekhnicheskkiye usloviya* [Plywood panels. Specifications] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200159771> (accessed 20 August 2021).
29. Deniko R. V., Shchitova O. G. Formal'noye var'irovaniye terminov sfery setevykh tekhnologiy [Formal Variability of Terms in the Sphere of Network Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniiye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 3 (27), pp. 104–109 (in Russian).
30. Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A. & Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 215, pp. 107–111 (in Russian). DOI: 10.1016/J.SBSPRO.2015.11.582
31. Deniko R. V., Shchitova O. G. Var'irovaniye setevoy terminologii v russkom internet-diskurse [The variation of network terminology in Russian internet discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, vol. 3 (168), pp. 20–23 (in Russian).
32. *Orientirovannaya struzhechnaya plita OSB* [Oriented strand board]. *Torgovaya kompaniya «Tsentrostroy»* (in Russian). URL: http://centro-stroi.ru/orientirovannaya_struzhe (accessed 14 August 2021).

33. *GOST 23887–79 Sbornik. Terminy i opredeleniya* [Assembling. Terms and definitions] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009490> (accessed 14 August 2021).
34. *GOST 8928–81 Plity fibrolitovye na portlandsemente. Tekhnicheskiye usloviya* [Fibrolite boards with Portland Cement. Specifications] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/822912837> (accessed 20 August 2021).

Информация об авторах

Н. А. Трофимова, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

О. Г. Щитова, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

N. A. Trofimova, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

O. G. Shchitova, Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 28.08.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 28.08.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 81.42
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-76-83>

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ВИДЕОБЛОГИНГА (НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ О ЗДОРОВЬЕ YOUTUBE-КАНАЛА «НАУЧПОК»)

Юлия Евгеньевна Вилкова

Томский государственный педагогический университет, Томск, yuliya.vilkova.99@mail.ru

Аннотация

Введение. Аксиологичность научно-популярного дискурса обуславливается рефлексивно-ценностным аспектом научно-познавательной деятельности, преподнесением информации адресату через призму определенной оценки, особым ценностным статусом адресата в информационно-просветительской коммуникации, а также ценностным потенциалом экстралингвистического содержания информации как предмета коммуникации.

Цель – описание аксиологического пространства видеоблога «Научпок» (на примере видеороликов тематической группы «здоровье») и языковых средств его конструирования.

Материал и методы. В качестве материала были отобраны 50 видеороликов, связанных с тематикой здоровья, представленные на научно-популярном канале «Научпок» видеохостинга YouTube. Выбор материала аргументирован ролью видеоблогинга в распространении информации и формировании ценностных установок, популярностью канала «Научпок», универсальным характером ценности здоровья, модой и эстетизацией темы здоровья. В работе используются методы аксиологической лингвистики, которые дополняются элементами функционально-прагматического лингвистического анализа.

Результаты и обсуждение. Главной структурообразующей ценностью в видеоблоге «Научпок» выступает информация, наблюдается установка на соблюдение таких аксиологических параметров научной информации, как объективность, обоснованность, доказательность, достоверность. В роликах авторы разрушают мифы, устойчивые в обществе. В повествование включается большое количество экспериментально доказанных фактов, исторических экскурсов и справок, цитат ученых, статистических данных и т. д. Аксиологический статус в научно-популярном видеоблогинге также получает качество доступности информации и ее подачи, будучи связанным с антропоцентричностью коммуникации, информационного и оценочного воздействия. Значительное место в достижении цели доступности занимают ресурсы поликодового текста. В роликах наблюдаются рациональные и эмоциональные типы оценки при аргументации. Проанализировано значение речевого жанра совета в аксиологическом пространстве видеоблога. Декларируемыми содержательными ценностями в видеороликах выступают здоровый образ жизни, спокойствие и здравый смысл как отсутствие паники, ответственность за себя и свое здоровье.

Заключение. Результаты исследования могут иметь теоретическое и практическое значение для изучения аксиосферы научно-популярного видеоблогинга.

Ключевые слова: лингвоаксиология, видеоблогинг, «Научпок», научно-популярный дискурс о здоровье, ценности, оценка в языке

Для цитирования: Вилкова Ю. Е. Аксиологическое пространство научно-популярного видеоблогинга (на примере анимационных видеороликов о здоровье YouTube-канала «Научпок») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 76–83. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-76-83>

Original article

AXIOLOGICAL SPACE OF POPULAR SCIENTIFIC VIDEO BLOGGING (ON THE EXAMPLE OF ANIMATION VIDEOS ABOUT THE HEALTH OF YOUTUBE-CHANNEL “NAUCHPOCK”)

Yuliya E. Vilkova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, yuliya.vilkova.99@mail.ru

Abstract

Introduction. The axiology of popular science discourse is determined by the reflexive-value aspect of scientific-cognitive activity, the presentation of information to the addressee through the prism of a certain assessment, the spe-

cial value status of the addressee in information and educational communication, as well as the value potential of the extralinguistic content of information as a subject of communication.

The purpose the article is the description of the axiological space of the video blog “Nauchpok” (on the example of videos of the thematic group “health”) and the linguistic means of its construction.

Material and methods. As a material, 50 videos related to health topics were selected, presented on the popular science channel “Nauchpok” video hosting YouTube. The choice of material is substantiated by the role of video blogging in the dissemination of information and the formation of value attitudes; popularity of the Nauchpok channel; the universal nature of the value of health, fashion and aestheticization of the topic of health. The work uses the methods of axiological linguistics, which are supplemented with elements of functional and pragmatic linguistic analysis.

Results and discussion. The main structure-forming value in the Nauchpok video blog is information, there is a tendency to observe such axiological parameters of scientific information as objectivity, validity, evidence, reliability. In the videos, the authors destroy myths that are stable in society. The narrative includes a large number of experimentally proven facts, historical excursions and references, scholarly quotes, statistical data, etc. The axiological status in popular science video blogging also receives the quality of information accessibility and its presentation, being associated with the anthropocentricity of communication, information and evaluative impact. Polycode text resources play a significant role in achieving the goal of accessibility. The videos show rational and emotional types of assessment in argumentation. The importance of the speech genre of advice in the axiological space of the video blog is analyzed. The declared meaningful values in the videos are a healthy lifestyle, calmness and common sense as the absence of panic, responsibility for oneself and one’s health.

Conclusion. The research results can be of theoretical and practical importance for studying the axiosphere of popular science video blogging.

Keywords: *linguoaxiology, video blogging, “Nauchpok”, popular science discourse, health, values, evaluation in language*

For citation: Vilko Yu. E. Aksiologicheskoye prostranstvo nauchno-populyarnogo videobloginga (na primere animatsionnykh viderolikov o zdorov’e YouTube-kanala “Nauchpok”) [Axiological Space of Popular Scientific Video Blogging (on the Example of Animation Videos About the Health of YouTube-Channel “Nauchpok”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 76–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-76-83>

Введение

Научно-популярный дискурс отличается выраженной аксиологичностью. Ее природа, вследствие симбиозного характера данного типа дискурса, определяется как спецификой научного познания, так и особенностями информационно-просветительской коммуникации.

По мнению Е. А. Баженовой [1], аксиологический аспект научных исследований связан с тем, что ценности лежат в основе познавательной деятельности, они пронизывают структуру мышления, влияют на когнитивные механизмы восприятия и интерпретации действительности, создают оценочный контекст усвоения фактов, обуславливают приемлемость научных аргументов.

Ценностными категориями научного знания признаются истинность, объективность, новизна, значимость, актуальность, целесообразность, уместность, открытость результатов. При этом современный этап развития науки «расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [2, с. 88]. В рамках данной парадигмы научный дискурс предполагает синтез внутринаучных ценностей и «вненаучных ценностей общесоциального характера» [2, с. 96].

Научно-популярный дискурс, будучи производным от научного дискурса, отличается от него прежде всего статусом и отношениями между коммуникантами. Как подробно освещается в работе [3], вместо диалога равных носителей научной и аксиологической картин мира, имеет место противопоставление позиций адресанта в лице ученого или журналиста, владеющего научными знаниями, и адресата, не подготовленного в этой сфере человека. «Автор в этом случае должен считаться с ценностными установками читателя, ориентированного на познавательность и увлекательность изложения» [3, с. 245]. Соотношение корректности и доступности рассматривается исследователями как отдельная аксиологическая проблема, стоящая перед научным журналистом [4].

Научно-популярный дискурс в настоящее время развивается в антропоцентрической научной парадигме: появляющаяся в научной сфере информация обязательно имеет предполагаемого адресата, т. е. автор сначала перерабатывает информацию, пропускает ее через собственную призму оценки и только потом преподносит потребителю. Таким образом, отношение говорящего к объекту (категория оценки) играет ведущую роль в научно-популярном дискурсе [5].

И. М. Сидорова выделяет несколько уровней взаимодействия субъектов познания: «На содержа-

тельном уровне субъект познания выступает как идеальный субъект профессиональной (научной) деятельности. Именно сфера научной деятельности, научные ценности, характер научной рациональности определяют здесь основную ориентацию субъекта познания, направляют на идеальный тип ведения дискуссии», а на коммуникативном уровне субъект выступает уже как личность, которая передает опыт, происходящий ежедневно, участвуя в обыденном общении [6, с. 1]. Оценивая значимые характеристики определенной информации, адресант преподносит ее адресату. При этом, как правило, учитываются социально-личностные особенности адресата (возраст, образование, статус и т. д.).

Разумеется, аксиологическая составляющая научно-популярного текста обуславливается не только особенностями данного типа коммуникации, но и собственно содержательным наполнением: тексты научно-популярной литературы «не только выполняют информационно-просветительскую функцию, но и служат инструментом актуализации и распространения определенных профессионально значимых смыслов, получающих воплощение посредством различных лингвистических средств, эксплицитно и имплицитно» [7, с. 68].

Таким образом, аксиологические параметры пронизывают как функционально-прагматическую и структурно-содержательную направленность научно-популярного дискурса, так и выбор языковых средств.

В данной работе сделана попытка описания аксиологического пространства видеоблога «Научпок» (на примере одного тематического направления) – известного научно-популярного канала на платформе YouTube. Videоблогинг представляет собой явление, распространяющееся во всемирной информационной сети, которое предполагает создание и выкладывание в Интернет видеоматериалов на какую-либо тему в выбранном автором формате [8], т. е. это серия видеороликов, объединенных между собой по определенным критериям. Первые российские видеоблоги появились в 2008 г. и очень быстро набрали популярность. И. А. Текутьева относит канал «Научпок» к жанру гайд, к этому жанру относятся «видеоролики, в которых автор рассказывает интересные факты об окружающем мире, <...> цель таких программ в «популяризации науки» и в «прокачивании мозгов» [9, с. 111].

Актуальность темы обусловлена современной ролью видеоблогинга в распространении информации и формировании общественного мнения, антропоцентрическим характером аксиологической лингвистики.

Целью исследования является описание аксиологического пространства видеоблога «Научпок» (на примере видеороликов тематической группы

«здоровье») и языковых средств его конструирования.

Материал и методы

Материалом исследования послужили анимационные видеоролики, связанные с тематической областью «здоровье», размещенные на научно-популярном видеоканале «Научпок». Данный ресурс относят к наиболее просматриваемым научно-популярным видеоканалам [10, с. 189].

«Научпок» (<https://www.youtube.com/user/nowchpok>) – канал видеохостинга YouTube, зарегистрированный 24 октября 2013 г. За время существования канала на него было загружено 392 видео, на сегодняшний день канал имеет 2,4 млн подписчиков и более 260 млн просмотров.

Идея программы возникла в 2013 г. у креативной группы информационно-развлекательного интернет-телеканала SarambaTV, за основу взяты научные анимационные ролики на английском языке RSA ANIMATE. Название канала создатели не расшифровывают, можно предположить, что это сокращение словосочетания «научно-познавательный канал» или «научно показывать». Ведущим канала, который озвучивает все ролики, является Артур Кутахов (videоблогер, кинокритик, снимает обзоры комиксов и видеоигр). У канала есть описание: «Распрекрасный канал о всяких научных штуках :D». Действительно, наряду с каналами ТОПЛЕС, TrashSmash и т. д. «Научпок входит в рейтинг успешных научно-популярных каналов российского сегмента YouTube [11].

YouTube-канал «Научпок» посвящен научным и имеющим отношение к науке вопросам. В каждом ролике доступно и с юмором даются ответы на разнообразные и любопытные вопросы с научным обоснованием: как работает беспроводная зарядка, что будет, если вырубить все деревья, может ли желудок взорваться, как работает наша память и т. д.

Особенностью канала является то, что аудиальная часть сопровождается визуальной, представляющей собой создаваемые в «режиме онлайн» иллюстрации. И. С. Соколова назвала их «динамичными комиксами» [12, с. 305].

В качестве материала были проанализированы отобранные посредством сплошной выборки 50 видеороликов о здоровье за последние 6 лет. Примеры названий видеороликов: «Что происходит с твоим телом, когда ты выпиваешь?», «ПРЛ – еще одно модное психическое расстройство?», «Вредно ли спать с телефоном?», «Что такое клиническая смерть?», «Как уберечь свою печень?», «Чем отличаются группы крови?», «Почему плакать полезно?», «Как ускорить метаболизм?», «Чем может быть полезна аллергия?» и т. п.

Здоровье – одна из универсальных ценностей. Сегодня она очень эстетизирована, сопряжена с другими ценностями (красота, физическая активность, экология и др.). «Здоровый образ жизни» – частотное словосочетание в медиадискурсе. Значительная часть товаров и услуг имеет отношение к здоровью, что находит отражение, например, в рекламе.

Каждый шестой ролик на канале «Научпок» посвящен теме здоровья, по популярности эта тема стоит в одном ряду с такими темами, как психология межличностных взаимоотношений и компьютеризация.

Методологической основой исследования послужили труды о семантических, функционально-прагматических и дискурсивных особенностях оценки Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Н. В. Данилевской и др.; научно-популярном дискурсе С. Л. Мишлановой, Т. И. Уткиной, А. Ю. Багияна, Т. А. Воронцовой и др.; задачах и средствах аксиологической лингвистики В. И. Карасика, С. Г. Павлова, Е. Ф. Серебренниковой и др.

Результаты и обсуждение

Видеоблог «Научпок» носит информационно-просветительский характер – и главной структурообразующей ценностью в нем оказывается информация. Как подчеркивает Л. В. Баева, информацию наделяет ценностью как сам источник этой информации, так и пользующийся ею человек, так как она значима для его собственного существования [13].

Содержание роликов насыщено информацией: как имеющей сугубо прикладное значение (например, «Как не заразиться коронавирусом в общественных местах?»), так и расширяющей кругозор в целом (например, «Что такое клиническая смерть?»). Значимость информации иногда подчеркивается в прямых авторских оценках: «Есть темы, незнание которых делает нас абсолютными дикарями и невеждами» (24.01.19 (здесь и далее в скобках указывается дата публикации цитируемого видеоролика)).

Названия видеороликов имеют «рекламную» направленность: все они сформулированы в виде лаконичного и конкретного вопроса, предсказывая в результате просмотра получение такого же краткого ответа по существу. Видеоролик длится около 5 минут, учитывая такие условия современной подростковой и молодежной аудитории, как ценность времени и переизбыток информации. Обеспечение информацией по заданному запросу (отраженному в заголовке) сопрягается с удовлетворением познавательных потребностей зрителя. В роликах нередко сообщаются любопытные (непрактичные) факты, например: «Японцы верят,

что якобы 4 группы крови – это 4 типа человеческой личности: охотник, земледelec, кочевник и загадка. К науке это отношения не имеет, но забавно» (19.11.15).

Так как информация наделяется ценностным статусом, в целом в видеоблоге наблюдается установка на соблюдение таких аксиологических параметров научной информации, как объективность, обоснованность, доказательность, достоверность.

В роликах авторы разрушают мифы, устойчивые в обществе, например, объясняют народное выражение «Не надрывайся, а то пупок развяжется» (30.04.21) или отвечают на вопрос: «Может ли мочевого пузыря взорваться?» (07.08.20).

Авторы обращаются к установленным фактам («Папирус Эберса – первый известный „медицинский справочник“ 1550 г. н. э.» (31.01.21)), историческим справкам («Шумеры в III–IV тысячелетиях пользовались золотыми зубочистками, а в одном из египетских документов примерно того же периода был найден рецепт чистки зубов с помощью лука» (17.09.20); «В 1662 году Н. Стенсес открыл слезную железу» (15.02.19)), цитатам ученых (М. Трейсмана, З. Фрейд, Д. Натт, И. П. Павлов и др.), статистическим данным («ПРЛ встречается у 1,6–5,9 % населения» (09.04.21); «59 тыс. человек ежегодно умирают от бешенства: 95 % от укуса собак, а 40 % пострадавших – дети до 15 лет» (14.05.19)); результатам исследований и экспериментов («Ученые из Гонконгского университета науки и технологии представили прототип искусственного электрохимического глаза» (02.07.20); «А. Граканин с группой ученых в 2015 году проводил исследование по выявлению гормонов, которые вырабатываются со слезами» (15.02.19)). В описаниях к роликам прикреплены ссылки на источники: научную литературу, федеральные законы и сайты государственных органов власти, в частности Минздрав РФ и т. д., ознакомившись с которыми пользователь может глубже погрузиться в интересующую тему (позиционируется открытость информации). Авторы демонстрируют владение научным контекстом: делают ретроспективный экскурс (приводят историю возникновения лекарственных препаратов (31.01.21)), сопоставляют разные типологии/классификации/теории (4 теории возникновения ОКР: психоаналитическая, теория Павлова, нейромедиаторная, генетическая (11.02.21)), используют специальную терминологию.

Аксиологический статус в научно-популярном дискурсе, как отмечалось выше, получает также качество доступности информации и ее подачи, будучи связанным с антропоцентричностью коммуникации, информационного и оценочного воздействия.

В видеоблоге «Научпок» большую роль играют мультимедийные средства передачи информации. Для наглядности каждый информационный блок сопровождается графической схемой, тезисами. В. Г. Беседина отмечает, что «явное доминирование авербального компонента и ограниченность вербального компонента отдельными фразами и предложениями делают ювенальный медиатекст более доступным и привлекательным для подростка. Той же цели служит дублирование представления одного и того же концепта посредством знаков различных семиотических систем» [14]. На экран обязательно выносятся сложные слова, название заболеваний, имена ученых, статистические данные. Во всех роликах приподнятая интонация: повествовательная тональность сменяется повышением голоса. Создается положительная эмоциональная атмосфера: бодрый закадровый голос, наглядность, красочность, анимационный формат. Развлекательная составляющая видеоблога базируется на гедонистической функции медиа, ей способствуют сопровождающие текстовую часть визуальные и звуковые эффекты, присутствует юмор.

В каждом ролике авторы выступают в роли своеобразных переводчиков с научного языка на обыденный. Часто ролики начинаются с имитации жизненной ситуации («Вот представь...»), которая затем получает научное пояснение. Часто используются метафоры, аналогии: «Иммунная система – эффективное оружие массового поражения» (08.03.21); «Молекула этанола – Флеш в мире молекул» (09.08.21)).

Можно говорить о реализации личностно ориентированного общения. Активно используются приемы диалогизации, обращения к адресату: «ты», «бро», «ребята», «мы», «давай разбираться», «слышал такое?» и т. п. В закадровом тексте присутствуют элементы молодежного сленга, жаргонная лексика («троллить», «рипи», «фейс», «хейт» и т. д.). В целом значительное место занимает язык подростковой субкультуры.

Ценностный статус адресанта коррелирует со значимостью интерактивности, возможности обсуждения. Авторы всегда рады обратной реакции, предлагают оставлять комментарии под видео и задавать интересующие вопросы.

В аксиологическом пространстве научно-популярного видеоблога большую роль играет *аргументация*.

Е. М. Вольф разграничивает два основных вида оценки: рациональную (логическую) и эмоциональную (иррациональную) [15, с. 39]. О. А. Шутова справедливо замечает, что в научно-популярном дискурсе присутствуют как рациональная, так и эмоциональная оценки. Однако первый ее тип

доминирует в высказываниях адресанта, второй тип оценки чаще встречается в речи адресата [5]. Е. А. Баженова выделяет преобладающие в научном тексте рационалистические оценки, связанные с аргументативной стороной содержания, а также эмоциональные оценки, связанные с личностно-психологическим компонентом познавательной деятельности и с прагматическим фактором воздействия на адресата [1, с. 14].

В роликах «Научпока» аргументы, направленные на обоснование определенного тезиса, носят, как правило, логический характер. Наиболее частотная модель: фиксация наступления негативных последствий при рассматриваемой причине. Например: «После нагревания пропиленгликоль превращается в пропиленоксид – канцероген для человека, что приводит к астме» (25.07.19); «Курение кальяна увеличивает сердцебиение на 16 уд/мин, что приводит к сердечно-сосудистым заболеваниям» (16.08.19); «Синдром абстрактного апноэ сна приводит к сердечным заболеваниям, инфаркту, или инсульту, что смертельно опасно» (29.07.18) и т. п.

Воздействующая функция и прагматический фактор находят отражение в эмоциональных оценках адресанта: «Иммунитет работает на полную катушку 24*7, а мы этого вообще не замечаем» (08.03.21); «Зато благодаря одной чуме XXI века (аллергия) вы избежите другой чумы (рак)» (24.04.15).

В репликах могут присутствовать эмоционально-оценочные модусы удивления, любопытства, одобрения, сожаления и т. д.: «В общем, в психиатрии и психотерапии будущее уже наступило» (06.05.21); «Аж, 2368 видов бактерий» (30.04.21); «Удивительно, что только 8 видов (о бактериях) обнаружилось у 70 % участников эксперимента» (30.04.21); «А теперь к самому интересному, к симптомам» (09.04.21); «С оценкой распространенности все совсем плохо, по разным данным, доля людей с БАП может составлять от 0,05 % до 8 %, потому что ученые так и не договорились о критериях диагноза и оценивают все крайне субъективно, что, впрочем, частая проблема» (05.03.21); «Психиатрия худо-бедно разобралась с этим диагнозом [про шизофрению]» (26.02.17).

Оценка нередко эксплицируется лексическими средствами: «У эритроцитов много важных белков» (19.11.15). Или: «самый опасный», «неоправимые последствия» и т. п.

Научно-популярный дискурс диктует потребность в активном восприятии информации и ее действенном приложении: адресат должен принять информацию к сведению, поверить ей и руководствоваться ею при необходимости.

Авторы канала «Научпок», опираясь на научные факты, примеры и данные статистики, не пропагандируют и не навязывают здоровый образ жизни, а рассказывают о том, что неправильное питание делает организм человека уязвимым для микробов, использование неудобной обуви приводит к нарушениям опорно-двигательной системы, а постоянные стрессы могут вызвать проблемы с нервной системой. Адресант вовлекается в отмечаемые факты, примеряет их на себя, поэтому данные нарративы аксиологичны.

Обратимся к речевому жанру совета, занимающего в роликах большое место. Рассматривая аксиологический аспект совета как речевого жанра, С. Ю. Данилов поясняет, что человек, выстраивая высказывание с целью совета, чаще всего знает, что принесет пользу собеседнику или повлияет на принятие им решения [16].

В видеоблоге «Научпок» советы только иногда эксплицируются с использованием императивных глаголов: «*Столкнувшись со звоном в ушах, не спешите лить в уши баранью желчь или доставать женское молоко на черном рынке, для начала уменьшите бытовой стресс в своей жизни*» (выпуск от 21.09.17); «*Ребята, остерегайтесь странных дядей в пальто, предлагающих волшебные бобы на улицах, и помните, что наркотики – это плохо!*» (12.11.15); «*Никакого самолечения, вызывайте врача, если градусник будет подползать к опасной отметке*» (27.08.20). Чаще используются оценочные предикаты: «*Гормоны хороши только в меру*» (выпуск от 30.10.15); «*Садиться на диету и серьезно ограничивать себя стоит только по назначению врача*» (24.01.19); «*Прежде всего необходимо помнить, что употребление жирных, жареных и мучных продуктов негативно сказывается как на состоянии, так и на функционировании печени*» (19.12.16); «*Бежать к врачу надо, даже если тебя покусала любимая чихуахуа твоей бабушки*» (14.05.19). Иногда авторы используют синтаксически законченные оценочные суждения: «*Не болеть совсем вряд ли получится, но оказать влияние на защитные силы организма все-таки можно: меньше стресса и вредных привычек, больше физической активности, хорошего сна и правильного питания, а также позитивных эмоций*» (08.03.21); «*Чтобы ты не мучился, ученые советуют тебе больше обращать внимание на движущиеся объекты, не пялиться в телефон, общаться, разговаривать и двигаться*» (18.02.21); «*Единственным способом обезопасить себя является вакцинация против бешенства*» (14.05.19); «*Тем, кто столкнулся с акне, совет один: чем раньше начать лечение, тем легче оно пройдет*» (16.01.20); «*Только специалист может диагностировать БАР*» (05.03.21). Рацио-

нальная аргументация соединяется с экспрессивными оценками: «*Никакой истерики, только биология!*» (15.07.19); «*Может лучше все-таки не втягивать в себя клубы химозного пара, а по старинке подышать над картошкой?*» (25.07.19).

Наиболее частый совет в роликах – «*Бегом к врачу!*» / «*Сходите к врачу!*». Авторы, что типично для научно-популярного дискурса о здоровье, аккуратны в рекомендациях, не берут на себя ответственность ставить диагнозы и рекомендовать лечение.

Декларируемыми содержательными ценностями в аксиологическом пространстве видеоблога «Научпок» выступают здоровый образ жизни («*Что может сделать каждый человек уже сейчас, чтобы минимизировать риски [о болезни Альцгеймера]? Вести здоровый образ жизни и быть социально активным. Делайте кардио, тренировка мозга, здоровая пища, хороший сон, избегайте стресса, ведите активную социальную жизнь*» (01.10.16)); спокойствие как отсутствие паники («*Короче, не кипишуйте, если вам хочется поправить смартфон на столе, то это еще не ОКР, а вот если что-то такое есть (о симптомах), то сходите к врачу, он поможет!*» (11.02.21)); ответственность за себя и свое здоровье («*Покажись врачу, бро, сделай себе и всем одолжение*» (09.08.21)).

Заключение

Интернет-ресурсы на сегодняшний день представляют собой наиболее эффективные форматы для вовлечения (в том числе личностно-смыслового) аудитории в материал и для популяризации науки, т. е. авторы, в том числе и научно-популярных текстов, влияют на мировоззрение молодого поколения, являются трансляторами ценностных установок [17].

Аксиологичность пространства научно-популярного видеоблога обуславливается: 1) ценностным характером научно-познавательной деятельности, имманентными особенностями научной рациональности, этическим отношением (высокой степенью требовательности) к научной информации как истинной, достоверной, объективной и обоснованной; 2) ориентацией на адресата, на его ценностные и познавательные потребности, а также фоновые знания, установки и стереотипы; 3) отношением к содержанию транслируемой информации, ответственностью за ее пропаганду, а также транслируемую субъективную оценку к данной информации.

Категория оценки в видеоблоге «Научпок» находит выражение как на уровне дискурсивных характеристик поликодового текста, так и на уровне отдельных языковых единиц.

Список литературы

1. Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2019. С. 13–14.
2. Соколова Г. Н. Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 84–96.
3. Ким И. Е., Ильина Д. В. Ценностные основания аргументации в научно-популярном тексте // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2019. С. 244–246.
4. Газоян А. Г. Взгляд студентов и выпускников факультетов журналистики на профессиональные ценности научного журналиста: на грани между корректностью и доступностью изложения // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 90–93.
5. Шутова О. А. Категория оценки в научно-популярном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Филол. науки. 2013. № 1. С. 75–79.
6. Сидорова И. М. Влияние ценностей на характер научных дискуссий // Вестник Рыбинской гос. авиационной технологической академии им. П. А. Соловьева. 2013. № 4 (27). С. 63–72.
7. Багиян А. Ю., Аракелова А. Р. Концептуальное воплощение ценностей и антиценностей в научно-популярном дискурсе сферы информационных технологий как способ актуализации профессиональной аксиологической картины мира // Научный диалог. 2019. № 10. С. 61–78.
8. Тажетдинов Т., Мрочковский Н., Парабеллум А. Как стать первым на YouTube: секреты взрывной раскрутки. М.: Альпина Паблишер, 2018. 162 с.
9. Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиафера. 2016. № 11. С. 107–113.
10. Владимирова Т. Н., Рахманина К. П. Особенности создания средствами массовой информации научного контента для детской аудитории // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 180–192.
11. Бейненсон В. А. Комикс как формат в отечественной мультимедийной журналистике // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52). С. 47–61.
12. Соколова И. С. Научно-популярная программа интернет-телевидения «Научпок» для подростков в контексте комиксной книжной популяризации естествознания // Медиагентства СКФУ: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 304–308.
13. Баева Л. В. Этика и аксиология инновационной науки // Информационное общество. 2011. № 2. С. 43–49.
14. Беседина В. Г. Вербально-авербальная репрезентация ведущей деятельности подросткового возраста в ювенальном медиаиздании // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1204> (дата обращения: 08.09.2021).
15. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
16. Данилов С. Ю. Речевой жанр «совет» в аксиологическом аспекте // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2019. С. 240–241.
17. Кальва И. С., Дягилева Т. В. Особенности формирования ценностного мира молодого поколения инженеров в информационную эпоху // Вестник ЧелГУ. 2021. № 2 (448). С. 76–84.

References

1. Bazhenova E. A. Axiologicheskoye prostranstvo nauchnogo teksta [Axiological space of scientific text]. In: *Axiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.)* [Axiological aspects of modern philological research: abstracts of the International Scientific Conference (UrFU, October 15–17, 2019)]. Executive editor N. A. Kupina. Yekaterinburg, Azhur Publ, 2019. Pp. 13–14 (in Russian).
2. Sokolova G. N. Nauchnaya ratsional'nost' kak tsennost' v formirovaniy nauchno-tekhnicheskogo progressa [Scientific rationality as a value in the formation of scientific and technical progress]. *Sotsiologicheskiiy al'manakh*, 2018, no. 9, pp. 84–96 (in Russian).
3. Kim I. E., Ilyina D. V. Tsennostnyye osnovaniya argumentatsii v nauchno-populyarnom tekste [Value foundations of argumentation in popular science text]. In: *Axiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.)* [Axiological aspects of modern philological research: abstracts of the International Scientific Conference (UrFU, October 15–17, 2019)]. Executive editor N. A. Kupina. Yekaterinburg, Azhur Publ, 2019. Pp. 244–246 (in Russian).
4. Gazoyan A. G. Vzgl'yad studentov i vypusknikov fakul'tetov zhurnalistiki na professional'nyye tsennosti nauchnogo zhurnalista: na grani mezhdu korrektnost'yu i dostupnost'yu izlozheniya [View of students and graduates of journalism faculties on the professional values of a scientific journalist: on the verge between correctness and accessibility of presentation]. *Zhurnalistkiy ezhegodnik*, 2016, no. 5, pp. 90–93 (in Russian).
5. Shutova O. A. Kategoriya otsenki v nauchno-populyarnom diskurse [Assessment category in popular science discourse]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskkiye nauki – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2013, no. 1, pp. 75–79 (in Russian).

6. Sidorova I. M. Vliyanie tsennostey na kharakter nauchnykh diskussiy [Influence of values on the nature of scientific discussions]. *Vestnik Rybinskoy gos. aviatsionnoy tekhnologicheskoy akademii im. P. A. Solov'yeva – Vestnik of P. A. Solov'yov Rybinsk State Aviation Technical University*, 2013, no. 4 (27), pp. 63–72 (in Russian).
7. Bagiyan A. Yu., Arakelova A. R. Kontseptual'noye voploshheniye tsennostey i antitsennostey v nauchno-populyarnom diskurse sfery informatsionnykh tekhnologiy kak sposob aktualizatsii professional'noy aksiologicheskoy kartiny mira [Conceptual embodiment of values and anti-values in popular science discourse in the sphere of information technologies as a way to actualize the professional axiological picture of the world]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2019, no. 10, pp. 61–78 (in Russian).
8. Tazhetdinov T., Mrochkovsky N., Parabellum A. *Kak stat' pervym na YouTube: sekrety vzryvnoy raskrutki* [How to become the first on YouTube: the secrets of explosive promotion]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2018. 162 p. (in Russian).
9. Tekutyeva I. A. Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasfera*, 2016, no. 11, pp. 107–113 (in Russian).
10. Vladimirova T. N., Rachmanina K. P. Osobennosti sozdaniya sredstvami massovoy informatsii nauchnogo kontenta dlya detskoj auditorii [Features of the creation of scientific content by the media for a children's audience]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2018, no. 8, pp. 180–192 (in Russian).
11. Beinenson V. A. Komiks kak format v otechestvennoy mul'timediynoy zhurnalistike [Comics as a format in domestic multimedia journalism]. *Chelyabinskiy gumanitarniy – Chelyabinsk Humanitarian*, 2020, no. 3 (52), pp. 47–61 (in Russian).
12. Sokolova I. S. Nauchno-populyarnaya programma internet-televideniya “Nauchpok” dlya podrostkov v kontekste komiksnoy knizhnoy populyarizatsii estestvoznaniya [Popular science program of Internet television “Nauchpok” for adolescents in the context of comic book popularization of natural science]. In: *Mediachteniya SKFU: sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Media Readings NCFU: a collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference]. Stavropol, Servisshkola Publ., 2017. Pp. 304–308 (in Russian).
13. Bayeva L. V. Etika i aksiologiya innovatsionnoy nauki [Ethics and axiology of innovative science]. *Informatsionnoye obshchestvo – Information Society*, 2011, no. 2, pp. 43–49 (in Russian).
14. Besedina V. G. Verbal'no-averbal'naya reprezentatsiya vedushchey deyatel'nosti podrostkovogo vozrasta v yuvenal'nom media-izdaniy [Verbal-averbal representation of the leading activities of adolescence in juvenile media publishing]. *Mediaskop*, 2012, no. 4 (in Russian). URL: <http://www.mediascope.ru/node/1204> (accessed 08 September 2021).
15. Wolf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (in Russian).
16. Danilov S. Yu. Rechevoy zhanr “sovet” v aksiologicheskom aspekte [Speech genre “advice” in the axiological aspect]. Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.). Otvetstvennyy redaktor N. A. Kupina [Axiological aspects of modern philological research: abstracts of the International Scientific Conference (UrFU, October 15–17, 2019). Executive editor N. A. Kupina]. Yekaterinburg, Azhur Publ, 2019. Pp. 240–241 (in Russian).
17. Kal'va I. S., Diyagileva T. V. Osobennosti formirovaniya tsennostnogo mira molodogo pokoleniya inzhenerov v informatsionnuyu epokhu [Features of the formation of the value world of the young generation of engineers in the information age]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 2 (448), pp. 76–84 (in Russian).

Информация об авторах

Ю. Е. Вилкова, магистрант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Yu. E. Vilkova, master degree student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 28.08.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 28.08.2021; accepted for publication 20.12.2021

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.1/8

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-84-92>

СРАВНИТЕЛЬНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧЕШСКОГО, УКРАИНСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Анна Владимировна Курьянович¹, Людмила Витальевна Дубина²

^{1,2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru

² dubina.ludmila@yandex.ru

Аннотация

Введение. Семантика порядка 80 % фразеологизмов любого национального языка связана с человеком. Рассмотрение данных языковых единиц с позиций сопоставления культурологического и концептологического содержания способствует осмыслению фрагмента картины мира, связанного с экспликацией представления о человеке в славянских языках.

Цель – выделение универсальных и вариантных характеристик человека, существующих в обозначенных славянских лингвокультурах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили фразеологизмы тематической группы «человек» с ядерной семой «оценка», собранные из лексикографических источников (по 50 единиц из каждого языка). Метод исследования – кросс-культурный анализ.

Результаты и обсуждение. Фразеологизмы с негативной оценкой человека во всех анализируемых лингвокультурах количественно доминируют. Отмечено наличие инвариантного смыслового ядра в представлениях о качествах человека и, как следствие, большое количество эквивалентных и частично эквивалентных единиц. Носителями рассмотренных лингвокультур порицаются такие качества, как глупость, невежество, наглость, грубость, лживость, лень, скупость и тому подобные. Положительно оцениваются наличие опыта, богатства и житейской мудрости, успешность, красивый внешний облик, здоровый вид. Нейтральная оценочная коннотация отличает фразеологизмы, эксплицирующие наличие черт сходства/различия между людьми, отношений между ними.

В случаях общекультурной интерпретации речь идет о семантико-стилистических и/или формально-структурных полных или частичных эквивалентах. Полные эквиваленты – это единицы с тождественными структурными, семантическими (в том числе образными) и стилистическими характеристиками. Частичные эквиваленты при сохранении целостности семантики могут иметь некоторые различия в значении, стилистическом звучании или в компонентном составе/структуре фразеологических единиц.

Варианты оценочной интерпретации человека в разных лингвокультурах обуславливаются как собственно языковыми факторами, так и внелингвистическими. В данном случае фразеологические единицы не являются эквивалентными. Различия могут касаться как внутренней формы фразеологических единиц при совпадении (или частичном совпадении семантики), так и семантики при полном или частичном совпадении структуры и образного выражения.

Заключение. Таким образом, универсальные характеристики человека преобладают во фразеологической картине мира славянских языков. Вариантные смыслы характеризуются культурно-исторической обусловленностью.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурология, картина мира, тематическая группа, человек

Для цитирования: Курьянович А. В., Дубина Л. В. Сравнительно-лингвокультурологический анализ фразеологизмов тематической группы «человек» (на материале русского, чешского, украинского и польского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 84–92. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-84-92>

COMPARATIVE LINGUISTICS

Original article

COMPARATIVE LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE THEMATIC GROUP “HUMAN” (IN RUSSIAN, CZECH, UKRAINIAN AND POLISH)

Anna V. Kurjanovich¹, Lyudmila V. Dubina²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru

² dubina.ludmila@yandex.ru

Abstract

Introduction. About 80 % of idioms in any national language has semantics related with a person. Comparison of the cultural and conceptual content of these linguistic units allows us to study the image and verbal representation of man in different Slavic languages.

Aim and objectives. Identify the universal and variant characteristics of man that exist in the designated Slavic linguocultures.

Material and methods. The material is phraseological units of the thematic group “human” with the nuclear seme “evaluation” collected from lexicographic sources (50 units from each language). The method of research is cross-cultural analysis.

Results and discussion. Phraseological units with a negative assessment of a person quantitatively dominate in all the analyzed linguocultures. There is an invariant semantic core in the representation of human qualities. The consequence of this is a large number of equivalent and partially equivalent units. The speakers of the linguocultures examined condemn such qualities as stupidity, ignorance, impudence, rudeness, mendacity, laziness, avarice, and the like. Experience, wealth and worldly wisdom, success, good looks, and a healthy appearance are positively assessed. Neutral evaluative connotation distinguishes phraseological units that express the presence of features of similarity / difference between people, the relationship between them.

In cases of general cultural interpretation, we are talking about semantic-stylistic and/or formal-structural full or partial equivalents. Full equivalents are units with identical structural, semantic (including figurative) and stylistic characteristics. Partial equivalents, while maintaining the integrity of semantics, may have some differences in meaning, stylistic sound or in the component composition/structure of phraseological units.

The variants of evaluative interpretation of a person in different linguistic cultures are determined by both linguistic and extralinguistic factors. In this case, the phraseological units are not equivalent.

Conclusion. Thus, the universal characteristics of human beings prevail in the phraseological world picture of Slavic languages. Variant meanings are characterized by cultural and historical conditionality.

Keywords: phraseological unit, cultural linguistics, world picture, thematic group, human

For citation: Kurjanovich A. V., Dubina L. V. Sravnitel’no-lingvokul’turologicheskiy analiz fraziologizmov tematicheskoy gruppy “chelovek” (na materiale russkogo, cheshskogo, ukrainskogo i pol’skogo yazykov [Comparative Linguocultural Analysis of Phraseological Units of the Thematic Group “Human” (in Russian, Czech, Ukrainian and Polish)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-84-92>

Введение

Лингвокультурологический подход к анализу фактов национальных языков базируется на понимании взаимосвязи языка как универсального средства выражения знаний о мире и культуры – аксиологически значимого феномена, аккумулирующего и транслирующего ценностные смыслы в языке. Знакомство с историей вопроса показало, что чаще других в качестве культурологических и концептуальных единиц в любом национальном языке уче-

ными рассматриваются фразеологические единицы [1, с. 1996]. Фразеологизмы фиксируют в своем значении специфику национальных, в том числе культурных, представлений об окружающей действительности, тем самым активно участвуют в формировании фрагментов картины мира того или иного этноса. Говоря словами В. Н. Телия, «фразеологический состав языка – зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [2, с. 82].

Основной задачей лингвокультурологического анализа фразеологических единиц можно считать «выявление ценностных установок этноса, отраженных в них в конденсированном виде» [3, с. 33]. Сравнительный лингвокультурологический (иначе его называют *кросс-культурным*) анализ фразеологизмов позволяет «определить объем семантики фразеологизмов, исходные архетипы; выявить этноспецифичность фразеологических образов; показать, как культурно обусловленные концептуальные модели, лежащие в основе образов, формируют аксиологическое содержание фразеологизмов» [4, с. 119].

Семантика порядка 80 % фразеологизмов любого национального языка так или иначе связана с человеком [5, с. 3]: его деятельностью, отношением с другими людьми и окружающим миром, описанием внешности, особенностей характера, физического и эмоционального состояния. Наличие оценки также предполагает существование человека как оценивающего субъекта. «Фразеологизм в полной мере осуществляет возможность человека выразить свое отношение к происходящему в мире. Как создатель оценки, как выразитель эмоции, говорящий/слушающий раскрывает свою культурную позицию – достойно или недостойно человека то, что происходит в мире, подобает человеку что-либо делать или не подобает. В результате культурной интерпретации фразеологизма в процессе его употребления формируется важнейший компонент культурно-языкового значения фразеологизма, содержанием которого является ценностно-эмоциональное отношение к происходящему» [6, с. 5]. Это обусловило отбор материала для исследования.

Материал и методы

Материалом настоящего исследования выступают русские, чешские, украинские и польские фразеологизмы тематической группы «Человек», в значении которых ядерной является сема «оценка», отобранные из лексикографических источников [7–12]. В связи с тем что указанная группа имеет очень широкие границы, в данной статье фокусом исследования стала подгруппа «Характер и поведение человека». Всего было выбрано порядка 200 фразеологических единиц (по 50 из каждого языка). При необходимости для уточнения значения фразеологизмов, их истории, исследования символического кода привлекались дополнительные источники [13–17].

В статье представлен кросс-культурный анализ обозначенных фразеологических единиц, направленный на осмысление фрагмента картины мира, связанного с экспликацией представления о человеке в славянских языках, выделение универсаль-

ных и вариантных характеристик человека, существующих в обозначенных славянских лингвокультурах. Подобный подход [18, с. 156–162] представляется актуальным для лингвокультурологии, лингвострановедения, лингводидактики, дискурсивной и когнитивной лингвистики.

Результаты и обсуждение

Русский, чешский, украинский и польский языки имеют общие славянские корни. Несмотря на то, что во всех этих языках присутствуют общеславянские элементы, очевидны и различия между языками: в случае с русским и украинским они представлены в меньшей степени, а в сопоставлении с польским и чешским – достаточно существенны. Это находит отражение в том числе во фразеологии, что и обусловило выбор эмпирического материала.

Как свидетельствуют полученные в ходе исследования результаты, большинство из анализируемых фразеологизмов характеризуется присутствием в семантике устойчивых компонентов отрицательной оценки качеств человека (первая группа). Меньшее количество фразеологизмов отличается наличием в их значении сем положительной оценки (вторая группа). Самую немногочисленную группу составляют фразеологизмы с нейтральной оценочной коннотацией (третья группа). Такое численное распределение фразеологических единиц по группам объясняется признанной подавляющим большинством лингвистов асимметрией положительной и отрицательной зон оценки [19]. Потребность в отрицательной оценке больше, чем в положительной. Так устроен человек: нюансов в плохом мы видим больше [20].

Что касается объекта оценивания, таковым могут быть внешность, поведение, социовозрастные и гендерные характеристики человека. При этом чаще всего оценочный компонент значения связан именно с поведением. Например, фразеологизмы, связанные с возрастом, оценивают не столько сам возраст, сколько поведение, с точки зрения норм народной морали допустимое или недопустимое в данном возрасте: *Седина в бороду – бес в ребро*.

Во всех обозначенных языках присутствуют семантически эквивалентные фразеологизмы, номинирующие неопытного, молодого, незрелого человека. В основе каждого из них лежит сема «молоко», ассоциативно сопрягаемая в процессе интерпретации с образом раннего детства, когда беспомощного ребенка мать кормила молоком:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
<i>Молоко на губах не обсохло</i>	<i>Má ještě mléko na bradě</i> (у него все еще молоко на подбородке)	<i>Губи [це] в молоці</i>	<i>Ma mleko pod nosem</i> (у него молоко под носом)

Данные фразеологизмы обычно используются для указания на то, что кто-то претендует на авторитет или положение, которого не заслуживает, не готов к чему-либо и т. д.: *Молоко на губах не обсохло, а уже свое мнение имеет*. Именно это определяет явно выраженную негативную оценку.

Если же такой подтекст отсутствует, то фразеологизм имеет нейтральную или слабую оценочность. Ср.: под стол пешком ходить (рус); *posiść (jeszcze) koszulę w zębach*. Оценка может несколько различаться в зависимости от того, говорит человек о самом себе или о другом. Сама по себе возможность использования того или иного выражения по отношению к говорящему очень показательна.

Необходимо также отметить, что поведение человека может оцениваться как типичное для него, и в этом случае мы говорим о чертах характера, « пороках » и « добродетелях », или как ситуативное, связанное с конкретной ситуацией. Это различие также влияет на оценку. Ср.: « заячья душа » (трус) и « душа ушла в пятки » (испугался).

Анализ значения фразеологизмов демонстрирует наличие **инвариантного смыслового ядра** в представлениях о качествах человека с точки зрения их оценки у членов обозначенных славянских лингвокультур.

Носителями этих лингвокультур порицаются глупость, невежество, наглость, грубость, лживость, лень, скупость и пр. Отрицательную оценку получает также несерьезное, легкомысленное поведение, хитрость, пустословие и т. п.

Примеры семантических эквивалентов с **отрицательной** оценкой:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Валять дурака	<i>Dělat ze sebe blbce</i>	Валяти дурня	<i>Robić z siebie głupka</i>
Водить за нос	<i>Vodit (tahat) někoho za nos</i>	Водити за ніс	<i>Mydlić (komiś) oczu</i>
Переливать из пустого в порожнее	<i>Nosit dříví do lesa</i>	Переливати з пустого в порожнє	<i>Przelewać z pustego w próżne</i>
Ходить вокруг да около	<i>Chodit kolem horké kaše</i>	Ходити навкруги	<i>Mówić ogródkami</i>

Фразеологизмы с негативной оценкой человека во всех анализируемых лингвокультурах количественно преобладают. В палитре негативных оттенков смысла доминирует **ирония**:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Голова два уха	<i>Hlava dvě uši</i>	Голова з вухами	<i>Głowa dwoje uszu</i>
Звезд с неба не хватает	<i>Diru do světa neudělá</i>	Зірок з неба не хапає	<i>Prochu nie wymyśli</i>
Встать не с той (левой) ноги	<i>Vstát levou nohou</i>	Встати не з тієї ноги	<i>Mieć muchy w nosie</i>
Какая муха тебя укусила?	<i>co to do tebe vjelo?</i>	Яка муха тебе вкусила	<i>Co go ugryzło?</i>
Жить как кошка с собакой	<i>žít jako kočku a psi</i>	Жити як кішка з собакою	<i>Życ jak pies z kotem</i>

Языковой механизм выражения ироничной оценки часто основывается на **зоометафоре**:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Заячья душа/душонка	<i>Zajčová duše, má zaječí srdce</i> (у него заячье сердце)	Заяча душа	<i>Czmychać jak zając</i> (удирать как заяц)
Голодный как волк	<i>Hladový jako vlk</i>	Голодний як вовк	<i>Głodny jak wilk</i>
Биться как рыба об лед	<i>Házet sebou jako kapr na suchu</i>	Битися як риба об лід	<i>Ściągać diabła za ogon</i>
Нем как рыба	<i>Mlčí jako hrob</i>	Ньому як риба	<i>Niemy jak ryba</i>
Работать/пахать как лошадь	<i>Dřít jako kůň</i> (вкалывать как лошадь)	Працювати як кінь	<i>Pracować jak koń/wół</i> (работать как конь/бык)
Хитрый лис	<i>Mazaný liška</i>	Хитрий лис	<i>Chytry lis</i>

Положительно оцениваются наличие опыта, богатства и житейской мудрости, успешность, красивый внешний облик, здоровый вид:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Денег – куры не клюют	<i>Jeho pes nebude jísti samého chleba</i>	Грошей – куры не клюють	<i>Ma forsy jak lodu</i> (у него денег как льда)
Трудится как пчелка	<i>Pracovitý jako včelka</i>	Трудитися як бджілка	<i>Pracowity jak pszczóla</i>
Стреляный воробей	<i>Ostřílený člověk</i>	Стріляний горобець	<i>Stary wyga</i>
Быть на седьмом небе	<i>Být v sedmém nebi</i>	Бути на сьомому небі	<i>Być w siódmym niebie</i>
Золотые руки	<i>Šikovné prsty</i>	Золоті руки	<i>Mieć złote ręce</i>

В некоторых случаях оценка определяется контекстом. Например, характеризовать человека как опасного могут и с оттенком похвалы, несмотря на лексический маркер негативной оценки (**плохой**):

Русский	Чешский	Украинский	Польский
С ним шутки плохи	<i>S ním si raději nezahrává</i>	З ним краще не жартувати	<i>Z nim nie ma żartów</i>

Нейтральная оценочная коннотация отличает фразеологизмы, эксплицирующие наличие черт сходства/различия между людьми, отношений между ними:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Похожи как две капли воды	<i>Jsou si podobní jako vejce vejci</i>	Схожі як дві краплі води	<i>Podobnie jak dwie krople wody</i>
Два сапога пара	<i>Pár dvojic</i>	Пара чобіт на одну ногу	<i>Dwa z gatunku</i>
Одного поля ягоды	<i>Jedno pole bobulí</i>	З вашого поля ягода	<i>Z jednego pola jagód</i>
Из одного теста	<i>Být ze stejného (z jiného) těsta</i>	З одного тіста	–

В случаях общекультурной (инвариантной) интерпретации речь идет о семантико-стилистических и/или формально-структурных эквивалентах – полных или частичных. **Полные эквиваленты** – это единицы с тождественными структурными, семантическими (в том числе образными) и стилистическими характеристиками. В их основе лежит общий семантический признак («фразеологический

образ», по В. Н. Телия). Так, негативная оценка глупого, недалекого человека репрезентируется образом головы-капусты: при формальном сходстве наблюдается абсолютная функциональная несовместимость. Такое представление фиксируется в русской, украинской и польской лингвокультурах: *голова что чан, а ума на капустный кочан* (рус.), *капустяна голова* (укр.), *kapiściana głowa/kapiściany łeb* (капустная голова ‘дурак, глупый человек’) (польск.). Некоторые другие примеры полных семантических фразеологизмов-эквивалентов приведены ниже:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
<i>Паршивая (заблудшая) овца</i>	<i>Ztracené ovečky (потерянная овца)</i>	<i>Заблукана вівця (заблудшая овца)</i>	<i>Czarna / parszywa owca (черная / паршивая овца)</i>
<i>Приставить нож к горлу</i>	<i>Dát někomu nůž na krk</i>	<i>Приставити ніж до горла</i>	<i>Nož do gardla</i>
<i>У него не все дома</i>	<i>Ne všichni jsou doma</i>	<i>Не всі вдома</i>	<i>Mieć nie wszystkich w domu</i>
<i>Пусто в голове</i>	<i>Prázdný v mé hlavě</i>	<i>Порожнеча в голові</i>	<i>Mieć pusto w głowie</i>
<i>Иметь длинный язык</i>	<i>Dlouhý jazyk</i>	<i>Довгий язик</i>	<i>Mieć za długi język</i>
<i>Моя хата с краю</i>	<i>Můj dům je na okraji</i>	<i>Хата скраю</i>	<i>Moja chata z kraja</i>

В *частичных эквивалентах* при сохранении целостности семантики могут наблюдаться оттенки в значении, стилистическом звучании или в компонентном составе/структуре фразеологических единиц. Например, о глупом человеке или человеке, который в данный момент времени не способен в силу каких-то причин мыслить связно и логично, говорят: *каша в голове* (рус.); *má v hlavě guláš* (в голове гуляш) (чеш.). В русской картине мира каша входит в перечень традиционных блюд [16], поэтому апеллировать к такому традиционному и привычному метафорическому образу вполне оправданно. В чешской картине мира одним из традиционных национальных блюд является гуляш: поэтому слово, называющее это блюдо, на основании метафорического переноса по внешнему сходству (гуляш – блюдо из разряда густых супов) фигурирует в составе фразеологической единицы. Рассмотренные русский и чешский фразеологизмы – частичные семантические эквиваленты. Аналогичные примеры: *железные нервы* (рус.) и *mieć nerwy jak postronki* (иметь нервы как веревки) (польск.).

Во всех лингвокультурах образ внешне неряшливого человека оценивается негативно. Его передают такие фразеологизмы, как *шут гороховый, пугало огородное* в русском языке, а в чешском языке функционирует контаминированная единица *strašák do zelí* (пугало на поле, засеянном горохом). Это частичные структурные эквиваленты.

Отмечены случаи, когда частичное пересечение строится по принципу семантического включения при наличии структурной аналогии. Так, русские единицы *еще не все потеряно* и *вести себя агрессивно* имеют более общее значение по сравнению с чешскими *ještě není všem dnům konec* (еще не всем дням конец) и *mít ostré lokty* (иметь острые локти). В данном случае можно предположить, что фрагмент чешской языковой картины мира, связанный с выражением оценки восприятия (в случае первого примера) и оценки поведения человека (второй пример) в чешской картине мира, строится в направлении конкретизации смыслов, что вполне соответствует линии спецификации лингвокультурных представлений. Ср.: с *тараканами в голове* (рус.) и *mít švába na mozku* (с тараканами в мозгу) (чеш.); *зверский аппетит* (рус.) и *zjeść konia z kopytami* (съесть лошадь с копытами) (польск.).

Еще пример. О дальних родственниках в русском языке принято говорить *седьмая вода на киселе*. В чешском и польском существуют семантические аналоги *příbuzný z desátého kolena* (родственник с десятого колена) и *dziesiąta woda po kisielu* (десятая вода на киселе) соответственно. Оттенки смысла связаны с семей «количество»: в русской, особенно фольклорной, картине мира цифра 7 символизирует удачу, везенье. Цифра 10 также имеет семантику множественности, однако его символическое значение отличается большей универсальностью («число космоса»). В польском языке выбор числительного вариативен: 10, 9, 5, из чего можно сделать вывод, что семантика конкретного числа здесь менее важна. Употребление лексемы *кисель* в составе русского и польского фразеологизма можно объяснить рецептурной спецификой приготовления этого блюда: закваску для киселя можно было использовать многократно, однако с каждым разом вкусовые свойства продукта становились все больше непохожи на вкус исходного. Перечисленные фразеологизмы, употребляемые в разговорной речи и имеющие шуточный стилистический оттенок, составляют парадигму частичных семантических эквивалентов.

Частичное пресечение значения фразеологизмов из разных языков в большинстве случаев наблюдается при сохранении ими идентичного построения. Так, по одной структурной модели созданы следующие единицы: *ни то, ни се / ни рыба, ни мясо* (рус.), *ni pies, ni wydra* (ни то, ни се) (польск.), *neslaný nemastný* (не соленый, не жирный), *ni Bogu свічка, ni чорту кочерга* (укр.); *попасть на крючок* (рус.), *skočit na špek* (попасть на шпик) (чеш.); *как сыр в масле кататься* (рус.) и *żyć jak pączek w maśle* (жить как пончик в масле: счастливо, в достатке, в роскоши, без забот) (польск.).

С особой частотностью воспроизводится во фразеологическом фонде структурная модель «прил. (качество) + как + сущ. (объект сравнения)»: *сильный как бык* (рус.) – *silny jak tur* (польск.), *седой как лунь* (рус.) – *siwy jak gołąb* (польск.), *отважный как лев* (рус.) – *buć odważnym jak lew* (польск.), *упрямый как осел* (рус.) – *uparty jak osioł* (польск.), *голодный как волк* (рус.) – *hladový jako vlk* (чеш.), *красный как рак* (рус.) – *červený jako krocán* (красный как индюк) (чеш.), *верный как пес* (рус.) – *wierny jak pies* (польск.).

В структурной модели фразеологизмов, образующих корреляции на основании семантического пересечения, общий компонент может иметь одинаковую частеречную выраженность: *кричать во все горло* (рус.) – *křičet jako na horách* (кричать как в горах) (чеш.), *льет как из ведра* (рус.) – *lije jako z konve* (льет как из лейки) (чеш.), *моя вторая половина* (рус.) – *moje lepší polovička* (моя лучшая половина) (чеш.), *стоять как истукан* (рус.) – *stát někde jako špatně vyřezaný svatý* (стоять как плохо вырезанный святой) (чеш.), *вор у вора дубинку украл* (рус.) – *zloděj okradl zloděje* (вор украл у вора) (чеш.), *знать что-то как свои пять пальцев* (рус.) – *znát něco jako své boty* (знать что-то как свои ботинки) (чеш.), *делать из мухи слона* (рус.) – *dělat z komára velblouda* (делать из комара верблюда) (чеш.), *как баран на новые ворота* (рус.) – *як теля / цап* (козел) *на нові ворота* (укр.).

Встречаются случаи частичного семантического пересечения на уровне несовпадения компонентов стилистической окраски. Например, о сироте, ребенке, чужом в собственной семье, или о человеке, который не поддерживает связь с семьей, ушел из дома, русские говорят *отрезанный ломоть* (к хлебу не пристанет). Этот фразеологизм имеет разговорную стилистическую окраску и негативную коннотацию. Чешский вариант соответствует по смыслу, но не несет негативной коннотации: *postavit se na vlastní nohy*.

Судя по результатам анализа эмпирического материала, частичные семантические эквиваленты количественно доминируют, при этом между фразеологическими единицами устанавливается сходство по структуре (созданы по одной структурной модели) и пересечение по смыслу.

Варианты в оценочной интерпретации человека в русской, чешской, украинской и польской лингвокультурах обуславливаются их национальной спецификой. Значение здесь могут иметь как собственно языковые факторы, так и внелингвистические (культурные, исторические предпосылки и пр.). В данном случае фразеологические единицы не являются эквивалентными. Например, широко представленные в каждой лингвокультуре представления о какой-то черте характера, особенности

восприятия или поведения человека отражают фразеологизмы с отрицательной оценкой, однако в разных языках лежащий в основе номинации образ специфичен:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
У него зимой снега не выпросишь	Počítá i hrách do hrnku (считает горох в кружке)	Здере з живого й мертвого (возьмет денег и с живого, и с мертвого)	Ma węża w kieszeni (у него змея в кармане)
Когда рак на горе свистнет	Až přijde žid z routi (когда еврей с паломничества вернется)	На Рахманський великдень (на рахманскую пасху)	Na święty nigdy (на святого никогда)
Сесть в лужу	Být v řeži (быть в рисе)	Сісти в калюжу	Strzelić byka (подстрелить быка)
Дурака учить – что мертвого лечить, дурак дураком	Není s hloupým člověkem žádná rozumná řeč (с глупым человеком нет разговора)	дурний як сало без хліба	ciemny jak tabaka w rogu (темный как табак в углу)
Нестись, как будто за тобой гонятся	Jet jako když to ukrad (ехать так, как будто что-то украл)	Бігти як божевільний (бежать как сумасшедший)	Biegać jakby ktoś kogoś gonił pobiec ile sił w nogach (бежать, сколько есть сил в ногах)

Аналогична ситуация с фразеологизмами, в значении которых присутствуют положительные компоненты:

Русский	Чешский	Украинский	Польский
Делать что-то изо всех сил	Na plnej knedlík (на полный кнедлики)	Скільки духу вистачить з усього духу	Pełną parą (полным паром)
В нем проснулась совесть	Ozval se v něm člověk (в нем заговорил человек)	У ньому заговорила/прокинулася совість	Wyszedł na ludzi
Выручить из беды	Vytrhnout trn z rasy (вытащить занозу из пятки)	Стати у пригоді	Wyciągnąć rękę/dłoń (протянуть руку)

Образ, лежащий в основе фразеологической единицы, имеет социокультурную обусловленность. Истоки его формирования необходимо искать в истории, культуре, философии, этике и эстетике. Приведем пример. Хорошего человека на Руси издавна сравнивали с золотом: *золотой человек*, *золотое сердце*, *золотые руки*. Подобные представления имеют мифологическую трактовку, являются архетипичными: золото отличается красотой, благородством и высокой стоимостью, а потому символизирует изобилие и богатство, удачу, счастливую судьбу. У чехов объектом сравнения выступают продукты, дающие силу для жизни, – *хлеб*, *масло* (пищевой код культуры): *je dobrý jako*

chleb; ten by se mohl mazat na chleba. В польской лингвокультуре, говоря о ком-то исключительно хорошем, дружелюбном, преданном, заслуживающем доверия, говорят: *do rany przyłóż* (к ране приложи), *gołębie serce* (голубиное сердце). Голубь у славян издревле считался символом нежности, искренности, вечной любви [17]. Украинцы открытого, душевного человека называют *душа навстіж, широка душа, щира душа* (соматический код культуры).

Варьирование может касаться также семантики фразеологизма при совпадении или частичном совпадении структурной схемы и внутренней формы. Так, в русском языке фразеологизм *у него длинные руки* означает «он влиятельный человек, он везде тебя достанет», в польском *ma długie ręce* это значение присутствует, возможно, под влиянием русского, но в качестве первого отмечается «он вор, нечист на руку». *Обвести вокруг пальца* (рус.) – ‘обмануть’, в польском *określić kogoś wokół malego palca* – ‘подчинить своему влиянию’. В чешском *počítá i hrách do hrnku* скажут о скупом человеке, а русское выражение *считает каждую копейку* описывает крайнюю бедность. В русском «пригодиться» – это принести какую-либо выгоду, в украинском *стати у пригоді* может иметь значение ‘прийти на помощь, выручить’, то есть подразумевает совершение активного действия со стороны человека. Фразеологизмы *выйти в люди* (рус.) и *wyjść na ludzi* (пол.) означают ‘стать достойным человеком’, но в русском языке это подразумевает достижение какого-либо социального статуса, тогда как в польском есть значение ‘подняться после морального падения’. Наибольшее количество расхождений в семантике подобных по структуре фразеологизмов было отмечено именно для польского языка.

Различия в семантике могут быть незначительны, но при этом оказывать влияние на сочетаемость фразеологической единицы. Например, русская идиома *во весь дух* сочетается с глаголами движения: *мчаться во весь дух*, в украинском – также с глаголом *битися* (драться, сражаться).

Интересным примером семантического варьирования может служить идиома *белая ворона*, которая в русском и украинском (*біла ворона*) языке обозначает человека, выделяющегося из своего окружения. В польском языке есть похожий фразеологизм *biały kruk* (белый ворон), но с совершенно иным значением: ‘редкая вещь, обычно о книгах’. А в чешском *bilá vrána* может означать и редкую вещь, и необычного человека. Таким образом, расхождения в семантике фразеологизмов при общности внутренней формы могут объясняться развитием или распадом полисемии.

Заключение

Анализ материала продемонстрировал количественное преобладание универсальных эквивалентных фразеологизмов над вариантными, что свидетельствует о том, что фрагмент национальной картины мира, репрезентированный во фразеологической системе славянских языков, во многом инвариантен, фрагменты фразеологической картины мира славянских языков имеют устойчивое инвариантное ядро. Наличие эквивалентных фразеологических единиц в славянских языках также может объясняться взаимодействием языков и общим культурным влиянием (христианским, латинским, западноевропейским). Количественно преобладают случаи присутствия в славянских лингвокультурах универсальных оценочных представлений о человеке, которые характеризуются отношениями частичного семантического пересечения. Возникновение частичных эквивалентов во фразеологических национальных картинах мира можно объяснить тенденцией к национальной спецификации, обретению национальной идентичности посредством закрепления национально обусловленных представлений в национальном языке, различиями в деталях культуры и быта. Имеющиеся в семантике фразеологизмов черты национальной специфики определяются в первую очередь культурными особенностями, наиболее четко проявляющимися в аспекте диахронного среза.

Список литературы

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. 284 с.
2. Телия В. Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 143 с.
3. Зуева Т. В. Модель анализа фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте // Уральский филол. вестник. 2012. № 5. С. 28–34.
4. Ковшова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 115–121.
5. Ратушная Е. Р. Антропонимизирующая парадигма русской фразеологии (Семантика, формирование, функционирование): дис. ... д-ра филол. наук. Курган, 2001. 417 с.
6. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 49 с.
7. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc. 2002. 659 s.

8. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Praha: Academia. 1983. 496 s.
9. Русско-чешский фразеологический словарь. URL: <http://runas.cz/> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Чешские идиомы. URL: <https://www.rupoint.cz/cheshskie-idiomy/> (дата обращения: 20.10.2021).
11. Fliciński P. Współczesny słownik frazeologiczny. URL: [https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/25561/1/Piotr Fliciński_Współczesny_słownik_frazeologiczny_author's version.pdf](https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/25561/1/Piotr_Fliciński_Współczesny_słownik_frazeologiczny_author's_version.pdf) (дата обращения: 20.10.2021).
12. Словник фразеологізмів української мови. Київ: Наукова думка, 2003. 1096 с.
13. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
14. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. М.: Азбука-классика, 2005.
15. Мокиенко В. М. Почему так говорят. От Авось до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт, 2006.
16. Краткая энциклопедия символов (Peter Greif's symbolarium). URL: <http://www.symbolarium.ru.> (дата обращения: 20.10.2021).
17. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Харьков: Фолио, 2013. 798 с.
18. Просвирнина И. С. О современных методах сопоставительного лингвокультурологического анализа. Cross Cultural Studies: Education and Science. Т. 3, вып. 111. 2018. С. 156–162.
19. Скворцова Е. В. Несимметричность положительных и отрицательных оценок в языке и при его функционировании в речи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 342–347.
20. Кронгауз М. Потребность в отрицательной оценке у нас больше, чем в положительной // Московский книжный журнал. URL: <https://zen.yandex.ru/media/morebo/maksim-krongauz-potrebnost-v-otricatelnoi-ocenke-u-nas-bolshe-chem-v-polozhitelnoi-604a72f053bd6e5e97868a72> (дата обращения: 20.10.2021).

References

1. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996. 284 p. (in Russian).
2. Teliya V. N. *Chto takoye frazeologiya* [What is phraseology]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 143 p. (in Russian).
3. Zuyeva T. V. Model' analiza frazeologicheskikh edinit v lingvokul'turologicheskom aspekte [Model for the Analysis of Phraseological Units in the Linguocultural Aspect]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik – Ural Journal of Philology*, 2012, no. 5, pp. 28–34 (in Russian).
4. Kovshova M. L. Sopotavitel'nyy analiz frazeologizmov: lingvokul'turologicheskij podkhod [Comparative analysis of phraseological units: linguoculturological approach]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2014, no. 4 (38), pp. 115–121 (in Russian).
5. Ratushnaya E. R. *Antroponimiruyushchaya paradigma russkoy frazeologii (Semantika, formirovaniye, funktsionirovaniye)*. Diss. dokt. filol. nauk [The anthroponomic paradigm of Russian phraseology: (semantics, formation, functioning). Diss. doct. philol. sci.]. Kurgan, 2001. 417 p. (in Russian).
6. Kovshova M. L. *Semantika i pragmatika frazeologizmov: lingvokul'turologicheskij aspekt*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Semantics and pragmatics of phraseological units: linguoculturological aspect. Abstract of thesis doct. philol. sci.]. Moscow, 2009. 49 p. (in Russian).
7. Mokiyenko V., Wurm A. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc. 2002. 659 p.
8. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha, Academia Publ., 1983. 496 p.
9. *Russko-cheshskiy (onlayn) frazeologicheskij slovar'* [Russian-Czech phraseological dictionary] (in Russian). URL: <http://runas.cz/> (accessed 20 October 2021).
10. *Cheshskie idiomy* (in Russian). URL: <https://www.rupoint.cz/cheshskie-idiomy/> (accessed 20 October 2021).
11. Fliciński P. *Współczesny słownik frazeologiczny*. URL: [https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/25561/1/Piotr Fliciński_Współczesny_słownik_frazeologiczny_author's version.pdf](https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/25561/1/Piotr_Fliciński_Współczesny_słownik_frazeologiczny_author's_version.pdf) (accessed 20 October 2021).
12. *Slovník frazeologizmiv ukrains'koi movy* [Dictionary of phraseological units of the Ukrainian language]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2003. 1096 p. (in Ukrainian).
13. Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow, Astrel' Publ., AST: Lyuks Publ., 2005 (in Russian).
14. Mokiyenko V. M. *V glub' pogovorki* [Into the depths of proverbs]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2005 (in Russian).
15. Mokiyenko V. M. *Pochemu tak govoryat. Ot Avosya do Yatya: Istoriko-etimologicheskij spravochnik po russkoy frazeologii* [Why they say so. From Avos' to Yat': Historical and etymological guide to Russian phraseology]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2006 (in Russian).
16. *Kratkaya entsiklopediya simvolov (Peter Greif's symbolarium)* [A short encyclopedia of symbols (Peter Greif's symbolarium)] (in Russian). URL: <http://www.symbolarium.ru.> (accessed 20 October 2021).

17. *Entsiklopediya slavyanskoy kul'tury, pis'mennosti i mifologii* [Encyclopedia of Slavic culture, literature and mythology]. Kharkov, Folio Publ., 2013. 798 p. (in Russian).
18. Prosvirina I. S. O sovremennykh metodakh sopostavitel'nogo lingvokul'turologicheskogo analiza [On modern methods of comparative linguacultural analysis]. *Cross Cultural Studies: Education and Science*, 2018, vol. 3. issue 111, pp. 156–162 (in Russian).
19. Skvortsova E. V. Nesimmetrichnost' polozhitel'nykh i otritsatel'nykh otsenok v yazyke i pri ego funktsionirovanii v rechi [The asymmetry of positive and negative evaluations in language and in its functioning in speech]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki – Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*, 2014, no. 1, pp. 342–347 (in Russian).
20. Krongauz M. Potrebnost' v otritsatel'noy otsenke u nas bol'she, chem v polozhitel'noy [We have more need for a negative assessment than for a positive one]. *Moskovskiy knizhnyy zhurnal – The Moscow Review of Books* (in Russian). URL: <https://zen.yandex.ru/media/morebo/maksim-krongauz-potrebnost-v-otricatelnoi-ocenke-u-nas-bolshe-chem-v-polojitelnoi-604a72f053bd6e5e97868a72> (accessed 20 October 2021).

Информация об авторах

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Томская область, Россия, 634061).

Л. В. Дубина, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

A. V. Kuryanovich, Doctor of Philological Sciences, Head of the department, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

L. V. Dubina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 07.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 07.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

УДК 81-119
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-93-101>

АНАЛИЗ ДИАЛОГА В ПЬЕСЕ Г. ПИНТЕРА «LAST TO GO» В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Го Чуньянь

Цзилиньский педагогический университет, Сыпин, Китай, valyaguo@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки вопросов структурирования диалогового речевого произведения с позиций лингвистики текста, проблематика которой сконцентрирована вокруг изучения правил когезии (связности) составляющих в структурной организации текстов. Новизна исследования состоит в обосновании выделения такой единицы связного диалогического текста (речь идет о художественной сфере коммуникации), как «фрагмент диалога».

Цель – аргументировать целесообразность выделения единицы связной диалогической речи «фрагмент диалога», проиллюстрировать на конкретном текстовом материале.

Материал и методы. Материалом исследования выступает пьеса Г. Пинтера «Last to go» – образец малой драматургической формы. Диалоговая речь анализируется в аспекте членимости на фрагменты диалога в соответствии с выделенными критериями. Методологическую базу составляет совокупность методов изучения: научное описание, текстологический, контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение. Доказывается, что фрагмент диалога как единица связной диалогической речи является надсегментной по отношению к ранее выделенным традиционным диалогическим единицам (реплике, диалогическому единству). В качестве критериев ее выделения формулируются структурно-семантическое и коммуникативно-функциональное основания, позволяющие в границы выделенной диалогической единицы включать метакомментарии автора (авторские ремарки), содержательно соотносимые с темой речи. Реплика, диалогическое единство и фрагмент диалога составляют трехуровневую систему диалогического дискурса от субсегментного (реплика), сегментного (диалогическое единство) до надсегментного (фрагмент диалога). Отмечено, что реплика, диалогическое единство и фрагмент диалога являются как строительной, так и коммуникативной единицей дискурса. В последнем случае во фрагменте диалога можно выделить определенные структурные составляющие. Исходя из особенностей диалога в литературных произведениях, фрагменты диалога в литературных произведениях включают предисловие, структурную комбинацию речей персонажей в литературном дискурсе и ремарку, комментирующую особенности речевой деятельности персонажей, и окончание коммуникативных действий.

Заключение. Выдвижение концепции «фрагмент диалога» расширяет сферу исследования диалогического текста и формирует теоретическую основу для определения единиц диалогового дискурса с коммуникативных позиций.

Ключевые слова: реплика, диалогическое единство, фрагмент диалога, диалогический текст, лингвистика текста, Гарольд Пинтер

Для цитирования: Го Чуньянь. Анализ диалога в пьесе Г. Пинтера «Last to go» в аспекте лингвистики текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 93–101. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-93-101>

Original article

ANALYSIS OF THE DIALOGUE IN THE PLAY OF PINTER “LAST TO GO” IN THE ASPECT OF TEXT LINGUISTICS

Guo Chunyan

Jilin Normal university, Siping, China, valyaguo@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the need for further development of the issues of structuring a conversational speech work from the standpoint of text linguistics, the problems of which are concentrated around the study of the rules of cohesion (connectivity) of components in the structural organization of

texts. The novelty of the research lies in the substantiation of the selection of such a unit of coherent dialogical text (we are talking about the artistic sphere of communication) as a “fragment of dialogue”.

Material and methods. The material of the study is the play by G. Pinter “Last to Go” – a sample of a small dramatic form. Dialogue is analyzed in the aspect of the segment of the dialog fragments in accordance with the selected criteria. The methodological base is a set of research methods: a scientific description, textual, contextual analysis.

Results and discussion. It is proved that a fragment of a dialogue as a unit of coherent dialogical speech is supra-segment in relation to the previously identified traditional dialogical units (utterance, dialogic unity). As criteria for its identification, structural-semantic and communicative-functional grounds are formulated, which allow the author’s meta-comments (author’s remarks), meaningfully correlated with the topic of speech, to be included in the boundaries of the selected dialogical unit. An utterance, a dialogical unity and a fragment of a dialogue constitute a three-level system of dialogical discourse from subsegment (utterance), segment (dialogical unity) to supra-segment (dialogue fragment). The utterance, the dialogic unity and the dialog fragment are both a construction and communicative unit of discourse. In the latter case, certain structural components can be distinguished in a fragment of the dialogue. Based on the features of the dialogue in literary works, the fragments of the dialogue in literary works include the preface, a structural combination of speeches of characters in the literary discourse and remark, commenting on the characteristics of the characters’ speech activity, and the end of communicative actions.

Conclusion. Putting forward the concept of “fragment of dialogue” expands the scope of research of dialogical text and forms a theoretical basis for defining units of dialogue discourse from a communicative perspective.

Keywords: *utterance, dialogical unity, dialogue fragment, dialogic text, text linguistics, Harold Pinter*

For citation: Guo Chunyan. Analiz dialoga v p’yese G. Pintera “Last to Go” v aspekte lingvistiki teksta [Analysis of the Dialogue in the Play of Pinter “Last to Go” in the Aspect of Text Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 93–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-93-101>

Введение

Философия диалоговой коммуникации впервые нашла свое системное обоснование в трудах М. М. Бахтина. Идеи ученого о диалогичности сознания, особым образом эксплицирующейся в формах художественного творчества, оказали мощное воздействие на формирование эстетического и научного мышления XX в. Понимание межличностного взаимодействия как способа сосуществования в пространстве полифонической интеракции опирается на тезис «жить – значит участвовать в диалоге» [1, с. 428–473].

Обычно понятие диалога связывается с устной речью, большей частью повседневной, а также художественной (драматургической и разговором персонажей – в прозаической). Диалогичность – это выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения [2, с. 9]. Диалогичность письменной речи – это выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога. При этом понятие адресованности, обращенности включается в более широкое понятие диалогической речи, а диалогизация лишь как стилистический прием (Л. В. Славгородская, Э. В. Чепкина) отличается от понятия диалогичности.

Диалогичность – это проявление социальной сущности языка, реализуемое в коммуникации, единственная форма существования языка в про-

цессе общения, хотя традиционно диалог считается одной из форм существования языка. Л. В. Щерба одним из первых назвал диалог основной формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [3, с. 4]. Диалог пронизывает и мышление, которое тоже социально и диалогично. Специфика диалогических отношений состоит в том, что они включают в себя и логические, и лингвистические, и психологические отношения. Это особый, сложный тип отношений, когда за каждой репликой стоят самостоятельные языковые личности. Поэтому главное в диалоге это даже не диалог позиций, как считал М. Бахтин, а диалог языковых личностей во всем их многообразии, включая социальные роли. Читатель, воспринимая текст, вступает с ним в диалог и налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое.

Выражение диалогичности чрезвычайно многообразно как по своим разновидностям, так и по степени ее эксплицированности в тексте. Установлены формы (способы) выражения диалогичности, основными из которых являются: 1) «разговор» с другим упоминаемым лицом(цами), идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками; 2) сопоставление (или столкновение) двух и более различных точек зрения, которые обычно в процессе анализа оцениваются автором; 3) «разговор» с читателем, приглашение его к сомышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи; 4) «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я» (представленным в тексте как диалог-самоанализ, самоконтроль

или – проще – диалог разных логик с целью проверки доказательства). Лингвистическое выражение первой и второй форм диалогичности осуществляется через использование чужой речи: прямой речи в виде цитации и косвенной, третья форма реализуется разного рода императивными формами и обращением ко второму лицу, а также в виде прямых вопросов, активизирующих внимание читателя. Четвертая форма диалогичности непосредственно связана с рассуждением как типом речи и реализуется в научных текстах помимо вопросительных предложений (в том числе риторических вопросов) употреблением вводных слов, подчеркивающих ход рассуждения, вставных конструкций и, конечно, использованием в этих целях структурных возможностей предложения.

Художественный текст во многом отображает модель определенной коммуникативной ситуации, и для его организации важным является соотношение «автор (повествователь) – адресат (читатель)». Условия данной коммуникации формируют внутреннюю диалогичность текста и в значительной степени определяют особенности стилиевой манеры автора или языка конкретного художественного произведения. Для выражения коммуникативных отношений в лирическом тексте используются различные средства: глаголы первого и второго лица, вводные конструкции, риторические вопросы, формы повелительного наклонения, обращения и местоимения. Помимо указанных, средствами выражения диалогичности являются элементы, намеренно акцентируемые автором в силу их особой значимости в процессе адекватного понимания замысла текста читателем. К таким средствам диалогичности относят различные виды интертекстов, включенных автором в структуру произведения: цитаты, аллюзии. В рамках внутритекстовой диалогичности – околотекстовые элементы (заглавие, подзаголовки, эпиграфы, предисловие, посвящения, завершающий и внутритекстовые комментарии) [4, с. 8].

Таким образом, диалогичность – фундаментальное свойство любого текста, в том числе и художественного. Всякий монолог – это частный случай диалога, ибо сам монолог – это искусственное образование, весьма условно выделенное, это как бы одна большая реплика в речевом взаимодействии. Как бы ни было значительно по размерам и законченности высказывание, оно лишь момент непрерывного речевого общения и производится с установкой на восприятие. Предполагаемой диалогичности (коммуникативности) не лишена и отдельно взятая языковая единица, и система языка в целом.

Вся речь, все мышление с самого начала были диалогичными. Поэтому можно сказать, что человек обладает некоторой диалогической компетен-

цией, которая позволяет ему участвовать в создании диалогов. Диалогическая ориентация позволяет изучать личность в пространстве коммуникации, межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой. В контексте диалога личность предстает как «полифония голосов», обретающая существование в непрерывном диалоге.

В лингвистике текста (И. Б. Арнольд, В. Б. Апухтина, И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина, Г. В. Колшанский, О. И. Москальская, В. В. Одинцов, И. П. Распопов и др.) понимание диалоговой коммуникации базируется на ее толковании в качестве способа организации текстового пространства, репрезентирующего диалоговое взаимодействие участников коммуникации. Ключевой категорией, рассматриваемой в рамках проблемного поля лингвистики текста, выступает категория когезии (связности текста) [5]. В широком смысле диалог – это выраженные эксплицитно-имплицитные содержательные связи и векторы межличностных отношений, создающие интерпретационный контекст общения. В узком смысле диалог – форма организации текста, предполагающая наличие вопросно-ответных реплик, высказываний персонажей. Актуальной задачей в изучении диалогового дискурса в современной лингвистике текста является проблема определения границ диалоговой единицы – того значимого отрезка диалогической речи, который составляет, с одной стороны, интерпретативный «минимум», с другой – позволяет осуществлять декодирование смыслов текста целиком. Помимо этого, данный отрезок речи может рассматриваться в качестве исследовательской единицы.

Диалогический текст как лингвистическая единица и речевой продукт является формой речи, в которой два или более человека напрямую общаются. Диалог – это особый тип текста, который существует в коммуникативной деятельности. В коммуникативной деятельности слушающий не пассивно понимает полученную информацию, но также является активным участником общения, как и говорящий. Выдвижение концепции фрагмента диалога расширяет исследовательские аспекты диалогового текста и обеспечивает теоретическую основу для определения единицы диалогового дискурса в рамках лингвистики текста, ориентирующей сегодня на рассмотрение текстовых категорий с учетом дискурсивного характера современной лингвистической парадигмы [6, 7].

Материал и методы

Объектом исследования в данной статье являются естественные разговорные диалоги и тексты диалога в литературных произведениях. Эмпирическим материалом выступает драма Гарольда

Пинтера «Last to go». Единица анализа – фрагмент диалога в рамках драматического произведения, дифференцируемый на основании комплекса структурно-семантических и функционально-коммуникативных свойств, позволяющий исследователю осуществлять исследование целого текста. Методологическую базу исследования составляют следующие методы и приемы: научное описание, текстологический, контекстуальный, семантический, функционально-коммуникативный анализ.

Результаты и обсуждение

Наша концепция диалогового фрагментирования как способа членения диалогового литературного текста с учетом коммуникативного критерия основывается на достижениях и наработках ученых в области теории диалога (Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского и др.). В России знаменитый академик Л. В. Щерба впервые описал диалог как особый синтаксический феномен [3, с. 37]. Ученый в своих работах неоднократно подчеркивал, что характерной чертой диалога можно считать взаимодействие двух сторон в условиях определенного коммуникативного события: словесный ответ обеих сторон является в ряде случаев спонтанным, а изменение хода диалога зависит как от среды общения, так и от коммуникативного контекста. Известный лингвист, профессор Л. П. Якубинский отмечал, что диалог является особым видом речевого феномена, подлежащим изучению в аспекте проблематики социолингвистики и психолингвистики. Ученый писал о естественном характере диалога в отличие от искусственного монолога [8]. Родоначальник теории диалога (в широком смысле слова) М. М. Бахтин писал о том, что диалогизмом проникнуто межличностное взаимодействие во всех сферах коммуникации: «Всякое высказывание – звено в цепи речевого общения» [1, с. 454].

Мы полагаем, что диалог предполагает как минимум участие двух говорящих. Диалоговое взаимодействие чрезвычайно динамично: роли говорящего и слушающего постоянно переключаются между собой, речь, знание и выражение двух сторон синхронизируются. Внеязыковые средства, такие как выражение лица и жесты, имеют большое значение в диалоге, контекст может измениться в любое время в ходе диалога. Диалог – это форма, в которой два или более субъекта позитивно взаимодействуют друг с другом, а его материальный результат представляет особую дискурсивную структуру, состоящую из последовательных реплик участников.

Текст диалога делится на многоуровневые структурно-семантические блоки, дифференцируе-

мые на основании коммуникативно-прагматического критерия. При определении единиц диалогического текста предлагается новая единица, более пространная, чем диалогическое единство – *фрагмент диалога*, который является строительным элементом более высокого уровня текста диалога. Поэтому в соответствии с коммуникативно-семантической функцией диалога мы выделяем в его структуре составляющие трех категорий: (1) минимальная единица – реплика; (2) базовая единица – диалогическое единство; (3) расширенная единица – фрагмент диалога. Следовательно, реплика, диалогическое единство и фрагмент диалога составляют трехуровневую систему диалогового дискурса в зависимости от степени структурного выделения.

Выдвижение концепции «фрагмент диалога» расширяет исследовательское мышление диалогового дискурса, обеспечивает новую перспективу для его изучения и обеспечивает теоретическую основу для определения единицы диалогового дискурса (особенно диалога в литературных произведениях).

Теоретическую концепцию относительно выделения в качестве диалоговой единицы *реплики* выдвинул западный ученый Н. Sacks [9, с. 696–735], но он не представил четкого определения дефиниции. По нашему мнению, реплика – это всякое высказывание (речевая единица коррелирует с предложением – языковой единицей), продуцируемое участниками в определенный период времени. Средствами его выражения могут быть различные языковые единицы, такие как слова, фразы, предложения, предложения и комбинации предложений. Все эти средства реализуют в первую очередь коммуникативную функцию. Средства языковой репрезентации реплик могут быть дополнены невербальными (паузой, жестовыми и пр.) символами. По обыкновению окончание хода разговора отмечается молчанием или начальной репликой другой стороны.

Диалог – процесс, в разворачивании которого участвуют оба участника, при этом в разговоре они постоянно меняются активной позицией. Изменение хода является чрезвычайно сложным навыком и одной из коммуникативных способностей. Если коммуниканту не хватает этой способности, независимо от того, насколько широк у него словарный запас, и независимо от того, насколько сильна его способность создавать слова и предложения, он не сможет успешно общаться в режиме переключения диалоговых регистров.

Вопрос о том, что представляет собой *диалогическое единство* как составляющая диалогового дискурса, интерпретировался по-разному в разное время.

В состав синонимических терминов входят «диалогическое единство», «диалогическая пара», «диада», «смежная пара», «разговорная последовательность». Еще в 1950-х и 1960-х гг., со структурно-прагматической точки зрения, диалогическое единство рассматривалось как сочетание реплики-стимула и реплики-реакции в соответствии с определенными синтаксическими правилами. Н. Ю. Шведова утверждает, что диалог – это чередование взаимно ограничительных предложений в разговоре. Она употребляет термины «диалогическое единство» [10, с. 68–69] и «единое синтаксическое целое». Ученый обосновывает дефиницию «диалогическое единство» в качестве обозначения единицы диалога, акцентируя при этом тезис: «Взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность смысловая и – в определенных случаях – структурно-языковая». Этот подход в теории диалога становится основополагающим на долгие годы [11, с. 280].

Н. С. Валгина в «Современном русском синтаксисе» и «Русской грамматике» предпринимает попытки определить диалогическое единство с точки зрения составляющей синтаксической структуры, как «структурно-грамматическую единицу», «сцепление реплик», «в которых вторая реплика по своему строению опирается на первую, грамматически зависит от нее» [12, с. 119].

Вплоть до начала XXI в. под диалектическим единством понималась комплексная семантико-грамматическая единица, вычленяемая на основе контекстуального критерия, включающая вопросный и ответный ходы собеседников.

Диалогический текст (дискурс) включает в себя как устные, так и письменные диалоги. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть специфику структурной дифференциации литературного диалогического дискурса. Диалоги в литературных произведениях отличаются от диалогов, функционирующих в естественной устной коммуникации, своими функциональными характеристиками. Ключевое отличие диалога как части художественного текстового пространства от повседневных разговорных диалогов заключается в том, что в диалог персонажей в литературных произведениях в ряде случаев «вклинивается» частичное описание сценария автора (ремарка). Чаще всего это наблюдается при характеристике персонажей. В некоторых случаях реплики диалога некоторых персонажей завершаются пересказом автора. Очевидно, что структура описанной выше ситуации – это не диалог персонажей в произведении в чистом виде.

Тем не менее обозначенные факторы имеют решающее значение для понимания ситуации реали-

зации диалогового поведения героев в художественном тексте. Насколько строго следует выделять и дифференцировать единицы диалога в литературном произведении? Относятся ли сопровождающие реплику персонажа слова автора к диалоговой единице? Является ли диалогическим единством разговор персонажей, сопровождаемый авторскими ремарками? Решение этой задачи видится очень важным для изучения диалогических текстов. Кроме того, возникает и требует решения вопрос относительно ситуации, когда в одном диалоговом единстве, состоящем из двух или нескольких частей, наблюдается смена темы разговора. В этом случае это означает конец предыдущего диалогового единства или начало следующего? К какой единице принадлежит такая диалоговая форма, состоящая из двух или более диалоговых единств? Есть ли для них единое наименование?

Необходимость поиска решений обозначенных спорных ситуаций обуславливает актуальность вопроса о выделении в диалогическом тексте единицы, более структурно и семантически пространной, чем диалогическое единство, и обосновании этого выделения.

С учетом описанных выше ситуаций мы предлагаем ввести в научный оборот новую единицу диалогической речи – *диалогический фрагмент*. С одной стороны, с точки зрения структурной формы, диалогический фрагмент является высокоуровневой единицей построения текста диалога и отличается от диалогического единства более свободной денотативной соотносительностью. В основе диалогического фрагмента может развиваться не одна, а несколько тематических линий, в то время как в случае с диалогическим единством при смене темы отмечается начало нового диалогического единства.

Такой подход в понимании диалогического фрагмента в особой степени эффективен для работы с художественным (драматическим) произведением. Следовательно, можно предположить, что в естественных разговорных текстах диалога фрагмент диалога состоит из двух или более диалогических единств.

Диалогический фрагмент бывает двух видов. Один из них – это фрагмент диалога в естественном диалогическом дискурсе, включающий два или более диалогических единств. Другой из них является фрагментом диалога в литературных произведениях, состав которого оказывается сложнее. Исходя из специфики фрагмента диалога в литературных произведениях, его состав можно описать следующим образом: исходная часть диалога, содержащая коммуникативную ситуацию и условия

участников диалога; актуальная часть диалога: реплики персонажей в произведениях и поле коммуникации; конец коммуникативного поведения (необязательная, в ряде случаев может отсутствовать).

Перейдем к анализу эмпирического материала. Пьеса английского драматурга Гарольда Пинтера «Last to go» [13, с. 233–236] написана в 1959 г. Сам автор определил ее жанр как «скетч», т. е. одноактную пьесу комедийного содержания с небольшим количеством действующих лиц. Именно такой формат текста и обусловил его выбор в качестве эмпирической базы исследования. Заметим, что произведения англоязычной литературы уже не раз становились объектом анализа в лингвистике текста [4, 14, 15].

По соответствию характеристике диалогического фрагмента в литературных произведениях пьеса «Last to go» считается типичным образцом фрагмента диалога. Приведем примеры:

- (1) *A coffee stall.*
- (2) *A BARMAN and an old NEWSPAPER SELLER.*
- (3) *The BARMAN leans on his counter, the OLD MAN stands with tea.*
- (4) *Silence.*
- (5) *MAN: You was a bit busier earlier.*
- (6) *BARMAN: Ah.*
- (7) *MAN: Round **about ten**.*
- (8) *BARMAN: **Ten**, was it?*
- (9) *MAN: **About then**.*
- (10) *Pause.*
- (11) *I passed by here **about then**.
BARMAN: Oh yes?*
- (13) *MAN: I noticed you were doing a bit of trade.*
- (14) *Pause.*
- (15) *BARMAN: Yes, trade was very brisk here about ten.*
- (16) *MAN: Yes, I noticed.*
- (17) *Pause.*
- (18) *I sold my last one about then. Yes. About nine forty-five.*
- (19) *BARMAN: Sold your last then, did you?*
- (20) *MAN: Yes, my last 'Evening News' it was. Went about twenty to ten.*
- (21) *Pause.*
- (22) *BARMAN: 'Evening News', was it?*
- (23) *MAN: Yes.*
- (24) *Pause.*
- (25) *Sometimes it's the 'Star' is the last to go.*
- (26) *BARMAN: Ah.*
- (27) *MAN: Or the . . . whatsisname.*
- (28) *BARMAN: 'Standard'.*

- (29) *MAN: Yes.*
- (30) *Pause.*
- (31) *All I had left tonight was the 'Evening News'.*
- (32) *Pause.*
- (33) *BARMAN: Then that went, did it?*
- (34) *MAN: Yes.*
- (35) *Pause.*
- (36) *Like a shot.*
- (37) *Pause.*
- (38) *BARMAN: You didn't have any left, eh?*
- (39) *MAN: No. Not after I sold that one.*
- (40) *Pause.*
- (41) *BARMAN: It was after that you must have come by here then, was it?*
- (42) *MAN: Yes, I come by here after that, see, after I packed up.*
- (43) *BARMAN: You didn't stop here though, did you?*
- (44) *MAN: When?*
- (45) *BARMAN: I mean, you didn't stop here and have a cup of tea then, did you?*
- (46) *MAN: What, **about ten**?*
- (47) *BARMAN: Yes.*
- (48) *MAN: No, I went up to Victoria.*
- (49) *BARMAN: No, I thought I didn't see you.*
- (50) *MAN: I had to go up to Victoria.*
- (51) *Pause.*
- (52) *BARMAN: Yes, trade was very brisk here about then.*
- (53) *Pause.*
- (54) *MAN: I went to see if I could get hold of George.*
- (55) *BARMAN: Who?*
- (56) *MAN: George.*
- (57) *Pause.*
- (58) *BARMAN: **George** who?*
- (59) *MAN: **George** . . . whatsisname.*
- (60) *BARMAN: Oh.*
- (61) *Pause.*
- (62) *Did you **get hold of him**?*
- (63) *MAN: No. No, I couldn't **get hold of him**. I couldn't locate him.*
- (64) *BARMAN: He's not about much now, is he?*
- (65) *Pause.*
- (66) *MAN: When did you last see him then?*
- (67) *BARMAN: Oh, I haven't seen him for years.*
- (68) *MAN: No, nor me.*
- (69) *Pause.*
- (70) *BARMAN: Used to suffer very bad from **arthritis**.*
- (71) *MAN: **Arthritis**?*
- (72) *BARMAN: Yes.*

(73) MAN: He never **suffered** from **arthritis**.

(74) BARMAN: **Suffered** very bad.

(75) Pause.

(76) MAN: Not when I knew him.

(77) Pause.

(78) BARMAN: I think **he must have left the area**.

(79) Pause.

(80) MAN: Yes, it was the '**Evening News**' was the last to go tonight.

(81) BARMAN: Not always the last though, is it, though?

(82) MAN: No. Oh no. I mean sometimes it's the '**News**'. Other times it's one of the others. No way of telling beforehand. Until you've got your last one left, of course. Then you can tell which one it's going to be.

(83) BARMAN: Yes.

(84) Pause.

(85) MAN: Oh yes.

(86) Pause.

(87) I think **he must have left the area**.

Видно, что драматический диалог соответствует структурным характеристикам диалогового сегмента.

Во-первых, настоящая пьеса включается в себя исходную часть диалога: (1) *A coffee stall*. (2) *A BARMAN and an old NEWSPAPER SELLER*. (3) *The BARMAN leans on his counter; the OLD MAN stands with tea*. (4) *Silence*. Именно этот сегмент представляет фон всего диалогического текста, благодаря содержащейся в нем информации читатель может понимать особенности среды общения и условий осуществления речевого взаимодействия. Отметим, что фон описан писателем средствами монолога, на первый взгляд, он существует в изоляции и не имеет никакого отношения к разговору персонажей. Однако на самом деле он служит всему диалогическому тексту, фон реализует функцию создания пресуппозиции, в нем отражается своеобразии коммуникативной ситуации.

Во-вторых, в актуальную часть диалога включаются реплики персонажей (5)–(79): это основная часть дискурса, которая состоит из трех диалогических единств. Первое включает высказывания (5)–(18), основная тема – о времени становления бизнеса бара. Второе – высказывания (19)–(53) с основной темой «Продажа последней газеты». Третье – высказывания (54)–(79), переход к новой теме, касающейся другого человека – George.

Заключительная часть коммуникативного действия, которая состоит из высказываний (80)–(87), делится на два диалогического единства. В первом из них, состоящем из высказываний (80)–(82), пер-

сонажи снова обсуждают первоначальную тему о продаже последней газеты. Во втором диалогическом единстве, состоящем из высказываний (83)–(87), вновь возобновляется тема предыдущей беседы о George. На первый взгляд, между диалогическими единствами нет связи, но исходя из результатов лингвистического анализа текста, очевидно, что благодаря стилистической фигуре-анафоре возникает идея единства диалога. Эту черту можно назвать значимой для идиостилевой манеры писателя.

Заключение

Таким образом, реплика, диалогическое единство и фрагмент диалога являются как составными структурообразующими единицами дискурса, так и коммуникативными частями диалогического текста. В зависимости от специфики диалога в литературных произведениях, фрагменты диалога в литературных произведениях включают предисловия, характерные речевые действия персонажей и ремарки в литературных текстах. В отличие от диалога, разворачивающегося в сфере естественной разговорной речи, литературные произведения позволяют авторам объяснять речевое поведение персонажа и среду, в которой достигается общение благодаря ремарке. Следовательно, в определенной степени формируется фиксированная коммуникативная структура, ограничивающая речевое действие персонажа конкретным режимом общения, а также до читателя доносится соответствующая информация, чтобы облегчить понимание произведения и интерпретацию заложенных в него смыслов.

Язык диалогических текстов в литературных произведениях также является многоуровневым и трехмерным. Описание сценария автора, представленное во фрагменте диалога, очевидно, характеризуется диалогичностью и поэтому может считаться частью диалогового дискурса. По нашим наблюдениям, прагматическая связность в полной мере отражает характеристики многомерности субъекта в рамках литературных диалогов. Поскольку речевой субъект в предисловии и заключительной части является автором, а в реальном диалоге участвуют персонажи (в том числе говорящий и слушающий), реальным субъектом данного диалога выступает читатель. Следовательно, единица «фрагмент диалога» отличается сложным характером взаимоотношений субъектов текстовой деятельности. Диалогический текст с интегрированными функциями сравнительно труднее и сложнее для анализа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 428–473.
2. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 274 с.
3. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
4. Белоглазова Е. В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 16 с.
5. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
6. Захарова М. С. Лингвистические средства выражения диалогичности художественного текста // Лингвистический вестник: междунар. сб. науч. тр. Брянск, 2014. С. 41–46.
7. Иваненко Т. И. Диалогичность художественного текста как дискурсивное явление // Вестник Камчатского гос. техн. ун-та. 2013. № 24. С. 103–106.
8. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Архив петербургской русистики: электронная библиотека. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/jacub/jacub1a.htm> (дата обращения: 21.10.2021).
9. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50, № 4. P. 696–735.
10. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 68–69.
11. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 280 с.
12. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. 4-е изд. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
13. Пинтер Г. Last to go // Goodreads: электронная библиотека. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/11204193-last-to-go> (дата обращения: 23.10.2021).
14. Соловьева Е. А. Диалогические основы англоязычного поэтического текста в аспекте его категориальных свойств: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
15. Плеханова Т. Ф. Языковое воплощение принципа диалога в англоязычном художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2009. 271 с.

References

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. Pp. 428–473 (in Russian).
2. Duskayeva L. P. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of newspaper riche genres]. Ed. M. N. Kozhina. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2012. 274 p. (in Russian).
3. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activities]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 428 p. (in Russian).
4. Beloglazova Ye. V. *Lingvisticheskiye aspekty adresovannosti angloyazychnoy detskoj literatury. Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [Linguistic aspects of addictability of English-speaking children's literature. Abstract of thesis cand. philol. science]. Saint Petersburg, 2001. 16 p. (in Russian).
5. Chernyavskaya V. Ye. *Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': uchebnoye posobiye* [Linguistics of text. Polycodes, InterTextuality, Interdiscursivity: Tutorial]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p. (in Russian).
6. Zakharova M. S. Lingvisticheskiye sredstva vyrazheniya dialogichnosti khudozhestvennogo teksta [Linguistic means of expression of the dialogue of artistic text]. In: *Lingvisticheskiy vestnik: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic Bulletin: International Collection of Scientific Papers]. Bryansk, 2014. Pp. 41–46 (in Russian).
7. Ivanenko T. I. Dialogichnost' khudozhestvennogo teksta kak diskursivnoye yavleniye [Dialogic of artistic text as a discursive phenomenon]. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Kamchatka State Technical University*, 2013, no. 24, pp. 103–106 (in Russian).
8. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [On Dialogic Speech]. *Arkhiv peterburgskoy rusistiki: elektronnyaya biblioteka* [Archive of St. Petersburg Russian Studies: electronic library] (in Russian). URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/jacub/jacub1a.htm> (accessed 21 October 2021).
9. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 1974, vol. 50, no 4, pp. 696–735.
10. Shvedova N. Yu. K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi [For the study of Russian dialogic speech]. *Voprosy yazykoznanija*, 1956, no 2, pp. 68–69 (in Russian).
11. Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian spoken speech]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1960. 280 p. (in Russian).
12. Valgina N. S. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis: uchebnyk* [Modern Russian. Syntax: Tutorial]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003. 416 p. (in Russian).

13. Pinter G. Last to go. Goodreads: digital library. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/11204193-last-to-go> (accessed 21 October 2021).
14. Solov'yeva Ye. A. *Dialogicheskiye osnovy angloyazychnogo poeticheskogo teksta v aspekte yego kategorial'nykh svoystv. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Dialogical foundations of the English-language poetic text in the aspect of its categorical properties. Abstract of thesis cand. philol. science]. Moscow, 2007. 20 p. (in Russian).
15. Plekhanova T. F. *Yazykovoye voploshcheniye printsipa dialoga v angloyazychnom khudozhestvennom tekste. Dis. dokt. filol. nauk* [Language embodiment of the principle of dialogue in the English-language artistic text. Dis. doct. filol. sci.]. Minsk, 2009. 271 p. (in Russian).

Информация об авторах

Го Чуньянь, доктор филологических наук, доцент, Цзилиньский педагогический университет (ул. Хайфэн, 1301, Сыпин, Китай, 136000).

Information about the authors

Guo Chunyan, Doctor of Philology, Associate Professor, Jilin Normal University (1301, Haifeng Str., Siping city, China, 136000).

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 29.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 81'22:119
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-102-113>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ЭТИКЕТА В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ОБЫЧАЯХ

Ду Цзинцзэн¹, Сунь Юйно²

^{1,2} *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

¹ viktorwkd@mail.ru

² 876136269@qq.com

Аннотация

Введение. Представлено сопоставительное описание русского и китайского свадебных обрядов как форма проявления национальной традиционной культуры. Аспект рассмотрения материала – сравнительно-лингвокультурологический, предполагающий выявление черт общего и различного во фрагментах национальной картины мира, связанных с традиционным массовым представлением русских и китайцев о свадьбе, свадебном ритуальном действии, свадебном этикете. Такой подход актуален для современной лингвистической парадигмы, когнитивно-дискурсивной и антропоцентрической по своей сути.

Цель – выявление инвариантных и вариантных черт в представлениях о свадебном обряде, характерном для традиционных русской и китайской народных культур.

Материал и методы. Материалом выступают языковые маркеры концептуализации данных представлений – словные и сверхсловные (идиоматические) языковые единицы, обозначающие реалии свадебного ритуала. Методологические процедуры анализа определяют в качестве ключевого прием лингвокультурологического комментария, позволяющего выявлять тезаурусные лакуны, восполнять их (что крайне важно для носителя неаутентичной культуры и иностранного языка) и с учетом культурно-исторического контекста интерпретировать семантику языковых репрезентантов ядерного смысла «свадебный обряд».

Результаты и обсуждение. Установлено, что в русском и китайском массовом традиционном представлении о свадебном обряде присутствуют общие (инвариантные, универсальные для любой лингвокультуры) и вариантные (актуализирующиеся в рамках конкретной лингвокультуры, имеющие дискурсивную (историческую, культурную, контекстно-событийную и коммуникативно-ситуационную) обусловленность) черты. Универсальными семантическими признаками в интерпретации свадебного обряда у русского и китайского этносов выступают общечеловеческие значимые аксиологические смыслы: свадьба – результат и доказательство любви мужчины и женщины, их желания жить совместно, доверяя и помогая друг другу. Коннотативная составляющая универсальных смыслов – положительная, одобрительная.

Вариантные смыслы и их репрезентация в конкретной лингвокультуре характеризуются спецификой своего содержательного наполнения. В частности, доказано, что значимой для интерпретации свадебного обряда в русском и китайском этносах является этикетная составляющая. Совокупность морально-этических правил, существующая долгое время в социуме, определяет и понимание ритуализованных действий, к которым относится свадебный обряд. Так, применительно к русской культуре отмечается в качестве черты своеобразия желание скрепить узы брака «на небесах», заручившись благословением церкви. В китайской традиционной культуре акцентируется присутствие мотива поклонения как связующей все этапы и структурные компоненты свадебного обряда нити. В обеих лингвокультурах почитается семья, род, старшие.

Заключение. Отмечается перспективность использования лингвокультурологического анализа для сопоставления культурных и языковых фактов из жизни этносов, различающихся по мировоззрению, быту, морально-этическим принципам.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический комментарий, русская картина мира, китайская картина мира, свадебный этикет, свадебный обряд, идиома

Для цитирования: Ду Цзинцзэн, Сунь Юйно. Лингвокультурологические особенности свадебного этикета в русских и китайских обычаях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 102–113. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-102-113>

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF WEDDING ETIQUETTE IN RUSSIAN AND CHINESE CUSTOMS

Du Jingzeng¹, Sun Yunuo²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ viktorwkd@mail.ru

² 876136269@qq.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to a comparative description of the Russian and Chinese wedding ceremonies as a form of manifestation of national traditional culture. The aspect of material consideration is a comparative linguoculturological aspect, involving the identification of common and different features in the fragments of the national picture of the world associated with the traditional mass idea of Russians and Chinese about weddings, wedding ritual actions, wedding etiquette. This approach is relevant for the modern linguistic paradigm, cognitive-discursive and anthropocentric in nature.

The purpose of the article is to identify the invariant and variant features in the ideas about the wedding ceremony, which is typical of the traditional Russian and Chinese folk cultures.

Methods and material. The material is linguistic markers of the conceptualization of these representations – verbal and super-word (idiomatic) linguistic units denoting the realities of the wedding ritual. Methodological analysis procedures define as a key method of linguoculturological commentary, which makes it possible to identify thesaurus gaps, fill them (which is extremely important for a bearer of an inauthentic culture and a foreign language) and, taking into account the cultural and historical context, interpret the semantics of linguistic representatives of the nuclear meaning “wedding ceremony”.

Results and discussion. It was found that in the Russian and Chinese mass traditional ideas about the wedding ceremony, there are general (invariant, universal for any linguistic culture) and variant (actualized within the framework of a specific linguistic culture, having a discursive (historical, cultural, context-event and communicative-situational) conditionality) features... The universal semantic signs in the interpretation of the wedding ceremony among the Russian and Chinese ethnoses are universal human significant axiological meanings: a wedding is the result and proof of the love of a man and a woman, their desire to live together, trusting and helping each other. The connotative component of universal meanings is positive, approving.

Variant meanings and their representation in a particular linguoculture are characterized by the specifics of their content. In particular, it has been proven that the etiquette component is significant for the interpretation of the wedding ceremony in the Russian and Chinese ethnic groups. The set of moral and ethical rules that have existed for a long time in society also determines the understanding of ritualized actions, which include the wedding ceremony. So, in relation to Russian culture, the desire to seal the bonds of marriage “in heaven”, having secured the blessing of the church, is noted as a feature of originality. In Chinese traditional culture, the presence of the motive of worship is emphasized as a thread connecting all the stages and structural components of the wedding ceremony. In both linguocultures, the family, clan, and elders are revered.

In *conclusion*, it is noted that the use of linguoculturological analysis is promising for comparing cultural and linguistic facts from the life of ethnic groups that differ in worldview, way of life, moral and ethical principles.

Keywords: cultural linguistics, cultural linguistics commentary, Russian worldview, Chinese worldview, wedding etiquette, wedding ceremony, idiom

For citation: Du Jingzeng, Sun Yunuo. Lingvokul'turologicheskiye osobennosti svadebnogo etiketa v russkikh i kitayskikh obyachayakh [Linguistic and Cultural Features of Wedding Etiquette in Russian and Chinese Customs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 102–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-102-113>

Введение

В современной лингвистике особое место занимают исследования, проблематика которых лежит в плоскости задач, активно разрабатываемых в лингвокультурологии (Н. А. Арутюнова, В. В. Воробьев, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, В. В. Красных, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов,

В. Н. Телия, Е. И. Шейгал и др.). Основная идея лингвокультурологических исследований состоит в том, что национальное мировоззрение проявляется в языке – лексике, фразеологии, грамматике. Благодаря этому современные лингвисты активно изучают язык и анализируют лингвистические факты в тесной связи с человеком, мышлением, культурой народа [1, с. 34]. Парадокс в том, что

язык можно одновременно рассматривать как часть культуры, условие ее существования и инструмент для ее изучения.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью изучения лингвокультур разных этносов на уровне сопоставления определенных фрагментов, связанных с концептуализацией существующих в национальной культуре представлений и отражением их в системе национального языка. Подобным фрагментом в настоящей статье выступают систематизация, обобщение и интерпретация в лингвокультурологическом ключе смыслов, актуализирующихся в языковой и концептуальной картине мира русского и китайского народов в ситуации вступления в брак. Эти смыслы оформляются в действительности посредством свадебных обрядов, ритуалов, в языке – с помощью определенных речевых клише и формул, единиц, принадлежащих соответствующим тематическим группам и ассоциативно-смысловым полям, в философии и этике – через систему своеобразных мировоззренческих и морально-этических установок.

Русское общество уже давно стало проявлять интерес к знакомству с традиционной китайской культурой, в научной литературе имеются специальные источники, посвященные этой проблематике. Одной из причин такого внимания можно считать то, что эти две страны граничат между собой. Богатство и специфичность китайской культуры, отличающейся изобилием ритуалов и обычаев и их – в большинстве случаев – экзотическими формами проявления, не могут не вызывать любопытство со стороны представителей иной культуры и иного языка, причем как обывателей, так и ученых из разных областей научного знания. На протяжении многих столетий Россия и Китай поддерживали дружеские экономические, политические, культурные контакты. На сегодняшний день эти страны – добрые соседи, эффективно взаимодействующие друг с другом. Сказанное определяет интерес исследователей-лингвокультурологов к изучению культурных традиций обеих стран, в том числе *свадебного этикета* и деталей *свадебного обряда* как значимых составляющих национальной картины мира и национальной ментальности. «Свадебный обряд – один из уникальных институтов, созданных народной традицией, устанавливающий и актуализирующий целый ряд культурных, высокоценностных норм» [2].

С древних времен и до наших дней заключение брака всегда было большим событием в жизни, независимо от страны и региона, поэтому церемония бракосочетания является знаково-символической и аксиологически весомой (торжественной и священной) для любой лингвокультуры. Китай и Рос-

сия – страны, диаметрально различающиеся философским контекстом экзистенции национального сознания. Из-за влияния географического положения, климата и других природных условий существуют различия в образе жизни народов двух стран. Китай и Россия – многонациональные и поликультурные страны со многими этническими группами. В Китае насчитывается 56 этнических групп, в России – более 130. Различные этнические группы до сих пор сохраняют аутентичные этнические обычаи и привычки. Специфика свадебной церемонии, проводимой представителями обеих культур, обусловлена многообразием вариантов и вариаций, реализуемых в жизни жителями различных географических областей и религиозных взглядов.

По длительности в общей структуре обряда в обеих странах доминирует время подготовки к свадебной церемонии, которое условно можно дифференцировать на предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы. Каждый этап отличается своеобразием проводимых ритуалов, имеющих четкую национально-культурную соотнесенность и привязку к морально-этическим нормам. Различия в национальных свадебных этикетах отражают специфику верований и прочих культурных установок и мировоззренческих стереотипов, характерных для менталитета русского и китайского народов. Сравнительное изучение свадебных церемоний в контексте особенностей культуры Китая и России способствует укреплению дружбы между этими народами на уровне научного диалога, культурного взаимодействия, межкультурных контактов. Особенно отметим роль исследований данной проблематики для развития таких областей гуманитарного знания, как лингводидактика, лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Цель статьи – сопоставительный анализ особенностей русского и китайского свадебного этикета в лингвокультурологическом аспекте.

Обзор литературы. Область лингвокультурологических исследований включает: (1) объекты и явления, уникальные для конкретной культуры; (2) понятия, определяющие специфику поведения представителей той или иной нации; (3) систему мифологических представлений, отраженную в легендах, сказках, пословицах и поговорках и других фольклорных формах; (4) прецедентные тексты и прецедентные имена как своеобразный культурный минимум, знание которого обязательно для всех представителей отдельной культуры; (5) национальные символы, то есть образы, с которыми ассоциируют себя представители той или иной этнической группы. Самостоятельным научным направлением в рамках лингвокультурологии является рассмотрение форм проявления в национальной

языковой картине мира специфики, связанной с обоснованием ее *этическими нормами* поведения. Эти нормы определяются как принятые в конкретном социуме и функционирующие в нем на протяжении уже долгого времени и являющиеся маркерами определенной национальной культуры [3, с. 176].

Нормы этикета сопровождают человека во всех сферах, в которых он взаимодействует с другими людьми. С практической точки зрения важность этикета заключается в том, что он позволяет людям выражать свое уважение другим людям. Этикет – это двойственное явление. С одной стороны, он коренится в моральных нормах и ценностях и тесно с ними связан, с другой – проявляется в различных формах поведения людей. В широком смысле этикет касается различных сторон жизни человека. Этикетную форму могут носить жесты, мимика, движения и позы человека, одежда и т. д. [3, с. 82]. Этикет фактически создает принципы ритуализированного поведения индивида в обществе, которые относятся к социальным и культурным критериям. Поэтому вопросы, связанные с описанием этикетных норм как регулирующего и регламентирующего жизнь социума механизма, являются междисциплинарными и изучаются представителями разных областей теоретической, практической и прикладной науки: социологами (Н. А. Воронов, Л. С. Лихачева, И. В. Лукьянченко и др.), педагогами и психологами (С. В. Бойко, А. А. Грачева, О. А. Сочивкина и др.), политологами и правоведами (Ф. Ш. Ларина, Л. А. Хесед и др.), философами (В. П. Марчук, Д. С. Схалыхо, Т. В. Хан и др.), культурологами (О. А. Никитина, Э. В. Тавасиева и др.). В филологических работах этикет рассматривается прежде всего в аспекте своих речевых средств выражения и специфики их функционирования в диахронии и синхронии с учетом широкого культурно-исторического контекста (А. А. Акишина, М. А. Голованова, В. Г. Костомаров, М. Кронгауз, М. А. Кормилицина, О. Б. Сиротинина, Н. И. Формановская). В лингвокультурологии речевой этикет в соотнесенности с принципами национального коммуникативного поведения не раз становился объектом описания в работах М. А. Вербицкой, Н. А. Ковалевой, Т. Д. Кострюковой, С. С. Кислицкой, З. М. Сарбашевой и др. Активно данная область изучается в лингводидактике, этнопедагогике, лингвострановедении и предметной методике: см. труды Н. Л. Мироновой, Е. С. Оськиной, О. В. Павловой, Е. С. Скляр, Е. О. Степановой, Т. Г. Таран, М. Н. Шутовой и др.

Свадебный этикет как разновидность этикетных универсальных (свойственных большинству этносов) норм, правил, ритуалов особенно значим для понимания специфики национальной менталь-

ности, поскольку определяется в качестве способа установления национальной идентичности.

Свадебный этикет как комплексное ритуализированное коммуникативное поведение, отличающееся аксиологической значимостью для картины мира этноса, имеет обширную историю разноаспектного изучения в гуманитаристике (Н. А. Дубова, В. И. Козлов, Л. Т. Соловьева, Н. А. Тадина, А. Н. Ямсков и др.). Богатство эмпирического материала позволяет ученым создавать источники тезаурусного типа [3; 4].

Свадебный этикет – это правила, касающиеся как поведения на самой свадьбе, так и всего периода, начиная от помолвки и заканчивая медовым месяцем. Знать и соблюдать его должны как сами молодожены, так и члены их семей и гости. Еще в начале XIX в. в Европе сложились правила свадебного этикета, которые хорошо знали гости и молодожены и тщательно их соблюдали. Свадебный этикет регламентирует такие моменты свадьбы, как проведение свадебной церемонии, расположение гостей и др., а также определяет конкретные обязанности для каждого из участников церемонии. Можно сказать, что свадебный этикет реализует несколько функций, прежде всего – это возможность провести важное мероприятие так, чтобы каждый гость почувствовал себя уважаемым приглашенным человеком, а мероприятие прошло красиво, в соответствии с этикетными нормами поведения и запомнилось надолго.

В ходе свадебного мероприятия стремительно возрастает аффективное отношение людей к действительности. В традиционном свадебном обряде как бы в живом виде предстают перед нами веками сложившиеся, исторические ценности. В связи с этим представляется необходимым обратиться к этикетному аспекту культурной жизни, который во многом определяет психологические особенности и генотип национального мышления. Этикет определяет манеру поведения и предусматривает ряд требований к совершаемым действиям. В свою очередь, свадебная церемония – одно из уникальных явлений, созданных людьми, которое актуализирует ряд культурных норм, имеющих большое значение для его участников. Регулярная воспроизводимость обряда, всех его элементов, направлена на трансляцию важного культурного текста, погружающего участников ритуальных действий в аксиологическое пространство культуры. Именно это порождает консерватизм традиционных культур, инстинктивное сохранение собственной культурной модели, из которой исходит точка зрения на мир каждого из ее представителей.

Всеми учеными, специалистами в этой области, признается значимость свадебного этикета, реализуемого в свадебном ритуале, для культуры и само-

сознания нации, определения критериев национальной идентичности. В особенной степени, в частности лингвистами, актуализируется аксиологическая ценность речевого сопровождения свадебного обряда [5]. В силу этого не теряет актуальности анализ системы речевого свадебного этикета в аспекте сопоставления специфики репрезентации в разных национальных культурах. Специфику китайского свадебного обряда анализировали в своих трудах китайские ученые Д. Ван [6], С. Цзюй [7], Х. Цзоу [8], Ц. Го [9]. В ряду российских авторов работ, посвященных описанию китайского ритуала свадеб, отметим Р. И. Котову, Е. К. Косареву, Е. С. Кудашкину, А. А. Яковлеву. Сравнительный анализ китайского и русского свадебного обряда стал предметом рассмотрения в работах Ц. Ду [10], Ж. Дун и Г. Г. Слышкина [11], Л. Ли [12], А. М. Ямалетдиновой и П. Го [13] и др.

Аспектом новизны в данной статье можно считать обращение к единицам идиоматического фонда рассматриваемых языков как экспликаторам фрагмента картины мира, связанного с осмыслением свадебного обряда в национальных традициях России и Китая.

Материал и методы

Для достижения поставленной цели использовались методы научного описания, лингвокультурологического комментария с элементами дискурсивного анализа, семантический и контекстуальный анализ языковых единиц. Ключевым методом анализа выступает лингвокультурологический комментарий, предполагающий изучение языковых фактов сквозь призму и на основе культуроведческой информации (с опорой на тезаурус и лексикон носителей лингвокультуры) [14].

Результаты и обсуждение

На первоначальном этапе лингвокультурологического анализа проанализируем культурно-историческую составляющую свадебного обряда в России и Китае.

В России традиционные предсвадебные церемонии включают сватовство, свидания вслепую, помолвки, выпечку свадебного хлеба и т. д. В Китае процедура до вступления в брак аналогична процедуре в России, за исключением того, что есть еще два вопроса (запрос имени женщины и даты рождения) и просьбы (согласование даты вступления в брак). В Китае также дифференцируются виды помолвки и варианты приданого.

В древние времена большинство традиционных браков (у китайцев – в подавляющем большинстве, у русских – в меньшей степени) устраивалось их родителями. «Штатные» сваты, такие как китайские старейшины, были заказаны родителями муж-

чины. Роль сватов – отправиться в дом женщины, чтобы дать ей возможность попрощаться. В России родственники обычно уходят поздно ночью. Когда они идут в дом женщины, они должны осторожно коснуться дверного косяка руками или плечами, прежде чем постучать в дверь, что означает удаление нечистых вещей. Войдя в дом, они должны перекреститься и помолиться иконе в углу дома. Если родители женщины согласны на этот брак, они вместе со сватом снова перекрестят икону, а затем трижды обойдут стол. Если родители согласны выдать за жениха свою дочь, они вкладывают правую руку дочери в правую руку будущего зятя. Будущие молодожены объявляют о своей помолвке после обсуждения и определения даты. В России традиционную церемонию помолвки проводит женщина (кума, сватья). К участию приглашаются только друзья и родственники. В этот день должны обязательно присутствовать традиционные русские подарки – хлеб и соль, которые родители мужчины дарят родителям женщины. Принимая подарок, родители невесты должны поцеловать преподносимый им хлеб в знак благодарности.

В Китае обычаи, которые сохранились с древних времен, также предполагают роль в свадебном обряде сватов. Что очень важно и отличается от России, так это то, что существует процесс гадания, в ходе которого гадатели при помощи разных методов предсказывают, что ждать хорошего и плохого в связи с предстоящим событием. Самое раннее по времени возникновения гадание в Китае состояло в том, чтобы испечь броневую кость на огне и посмотреть на текстуру, которая появилась на броневой кости, чтобы угадать хорошее и плохое. Позже, медленно развиваясь, появились различные методы гадания. Наиболее распространенным методом гадания при вступлении в брак является метод восьми символов. Конкретное время рождения и имя вступающих в брак передаются гадалкам, чтобы нажать восемь символов рождения, чтобы определить хорошее и плохое. Это также является ключом к тому, смогут ли обе стороны пожениться. Например, если гадалки предскажут судьбу невесты как нежелательную для жениха, считается, что катастрофа коснется семьи мужа и никто не осмелится жениться на такой женщине. Как только обе стороны заключают брачные отношения, и мужчины, и женщины должны дожидаться свадебной церемонии, чтобы встретиться.

Основные события свадьбы совершаются непосредственно в ее день. Церемония в день свадьбы в основном делится на свадебную церемонию и свадебный прием. Свадебная церемония – самая живая и важная часть всей свадебной церемонии. В этой связи отметим существующие отличия русского и китайского свадебного обряда.

Поскольку в менталитете достаточно большой категории россиян присутствует влияние религиозной идеологии, в ряде случаев русские свадебные церемонии проводятся в церквях. Процедура церемонии в этом случае такова: молодые приносят клятву, читают молитвы. Над их головами держат символы обряда – венцы. Обрядом руководит священник. В начале церемонии он спрашивает у жениха и невесты, подтверждают ли они свое желание жениться/выйти замуж и создать семью. После утвердительных ответов с обеих сторон священник поднимает руку невесты и вкладывает ее в руку жениха. После завершения церемонии священник накрывает руки жениха и невесты платком, а затем трижды проводит жениха и невесту вокруг святого аналая. Далее священник наполняет вином бокал, и каждый из молодоженов пригубляет бокал трижды, что символизирует нерушимость заключенного союза. Церемония, начатая в церкви, завершается дома грандиозным и оживленным свадебным приемом. Гости дарят молодым подарки, славят их, обращают к ним добрые пожелания.

Китайцы обычно проводят свадебные церемонии в доме жениха. Самое священное и важное для представителей китайской культуры – это выражение поклонения. Всего существует три молитвы-поклонения: одна адресована Богу (ее основное содержание – благодарность Создателю за его дар), вторая – Гаотангу (благодарность родителям за воспитание), а третья – поклонение мужу и жене, благодарят друг друга за доверие. После церемонии поклонения жених и невеста входят в пещерную комнату, жених и невеста сидят на кровати Кан порядка получаса. У китайцев это называется «сидя на палатке или сидя на благословении». Молодые посыпают кровать мармеладом, арахисом, лонганом, цепями, что символизирует их желание скорого рождения детей. Затем люди из Цюаньфу, родственники мужа, приносят две миски «лапши долголетия», ставят их на стол Кан. Молодые вкушают блюдо и удаляются. Жених первым покидает Кан. Маленькая девочка приносит умывальник, невеста умывается, переодевается. Невеста может сойти с Кана только после того, как шурин трижды ударит ее. Подробнее о ритуале: [15, с. 56].

Важный элемент свадебного обряда – это праздничное застолье. Стол для свадебного приема в России должен быть накрыт в форме двери, а молодожены сидят посередине, и старший брат невесты первым произносит тосты за жениха и невесту. Гости пьют вино или водку и кричат: «Горько!». Жениха и невесту просят поцеловаться, чтобы подсластить спиртное. Гости танцуют в веселой атмосфере до конца полуночи. На свадебном приеме в Китае жених и невеста подходят к столу, чтобы зажечь сигареты для своих родственников и дру-

зей. Гости намеренно задувают огонь, чтобы испытать жениха и невесту. После окончания застолья родственники, друзья и поздравляющие уходят. Когда девичья семья уходит, их представители возвращаются и приносят кусок корейки. Это называется «оставить мясо матери» – приманку для духов. Ночью в дом с привидениями будет приходиться много молодых людей, что свидетельствует о том, что жизнь жива и полна красоты.

Послесвадебная церемония в России включает в себя церемонию на следующий день после свадьбы, неделю посещения пары и годовщину свадьбы. На второй день после свадебной церемонии невеста встает, чтобы испечь хлеб, и преподносит испеченный хлеб с солью родителям жениха, возвещая начало новой жизни. Через три дня после свадьбы жених отправляет невесту обратно в дом своей матери, который похож на китайский «черный ход». В России это называется неделя посещения. Невеста может пойти домой и остаться на неделю. При входе в дом родители невесты выносят хлеб и соль, жених и невеста едят немного хлеба и соли, а затем выпивают бокал вина, символ счастья и сладость.

Несмотря на то, что свадебная церемония закончена, есть более 20 годовщин, которые сопровождают брак. Обычно в годовщину свадьбы пары дарят подарки друг другу, чтобы выразить свою любовь друг к другу. Друзья и семья могут дарить им цветы в качестве подарков. Следует дарить цветы в нечетном количестве. В России считается, что нечетное число является символом удачи, а число 7 – наиболее символичное из чисел. Наоборот, число 13 считается несчастливим.

В Древнем Китае в первое утро после окончания свадьбы проводилась церемония признания родственников и разделения их по значимости. Когда молодые кланяются своим родственникам, они должны подавать им чай. Новая невестка под руководством своей старшей невестки знакомится со старшими или младшими в семье. С этого дня новая невестка официально определяет статус своего дома. На третий день после свадьбы жених и невеста вместе посещают девичий дом женщины. Родители молодой жены должны удостовериться, не подвергалась ли их дочь издевательствам. Пробыв в доме невесты несколько дней, молодые возвращаются в свой дом, и для них начинается повседневная жизнь.

Можно видеть, что процедуры на свадебной церемонии в России и Китае во многом одинаковы, разделены на предсвадебные мероприятия, свидание вслепую, помолвку, выкуп за невесту, предсвадебную подготовку, свадебную церемонию, свадебный прием, а также признание после свадьбы, возвращение и так далее. Однако из-за различий в культурных представлениях между Китаем и Рос-

сией разнятся детали в проведении свадьбы. Часть россиян хотят провести свадьбу в церкви, принять Божье благословение и отправиться на могилу мученика, чтобы возложить цветы, в то время как большинство китайских свадеб проводятся в доме мужчины, даже если пара является парой в истинном смысле после поклонения небу и земле; на русских свадьбах есть традиционная еда: хлеб и соль, водка, в то время как Китай предпочитает финики, арахис, лонган, цепи и т. д. Независимо от того, каков вид церемонии бракосочетания и какова последовательность свадебных процедур, свадебный обряд символизирует благословение новой пары свыше, а также благое расположение к этому событию родственников. Брачный этикет, унаследованный с древних времен до наших дней, основан как на мудрости предков, так и новых идеях, навеянных современным днем. Свадебный обряд имеет тенденцию к частичному обновлению в соответствии с требованиями исторического времени.

Традиционно свадебный этикет предписывает большее количество правил. Чем активнее роль человека, участвующего в обряде, тем большее количество этикетных правил определяет его поведение. Обряд предписывает, что и когда делать, этикет регулирует, как это нужно делать, например: *свидетели жениха и невесты подтверждают заключение брака*.

По этикету поведение участников церемонии подчинено представлениям инициаторов об идеальном и прекрасном. Участникам свадебной церемонии также приходится переживать, какое впечатление они произведут на окружающих [16, с. 54].

У всех народов и стран есть свои традиционные свадебные церемонии, которые являются способом унаследовать их народную культуру и ритуалы их собственной культуры и образования. Свадьба – тоже важная веха в жизни человека, это своего рода жизненный этикет. Самые старые, самые продолжительные и самые влиятельные свадьбы в мире – это конфуцианские, индуистские и христианские свадьбы, т. е. свадьбы, проводимые в соответствии с тремя религиозными культурами. В большинстве культур обычно развиваются некоторые брачные традиции и обычаи, многие из которых утрачивают свое первоначальное символическое значение в современном обществе и постепенно превращаются в светские свадьбы.

В языке отражаются закрепленные в национальной культуре представления о свадебном ритуале. Ключевой лексический экспликатив здесь – одноименная лексема *свадьба*. В национальном языке узуальная семантика этой лексемы-маркера этикетно-ритуального события свадьбы закрепились и проявляет себя во всей полноте во фразеологическом контенте языка. Приведем примеры:

Добрая свадьба – неделя; Испить вместе чашу жизни; Будто вороны слетались, а там два свата съезжались; 比翼双飞 ‘Летая друг с другом’ (выражение для мужа и жены, которые любят друг друга и объединяются в своих стремлениях, чтобы создать лучшее будущее); 百年好合 ‘Сто лет хорошей гармонии’ (значит, муж и жена всегда будут хорошими); 执子之手, 与子偕老 ‘держитесь за руки, старейте вместе’.

В значении лексемы-репрезентанта национальных представлений о свадебном ритуале в китайской картине мира актуализируются следующие компоненты: «начало новой жизни», «исполнение желаний родителей», «потеря надежды на любовь», «демонстрация богатства» (Шуба тепла и мохната – жить вам тепло и богато!) – стали уникальными для китайской лингвистической культуры. Уникальной для русской картины мира следует считать такую сему в значении лексемы *свадьба*, как «доказательство любви» [17, с. 20]. Это находит отражение в особенностях свадебных пожеланий: «Дай Бог лад (любовь) да совет» / 永浴爱河 ‘Вечно купаться в реке любви’; «Сколько в поле пеньков, столько б Вам сынков, а сколько кочек, столько б дочек» / 瓜瓞绵绵 ‘на сплошной лозе много больших и маленьких дынь’. Цитируется как пожелание благополучия детям и внукам.

В древнем Китае свадьбы называли 婚礼 [хунь ли] ‘малыми обрядами’, потому что в основном они проводились в сумерках (считалось, что это самое благоприятное время). Это одна из квинтэссенций традиционной культуры Хань. Сегодня в Китае свадьба воспринимается как «церемония бракосочетания, обычно включающая сопровождающие торжества». Свадьба в Китае как один из пяти жизненных ритуалов является традиционной церемонией, которая эквивалентна официальной церемонии нотариального заверения современной свадьбы. Ее значение состоит в том, чтобы получить признание и благословение со стороны общества, помочь молодоженам адаптироваться к новым социальным ролям и требованиям и подготовиться к принятию на себя социальных обязательств.

Существуют некоторые особенности, присущие свадебному обряду в большинстве культур по всему миру. Эти черты можно назвать универсальными, общезначимыми для свадебного ритуала для большинства этносов. Е. А. Каминская называет их «культурными прасмыслами» [18]. Е. К. Косарева – «культурными феноменами, имеющими универсальный характер» [19]. Например, в энциклопедии Дианы Уорнер выделены 7 таких универсальных для каждой культуры составляющих свадебного ритуала: 1. Сватовство/помолвка. 2. Детальная подготовка к свадьбе. 3. Свадебные наря-

ды. 4. Церковный обряд или официальная регистрация брака. 5. Свадебный обряд, праздничное застолье. 6. Национальные, традиционные подарки молодоженам. 7. Медовый месяц / свадебное путешествие [4].

Вместе с тем в каждой национальной лингвокультуре выделяются варианты, специфичные черты осуществления свадебного ритуала. Эти черты определяются как собственно лингвистическими (особенности устройства языка, системы выражения значений в нем, устной и письменной системы знаков и пр.), так и экстралингвистическими факторами в виде исторических предпосылок, погодно-природных условий и географического месторасположения, принадлежности брачующихся к определенной социальной группе, религиозной касте; значим также уровень образования молодых, система их воспитания, национальная принадлежность, возраст и пр.

Так, в китайской культуре этикетные формулы проведения свадьбы описаны в источнике: «Три книги и шесть церемоний» (三书六礼). «Три книги» (三书) относятся к документам, используемым в процессе «шести церемоний» (六礼), включая письма о назначении, подарочные письма и приветственные письма. Письмо о назначении: документ для заключения контракта. Когда Наджиб свершен (мужчина и женщина заключают брачный контракт), то семья мужчины передает письмо семье женщины. Церемониальная книга: инструмент, используемый во время церемонии, в котором перечислены предметы и количество подарков. Приветственная книга: документ для женитьбы на невесте. Это документы, которые мужчина передает женщине, когда невесту лично встречают у дверей. «Шесть церемоний» (六礼) относятся ко всему процессу брака от предложения до завершения. Даже в современном китайском свадебном этикете, особенно в некоторых сельских районах, все еще есть явные следы «шести ритуалов брака» (婚礼六大仪式). Однако они сведены к простоте и обычно следуют определенному этикету, включая предложение, принятие и приветствие.

Свадебный этикет в России значительно отличается от китайского. Конечно, основные ритуалы, такие как сватовство, приготовления к свадьбе, обычно соблюдаются. Важный этап свадьбы – венчание, заключение брака по «велению Божьему». «И как наступит назначенный день, съедутся со стороны жениха и невесты все, кто назначен к столу. Столы же дают отдельно, боярыни – себе; а жених с невестой не едят. У жениха говорят каноны и у невесты также. А как настанет время, пошлют старшего слугу от тестя к жениху сказать, что дружка и сваха едут с постелью: «Велите показать сенцы и куда заезжать» – обычно в подклеть. Ему

укажут, и он, осмотрев место, куда приезжать, то перескажет» [15, с. 14].

Концепция русской свадьбы, как правило, включает сватовство, смотрины, день свадьбы, венчание. С одной стороны, все самое важное заключено в данных трех аспектах, но, несмотря на это, в русской свадьбе тоже достаточно традиционных нюансов. Например, на первом этапе значима роль в свадебном ритуале свахи. Даже существует народная поговорка: «Выбирай не невесту, а сваху». И работали свахи на совесть. А вот смотрины невесты могли длиться не одну неделю. Совместное чтение молитвы в древней Руси – немаловажный аспект помолвки. В день свадьбы до венчания жених не должен был видеть невесту, но отправлял ей шкатулку, в которой находились фата, венчальные свечи, обручальные кольца и т. д. После свадьбы наступала визитная неделя, молодые посещали родственников, но уделяли им максимум 15 минут.

Проиллюстрируем наличие общих и различных черт в традиционных русской и китайской картинах мира, связанных с национальными представлениями о свадьбе. В качестве примера рассмотрим идиому *медовый месяц*, обозначающую определенный этап свадебного события.

Выражение *медовый месяц* (в значении «первый месяц брачной жизни») проникает в русский литературный язык из французского или английского языков в начале XIX в. В 50–60-х гг. XIX в. выражение *медовый месяц* приобретает новое переносное значение: «первый блаженный период расцвета чего-нибудь, начальный период общественного увлечения чем-нибудь». В этом расширенном переносном значении выражение *медовый месяц* становится неразрывным фразеологическим единством (идиомой в широком смысле этого понятия). Это живое семантическое движение идиомы *медовый месяц* в русском литературном языке XIX в. свидетельствует о том, что она вполне ассимилировалась с аутентичной русской литературной фразеологией и утратила уже к 30–40-м гг. XIX в. все признаки своего заграничного происхождения. Внутренняя форма данного выражения вполне согласовалась с живым переносным употреблением слова *медовый* (ср.: *медовые уста*, *медовая речь* и т. п.; ср. также каламбурно-иронический образ: «Сахар Медович Патокин») [20, с. 36]. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» **МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ** рассматривается как «начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни»: И потянулся для влюбленных не совсем обычный, но полный упоения медовый месяц [21, с. 409].

В Китае термин 蜜月 'МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ' часто используется для обозначения сладкой жизни молодоженов в том смысле, что молодожены полны нежности и меда. Это первый месяц после

свадьбы. Однако языковая единица медовый месяц (蜜月) намного превзошла значение «переходного медового месяца» (度蜜月). Это стало идиомой, которую можно применять к различным ситуациям. Как и у молодоженов, отношения между людьми вначале часто имеют добрые пожелания, и обе стороны могут жить в гармонии. В этом смысл медового месяца.

Анализ данного фразеологизма проводился на основе изучения тостов, которые характеризуют медовый месяц в китайской и русской лингвокультурах. Из выбранных тостов на китайском языке был найден один пример, в котором речь шла о путешествии после свадьбы: 百年恩爱双心结, 千里姻缘一线牵 'Столетний любовный узел двойного сердца, тысячи миль брака вместе'.

В русском языке подобного рода поздравления в жанре тоста встречаются чаще: Вам на свадьбе прозвучало, Впереди ждет развлечений, Месяц... как же времени мало! Отдохните перед бытом, Что навевает скуку, Демонстрируйте открыто всю любовь свою друг к другу! Еще пример текстового отрывка: Пусть будет месяцем медовым, Вся ваша жизнь, как миг один, Чтоб каждый день был вечно новым, Чтоб вы любили до седины [22].

Бытует мнение, что в медовый месяц молодоженам предлагали испить медового вина, а во многих европейских странах – родителям. На Руси очень ответственно и деликатно относились к медовому месяцу и старались не перегружать новоиспеченных супругов сложной работой в это время.

Не нужно забывать тот факт, что идиома *медовый месяц* появилась давно, полноценно использоваться в российской и китайской культуре стала относительно недавно. Современные тенденции понемногу стирают многие обычаи старых обрядов, бережно чтимые нашими предками, но со своей стороны вносят легкость и непринужденность такого волнительного дня. Сегодня жених и невеста трепетно относятся к данному послесвадебному периоду, тщательно его планируют.

Представленный в работе анализ такой идиомы, как *медовый месяц*, показывает, что данное выражение в большей степени характерно для русской языковой картины мира. Ведь даже на начальном этапе изучения этимологии этой языковой единицы, обратившись к историко-этимологическому словарю, можно заметить отсылки к известным произведениям русской литературы. Причем автор отмечает тот факт, что в данном случае происходит влияние английского языка на бытовую речь разных слоев образованного русского общества. Например, у Н. Гоголя выражение *медовый месяц* уже употребляется как общелитературное: «Находясь, так сказать, в медовом месяце, сидят они

в роде двух ангелочков за чаем» [23]. В книге П. А. Вяземского в «Автобиографическом введении» к «Собранию сочинений»: «Сначала медовые месяцы сожития моего с Полевым шли благополучно, работа кипела» [24]. Хочется отметить, что позже данное выражение становится отдельной фразовой единицей речи и приобретает новые переносные значения, не относящиеся к свадебным традициям.

Таким образом, проведенный анализ лингвокультурологических особенностей русского и китайского свадебного этикета показал, что традиционные системы брака в обеих странах все еще присутствуют, однако не все элементы этикета до сих пор сохранены в современной культуре. Остатки пришедших издревле церемоний, таких как помолвка, дарение друг другу приданого, приветствие родственников, банкеты родственников и друзей и проведение официальных свадебных церемоний, по-прежнему распространены. Популярен в обеих странах и медовый месяц, содержащий в себе не только ритуализированную концепцию, но и неотъемлемую часть подготовки к будущей семейной жизни.

Анализ данных культур подтверждает актуальность исследования со стороны лингвистики, опираясь на малоизученность в данной области. Стремительно развивающиеся отношения между Россией и Китаем предполагают более углубленное изучение свадебной этики и медового месяца как одного из структур церемонии.

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что анализ лингвокультурологических особенностей свадебного этикета является малоизученной и особо актуальной областью исследования в рамках гуманитарных исследований. В качестве выводов выделим следующие положения:

1. Наиболее продуктивным и целесообразным можно считать анализ свадебного обряда, осуществленный по принципу лингвокультурологического комментария. Выбор данного методологического инструментария позволяет понять место данного ритуала в системе национальных культурных ценностей, его функциональную нагрузку, роль обозначенного фрагмента в языковой картине мира этноса.

2. Процедурно-лингвокультурологический комментарий разворачивается поэтапно. Первый этап – знакомство с культурологическим контекстом свадебного обряда. Данный этап необходим (особенно для представителей иной лингвокультуры), чтобы восполнить возможные тезаурусные лакуны, выстроить материал системно и последова-

тельно. Следующий этап имеет собственно лингвистическую направленность: осуществляется семантический анализ ключевых слов, наиболее ярко отражающий смысл свадебного обряда. В нашем случае внимание автора было сосредоточено на таких лексемах-репрезентантах, как *свадьба* и *медовый месяц*.

3. Сравнительный лингвокультурологический анализ свадебных обрядов разных этносов (здесь: русских и китайцев) позволяет, применив теорию семантической вариантности, установить универсальные и варианты смысловые признаки, характерные для национальных представлений о традиционной русской и традиционной китайской свадьбе. Универсальные лингвокультурологические смыслы являются общими для всех культур цивилизации. Это те аксиологические смыслы, заложенные в представление о брачном союзе как объединении двух людей на основе любви, верности, понимания. Вариантные смыслы реализуются в конкретной лингвокультуре. Они обусловлены комплексом собственно языковых и внелингвистических факторов. Последние играют определяющую роль. В числе внеязыковых факторов выделим критерий соотнесенности с морально-этическими нормами и стереотипами, принятыми в обществе и функционирующими в нем длительное время. Так, в русской культуре отмечается такая специфичная черта свадебного обряда, как необходимость в благословении брака свыше со стороны служителей церкви (это традиционная установка без учета современных тенденций смыслообозначения и интерпретации). В китайской культуре в связи с реализацией свадебного ритуала отмечается следование идее поклонения, присутствию в выборе партнера по семейному союзу установки на долгие, нерушимые отношения. В обеих лингво-

культурах почитается мнение рода, выказывается уважение и почет молодых к родителям.

4. Язык фиксирует в арсенале своих средств в части их семантики и общие, и варианты смыслов. Анализ идиомы *медовый месяц* свидетельствует о том, что в российской и китайской лингвокультурах представлены как инвариантная трактовка значения этой языковой единицы, относящейся к тематической группе лексем «Свадьба» (месяц после свадьбы, когда молодые проводят все свое время друг с другом и освобождаются от решения насущных проблем), так и варианты интерпретации. В частности, в Китае идиома имеет более широкое лексическое значение и может обозначать в целом гармонию в отношениях между людьми, а не только между вступившими только что в брак. В русской лингвокультуре данная идиома отличается большей частотностью в употреблении в рамках различных жанров текста (тостах, в произведениях художественной литературы).

В целом заявленная проблема отличается перспективами в своем дальнейшем изучении. Несмотря на то, что сегодня этикет во многом носит скорее условный характер, но над тем, чтобы ему соответствовать, задумываются почти все пары. Свадьба воспринимается не просто как семейный праздник, а как статусное мероприятие – именно это заставляет планировать все до мелочей, обращаться к специалистам и переживать за каждую деталь. Полученные результаты могут стать теоретическим материалом для дальнейшего исследования русского и китайского языков и найти практическое применение в спецкурсах и исследовательских работах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, речевому этикету, истории литературного языка, а также в лингводидактике, лингвострановедении, этнопедагогике.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Трегубова Е. Н. Честь и почести: лингвокультурологический анализ аксиологических концептов свадебного обряда // Вестник Рязанского гос. ун-та имени С. А. Есенина. 2012. № 3 (36). С. 111–121.
3. Романова А. Г., Сухарева Е. В. Современный этикет: большая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2014. 240 с.
4. Уорнер Д. Энциклопедия свадебного этикета: от помолвки до медового месяца. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 220 с.
5. Хадеева А. П. Китайская ритуальная символика в аксиологическом аспекте // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение. Иркутск: Изд-во Евраз. лингв. ин-та, 2015. С. 251–261.
6. Ван Д. Происхождение и определение традиционных китайских ритуалов и обычаев // Культура и цивилизация. 2019. № 9 (2-1). С. 105–114.
7. Цзюй С. Китайская традиционная культура брака в современном обществе // Сотрудничество России и Китая в сфере образования, культуры и туризма в XXI в.: возможности и перспективы. СПб.: Астерион, 2019. С. 80–84.
8. Цзоу Х. Социально-философский анализ ритуала. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. 122 с.
9. Го Ц. Особенности свадебного обряда в Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Доржи Банзарова, 2017. С. 55–57.
10. Ду Ц. Репрезентация представлений о свадьбе и браке в русских и китайских поговорках // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2021. С. 48–53.

11. Дун Ж., Слышкин Г. Г. Свадебный ритуал в современной китайской и русской городской культуре // Социология города. 2008. № 2. С. 3–13.
12. Ли Л. Свадебный обряд в китайской и русской культурной традиции // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Иркутск: Отгис, 2018. С. 189–194.
13. Ямалетдинова А. М., Го П. Репрезентация свадебных традиций в русской и китайской языковых картинах мира / Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2018. С. 426–432.
14. Фаткуллина Ф. Г. Базовые понятия лингвокультурологического анализа // Русистика. 2017. № 15 (2). С. 175–188.
15. Виноградов В. В. История слов. Русский язык: история и современное состояние. М.: Толк, 1994. 1138 с.
16. Зиновьева Е. Н. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. СПб.: Нестор-История, 2016. 179 с.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академ. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
18. Каминская Е. А. Культурные смыслы традиционного фольклора // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2014. № 2 (38). С. 45–49.
19. Косарева Е. К. Лексическая репрезентация имени концепта «Свадьба» (на материале китайского языка) // Цифровая наука. 2021. № 5. С. 40–54.
20. Свадьба // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. С. 36.
21. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 878 с.
22. Праздничные тосты. URL: https://pozdrawlandiya.ru/load/s_medovym_mesjacom/pozdravlenija_s_medovym_mesjacom/56-1-0-256 (дата обращения: 23.11.2021).
23. Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. Электронная библиотека Онлайн-Читать.РФ. URL: <https://онлайн-читать.рф/гоголь-мертвые-души/> (дата обращения: 23.11.2021).
24. Вяземский П. Автобиографическое введение. Электронная библиотека LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/book/161333/read-avtobiograficheskoe-vvedenie-petr-vyazemskij> (дата обращения: 23.11.2021).

References

1. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
2. Tregubova E. N. Chest' i pochesti: lingvokul'turologicheskij analiz aksiologicheskikh kontseptov svadebnogo obryada [Honor and honors: a linguistic and cultural analysis of the axiological concepts of the wedding ceremony]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina – Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2012, no. 3 (36), pp. 111–121 (in Russian).
3. Romanova A. G., Sukhareva Ye. V. *Sovremennyy etiket: bol'shaya entsiklopediya* [Modern etiquette: a big encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 240 p. (in Russian).
4. Uorner D. *Entsiklopediya svadebnogo etiketa: ot pomolvi do medovogo mesyatsa* [The Encyclopedia of Wedding Etiquette: From Engagement to Honeymoon]. Saint Petersburg, Praym-Yevroznak Publ., 2008. 220 p. (in Russian).
5. Khadeyeva A. P. Kitayskaya ritual'naya simbolika v aksiologicheskom aspekte [Chinese ritual symbolism in an axiological aspect]. In: *Kul'tury i yazyki stran Dal'nego Vostoka* [Cultures and languages of the countries of the Far East: study and training]. Irkutsk, Eurazion linguistic Institute Publ., 2015. Pp. 251–261 (in Russian).
6. Wang D. Proiskhozhdeniye i opredeleniye traditsionnykh kitayskikh ritualov i obychayev [Origin and definition of traditional Chinese rituals and customs]. *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and civilization*, 2019, no. 9 (2-1), pp. 105–114 (in Russian).
7. Ju S. Kitayskaya traditsionnaya kul'tura braka v sovremenном obshchestve [Chinese traditional culture of marriage in modern society]. In: *Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v sfere obrazovaniya, kul'tury i turizma v XXI veke: vozmozhnosti i perspektivy* [Cooperation between Russia and China in the field of education, culture and tourism in the XXI century: opportunities and prospects]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2019. Pp. 80–84 (in Russian).
8. Zou H. *Sotsial'no-filosofskiy analiz rituala* [Socio-philosophical analysis of ritual]. Chita, ZabGU Publ., 2013. 122 p. (in Russian).
9. Guo Ts. Osobennosti svadebnogo obryada v Kitaye [Features of the wedding ceremony in China]. In: *Aziatsko-Tikhoookeanskiy region: istoriya i sovremennost'* [Asia-Pacific Region: Past and Present]. Ulan-Ude, Buryatskogo gos. un-ta im. Dorzhi Banzarova Publ., 2017. Pp. 55–57 (in Russian).
10. Du Ts. Reprezentatsiya predstavleniy o svad'be i brake v russkikh i kitayskikh paremiyakh [Representation of ideas about wedding and marriage in Russian and Chinese pariahs]. In: *Nauchnaya initsiativa inostrannykh studentov i aspirantov* [Scientific initiative of foreign students and graduate students]. Tomsk, TPU Publ., 2021. Pp. 48–53 (in Russian).
11. Dun Zh., Slyshkin G. G. Svadebnyy ritual v sovremennoy kitayskoy i russkoy gorodskoy kul'ture [Wedding ritual in modern Chinese and Russian urban culture]. *Sotsiologiya goroda – Sociology of the City*, 2008, no. 2, pp. 3–13 (in Russian).

12. Li L. Svadebnyy obryad v kitayskoy i russkoy kul'turnoy traditsii [Wedding ceremony in the Chinese and Russian cultural tradition]. In: *Rossiyskaya tsivilizatsiya: istoriya, problemy, perspektivy* [Russian civilization: history, problems, prospects]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018. Pp. 189–194 (in Russian).
13. Yamaletdinova A. M., Go P. Reprezentatsiya svadebnykh traditsiy v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira [Representation of wedding traditions in Russian and Chinese language pictures of the world]. In: *Sopostavitel'no-tipologicheskii rakurs v issledovanii raznostrukturnykh yazykov* [Comparative typological perspective in the study of languages of different structures]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2018. Pp. 426–432 (in Russian).
14. Fatkullina F. G. Bazovyye ponyatiya lingvokul'turologicheskogo analiza [Basic concepts of linguoculturological analysis]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2017, no. 15 (2), pp. 175–188 (in Russian).
15. Vinogradov V. V. *Istoriya slov. Russkiy yazyk: istoriya i sovremennoye sostoyaniye* [History of words. Russian language: history and current state]. Moscow, Talk Publ., 1994. 1138 p. (in Russian).
16. Zinov'yeva Ye. N. *Lingvokul'turologiya: ot teorii k praktike: uchebnyk* [Linguoculturology: from theory to practice: textbook]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 179 p. (in Russian).
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 938 p. (in Russian).
18. Kaminskaya E. A. Kul'turnyye smysly traditsionnogo fol'klora [Cultural meanings of traditional folklore]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstva – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (38), pp. 45–49 (in Russian).
19. Kosareva E. K. Leksicheskaya reprezentatsiya imeni kontsepta “Svad’ba” (na materiale kitayskogo yazyka) [Lexical representation of the name of the concept “Wedding” (based on the Chinese language)]. *Tsifrovaya nauka*, 2021, no. 5, pp. 40–54 (in Russian).
20. Svad’ba [Wedding]. In: *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 4. S–YA. P. 36 (in Russian).
21. Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 878 p. (in Russian).
22. *Prazdnichnyye tosty* [Festive toasts] (in Russian). URL: https://pozdrawlandiya.ru/load/s_medovym_mesjacom/pozdravleniya_s_medovym_mesjacom/56-1-0-256 (accessed: 23 November 2021).
23. Gogol' N. V. Mertvyye dushi: poema [Dead souls: a poem]. *Elektronnaya biblioteka Onlayn-Chitat'.RF* [Electronic library Online-Read.RF] (in Russian). URL: <https://онлайн-читать.рф/гоголь-мертвые-души/> (accessed 23 November 2021).
24. Vyazemskiy P. Avtobiograficheskoye vvedeniye [Autobiographical introduction]. *Elektronnaya biblioteka LiveLib* [Electronic library LiveLib] (in Russian). URL: <https://www.livelib.ru/book/161333/read-avtobiograficheskoe-vvedenie-petr-vyazemskij> (accessed 23 November 2021).

Информация об авторах

Ду Цзинцэн, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, Москва, 10, Россия, 117198).

Сунь Юйно, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, Москва, 10, Россия, 117198).

Information about the authors

Du Jingzeng, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya, 10, Moscow, Russian Federation, 10117198).

Sun Yunuo, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya, 10, Moscow, Russian Federation, 10117198).

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 01.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 81.25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-114-122>

ПЕСЕННЫЕ ТЕКСТЫ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Нгуен Тхи Тхуй Кунь¹, Надежда Вадимовна Крицкая²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *thuyquynhsm@gmail.com*

² *nadia66@mail.ru*

Аннотация

Введение. Важную роль в анимационных фильмах выполняет музыкально-песенный аспект, выполняющий особую функцию и требующий специального подхода к иноязычному воспроизведению.

Актуальность исследования обусловлена вниманием современного переводоведения к поиску эффективных способов перевода песен и улучшению качества такого перевода в связи с возрастающей ролью анимационных фильмов в качестве посредников межкультурного обмена.

Цель – на основе рассмотрения основных функциональных, лингвистических и структурных аспектов песенных текстов выявить основные способы их перевода и проанализировать их применимость к переводу песен анимационных фильмов.

Материал и методы. Материалами исследования послужили источники по проблемам перевода песенных и аудиовизуальных текстов, а также песенные тексты анимационного фильма «Mulan» (Walt Disney, 1998). В качестве методов использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение. Принадлежность песен к текстам художественного стиля определяет их лексико-семантическое и синтаксическое наполнение, ритмическую и структурную организацию, в совокупности обеспечивающие их эстетическую ценность. В анимационном фильме структура и смысловая интерпретация песенного текста могут варьироваться, поскольку специфика жанра связана с зависимостью песни от сюжета и образов персонажей. Как формальная организация, так и содержательное наполнение песенного текста представляют собой равную важность для его полноценного иноязычного воспроизведения.

Из разновидностей аудиовизуального перевода для перевода песен в анимационных фильмах применимы субтитрование и дубляж с преимуществом последнего в случае единственного перевода. При анализе применимости к дубляжу песен методов П. Лоу и Й. Франзона выявлено, что оптимальным вариантом для анимационных фильмов является адаптация текста, с наименьшими потерями позволяющая сохранить оба основных компонента песни – смысл и мелодию, с учетом специфики анимационного кино и ограничений перевода песен, а также аудиовизуального перевода.

Заключение. Лексико-семантические, синтаксические, стилистические и структурные особенности песенного текста накладывают ряд ограничений на его перевод. В случае песен в анимационных фильмах эти ограничения дополнительно лимитированы их фактом принадлежности к аудиовизуальным продуктам, связывающим переводчика с необходимостью синхронизации исполнения с экранным изображением. Несмотря на существование ряда опций, наиболее щадящим вариантом иноязычного воспроизведения таких песен является адаптация текста на переводящем языке к оригинальной мелодии.

Ключевые слова: *анимационные фильмы, перевод песен, аудиовизуальный перевод, песенный текст, поэтический текст.*

Для цитирования: Нгуен Тхи Тхуй Кунь, Крицкая Н. В. Песенные тексты анимационных фильмов и особенности их перевода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 114–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-114-122>

Original article

SONG LYRICS IN ANIMATION FILMS AND FEATURES OF THEIR TRANSLATION

Thi Thuy Quynh Nguyen¹, Nadezhda V. Kritskaya²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ thuyquynhsm@gmail.com

² nadia66@mail.ru

Abstract

Introduction. Relevance of the research is determined by the interest of modern translation science in search of effective ways of songs rendition, as animation films are getting the significant role as participants of modern cross-cultural communication.

Aim and objectives. The present paper attempts to discuss main functional, linguistic and structural aspects of song lyrics and analyze methods of their translation, as well as study applicability of these methods to song rendition in animation films.

Materials and methods. The research is based on theoretical materials on audiovisual- and song translation, the exemplary texts taken from animation film “Mulan” (Walt Disney, 1998).

Results and discussion Belonging to belles-lettres functional style, songs share with poetic texts their lexico-semantic and syntactic features, as well as rhythmic and structural organization, which adds to their esthetic value. The specificity of songs in animation films is determined by their dependence on the plot and characters, both the form and the semantics of lyrics being equally important for their full-size foreign understanding. Subtitling and dubbing are the two methods of audiovisual translation, which fit the requirements of song rendition, with the latter as more preferable. Analyzing methods of modern song rendition and their applicability to the translation of songs in animation films, while having in mind certain limitations of both song- and audiovisual translation, we found out that the optimal option probably would be text adaptation, allowing to preserve the semantics and the melody as the two inseparable sides of the song unity.

Conclusion. Lexico-semantic, syntactic, stylistic and structural peculiarities of song texts determine the features of their translation. From the whole list of translation options, the gentler one would be adaptation of the text to the original melody.

Keywords: animation films, song lyrics, song lyrics translation, audiovisual translation, poetic text

For citation: Thi Thuy Quynh Nguyen, Kritskaya N. V. Pesennyye teksty animatsionnykh fil'mov i osobennosti ikh perevoda [Song Lyrics in Animation Films and Features of Their Translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 114–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-114-122>

Введение

Особое место среди посредников межкультурной коммуникации сегодня занимает киноиндустрия, производящая огромное количество фильмов, в том числе анимационных, а также их саундтреков, подлежащих переводу на другие языки для привлечения международной аудитории. Когда фильмы пересекают географические границы и попадают в новую страну с собственным языком и культурой, особенно важен их неискаженный перевод.

Одной из принципиальной составляющих анимационных фильмов, особенно полнометражных, являются песни, которые не только сопровождают сюжет, но и несут в таких фильмах особую нагрузку и, следовательно, требуют специального подхода к переводу на другие языки. Вместе с тем особенности перевода песен в анимационных фильмах не становились предметом лингвистических исследований как и собственно перевод песен, все еще являющийся малоизученным аспектом перево-

доведения вследствие тесной связи песенного текста с музыкой.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом к поиску современных и эффективных способов перевода песен и улучшению качества такого перевода, поскольку анимационные фильмы становятся все более популярными источниками межкультурного обмена.

Цель исследования – на основе рассмотрения основных функциональных, лингвистических и структурных аспектов песенных текстов выявить основные способы их перевода и проанализировать их применимость к переводу песен анимационных фильмов.

Материал и методы

Материалами исследования послужили теоретические источники по проблемам поэтических, песенных и аудиовизуальных текстов и особенностям их перевода, а также песенные тексты анима-

ционного фильма «Mulan» (Walt Disney, 1998). В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение

Песня, совмещающая в себе музыкальный и лингвистический компоненты, наряду с культурной составляющей, является многоаспектным феноменом. Как и другие художественные произведения, особенно поэтические, песня является способом выражения эмоций, состояния, образного мышления. Выражая эту точку зрения, Л. Г. Дуняшева замечает: «Песня как способ выражения культуры представляет собой эстетическую, эмоционально-нравственную интерпретацию многообразия окружающей действительности и способ художественного выражения внутреннего мира человека» [1, с. 157].

Традиционно песня состоит из двух основных компонентов: текста и мелодии. При этом тексты песен нередко публикуются самостоятельно в составе поэтических сборников, а мелодии могут быть исполнены инструментально [2].

Текст песни в совокупности с контекстом ее создания и интерпретацией называется песенным дискурсом [3, с. 3]. Для анализа песенного дискурса необходимо принимать во внимание жанровую принадлежность песни, без учета которой изучение такого дискурса не будет полным и всесторонним. Под термином «жанр» мы понимаем «исторически оформленный, культурно обусловленный, закрепившийся, узнаваемый и перенимаемый набор инвариантных произведений-моделей, специфичных по форме и содержанию и направленных на реализацию некоторых функций» [4, с. 110]. В данной статье рассматривается жанр песни в анимационном фильме, отличающийся от других песенных жанров тесной зависимостью от сюжета, образов и эмоций персонажей фильма.

Структурно песенные тексты в анимационных фильмах, как правило, состоят из шести основных частей:

– вступление (intro), обычно являющееся самой медленной и сдержанной частью песни; его цель – задать ритм, темп и мелодию, подготовить слушателя к первому куплету;

– куплет (verse), в котором разворачивается история, развивается и продвигается вперед сюжет;

– пред-припев (pre-chorus), как правило, помогающий усилить эмоциональное воздействие припева;

– припев (chorus), являющийся кульминацией всех идей песни (поэтому фрагменты куплета часто используются в качестве песенного названия).

– бридж (bridge), который обычно появляется только один раз ближе к концу песни, чаще между вторым и третьим припевами. Бридж связан с изменением темпа песни и выделяется как лирически, так и музыкально с целью вывести слушателя из задумчивости и подготовить его к окончанию песни;

– концовка (outro) – заключительная часть песни, сигнализирующая слушателю, что песня пошла к финалу.

Приведенная структура – это особенность, отличающая песенный текст от текста поэтического. В отличие от архитектоники поэтического текста, в котором обычно фиксировано количество строк и слогов в строках, структура песни более свободна. Вместе с тем песня представляет собой гармоничное сочетание текста и мелодии, ее фактическая структура в значительной мере зависит от последней. Песня не обязательно содержит все приведенные шесть частей, количество которых может варьироваться в зависимости от цели автора. В анимационном фильме, контексты песен которого в основном определяются содержанием какого-либо сюжетного фрагмента, песенный текст обычно представляет собой рассказ; по этой причине некоторые части песни могут появляться не один, а два или более раза, иллюстрируя разные контексты и неся в себе неодинаковые смыслы в зависимости от поворотов сюжета фильма.

Помимо структурных особенностей, песенные тексты, как и любые другие художественные тексты, обладают лексико-семантической специфичностью. Авторы песни, комбинируя музыкальные и поэтические средства, пытаются вызвать в слушателе эмоциональный резонанс, являющийся необходимой частью полноценной передачи их творческого замысла. Однако в отличие от поэтических текстов, которые не ограниченный временными рамками читатель может неоднократно перечитывать в поисках скрытого, неочевидного смысла, тексты песен в анимационных фильмах, как правило, более просты, потому что их реципиентом является преимущественно детская аудитория. Вокабуляр в таких текстах часто тяготеет к разговорному стилю и в основном не обременен избыточной, трудной для восприятия образностью. Вместе с тем тексты анимационных фильмов являются творческими произведениями и априори должны обладать эстетической ценностью, в них все же присутствуют средства лексико-семантической стилистической выразительности. Метафоры, персонификации, художественные сравнения (симилия), метонимия – распространенные типы образных языковых средств, используемых в текстах песен таких фильмов.

Звуковая, фонетическая сторона песни «держится» на мелодии, рифме и ритме. В текстах пе-

сен анимационных фильмов, написанных специально для исполнения, рифма и ритм играют важную роль, в большой мере обеспечивая эстетическую ценность этих произведений.

Рифма – это одно из средств, которое чаще всего ассоциируется не только с поэтическими, но и песенными текстами; по Ю. М. Лотману, рифма есть «звуковое совпадение слов или их частей в конце ритмической единицы при смысловом несовпадении» [5, с. 72]. Вместе с тем, согласно П. Лоу, рифма в песне – это «специфический случай», поскольку с ней связана мелодическая сторона произведения [6, с. 192]; поэтому наряду с «традиционными» видами рифм, связанными с созвучием конечных букв в параллельных строках, в песенных текстах нередко присутствует внутренняя рифма, когда два или более слова рифмуются внутри одной строки. В частности, при анализе песенных текстов анимационного фильма «Mulan» (Walt Disney, 1998) – «Honor to us all», «Reflection», «I'll make a man out of you» и «A girl worth fighting for» – мы обнаружили три различных типа внутренних рифм:

– рифма внутри одной строки, обеспеченная созвучием двух или более слов, например: «*Now I see, that if I were truly to **be** myself / I would break my family's heart*» [7];

– рифма внутри разных строк, когда два или более рифмующихся слова появляются в середине двух или более отдельных строк, например: «*I couldn't care less what she'll wear, / Or what she **looks** like / It all depends on what she **cooks** like*» [8];

– рифма на конце одной строки и в середине следующей, например: «*With all the strength of a raging **fire** / Mysterious as the dark **side** of the moon*» [9].

Еще одним принципиальным компонентом песенных текстов является ритм, определяемый в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «равномерное чередование каких-нибудь элементов (в звучании, в движении)» [10, с. 680]. В целом ситуация превращения стихотворного текста в песенный достаточно обыденна, и именно ритм является основной предпосылкой для такой реализации. В поэзии тип ритма, которому следует текст, определяется схемой чередования ударных и безударных слогов внутри строки, и поэтические ритмы измеряются в метрических стопах; в музыке же ритм создает композиционную структуру. По мнению Д. К. Кирнарской, музыкальный ритм – это движение в звуковой форме, так как «ритм рождается из движения и как бы описывает его, сохраняет его следы, даже если самого движения уже нет» [11, с. 100]. Ритм в тексте песни зависит от темпа, времени звучания и метра.

С точки зрения синтаксической организации, песенные тексты также имеют ряд особенностей. Например, для таких текстов характерны разнообразные повторы, имеющие целью подчеркнуть контекст какого-либо песенного фрагмента, а также имплицитно заставить слушателей лучше его запомнить. Для реализации этой задачи поэты-песенники прибегают к самым разным видам повторов, от повторения отдельных слогов до целых синтаксических структур с параллельной организацией. Синтаксический параллелизм представляет собой повторение одной и той же синтаксической модели в последующем высказывании с другим или частично другим лексическим наполнением в пределах одной, двух или нескольких стихотворных строк одной строфы или ряда строф поэтического произведения [12, с. 21]. В частности, запоминаемым фрагментом текста, несколько раз повторяемым на протяжении песни, является припев.

Как и в поэтических текстах, в песенных текстах широко используется инверсия – сильное стилистическое средство, достигаемое путем изменения порядка слов, а также риторический вопрос. В целом синтаксические средства выразительности играют значительную роль в создании эмоциональной выразительности таких текстов, способствуя их более легкому пониманию и запоминанию.

Таким образом, песенный текст имеет ряд специфических особенностей как в плане формальной организации, так и на содержательном уровне, и обе эти составляющие представляют собой равную важность для его полноценного иноязычного воспроизведения.

Особенности перевода песенных текстов в анимационных фильмах

Поскольку песенный текст, как правило, представляет собой разновидность текста поэтического, остановимся на более общем вопросе перевода поэтических текстов. Несмотря на то, что по факту задача такого перевода решается «на месте» самим переводчиком, действующим исходя из собственного понимания исходного материала, существуют теоретические положения, ограничивающие рамки свободы переводческой интерпретации. Нельзя не согласиться с S. K. Tanskanen в том, что поэзия является самым сложным для перевода из всех литературных жанров в связи с особенностями звуковой организации, наличием рифмы и размера, которые трудно поддаются иноязычному воспроизведению [13, с. 9]. S. Hariyanto в работе «Методы перевода поэтического текста» отмечает, что несмотря на существование множества методов перевода художественного текста, не все они подходят для перевода текста стихотворного [14]. В частности,

S. Bassnett-McGuire перечисляет семь возможных методов перевода стихов: фонематический, дословный, метрический, прозаический, рифмованный, свободный перевод и интерпретация [15, с. 81]:

– *Фонематический перевод* пытается воссоздать преимущественную фонетику оригинала, и его смысл передается не в полной мере.

– *Дословный (буквальный) перевод* страдает от нарушения структуры фраз и предложений в тексте перевода и, следовательно, от потери части исходной семантики, поскольку в поэтическом тексте последняя во многом зависит от формальной организации текста.

– *Метрический перевод* акцентирует воспроизведение в тексте перевода исходного метра. Однако поскольку каждый язык имеет собственную систему ударений и специфику произношения, использование этого метода также может привести к искажению смысла и структуры оригинала.

– При *свободном переводе* возможно нахождение точных эквивалентов в языке перевода, а также сохранение фонетической стороны оригинального текста; однако поскольку рифма и метр часто игнорируются, структурно текст перевода отличается от исходного, хотя и сохраняет его семантику.

– Основным и предсказуемым недостатком *прозаического перевода* стихотворного текста является потеря красоты исходного произведения.

– *Рифмованный перевод* связан с переносом в другой язык рифмы исходного стихотворения; результат будет структурно аналогичным, однако семантически неточным.

– *Интерпретация* существует в двух видах: *версия* и *имитация*. В случае версии стихотворения семантика текста перевода будет соответствовать оригинальной, но структура может быть полностью отлична. При имитации перевод выглядит совершенно другим стихотворением, однако название, тема и отправная точка совпадают с оригиналом.

Изучение перевода песенных текстов – довольно новое направление в переводоведении, которое лишь недавно стало привлекать внимание исследователей [16, с. 14]. Однако песни играют важную роль в определенных художественных жанрах, подлежащих переводу, и в частности в анимационных фильмах, где они являются элементом повествования и служат для развития сюжета. Кроме того, в таких фильмах песни часто используются для усиления эмоционального воздействия какой-либо сцены, выражая чувства и мысли персонажей, которые невозможно передать непосредственно при помощи исключительно зрительного образа. Перевод песенных текстов в анимационных фильмах осложнен этой взаимозависимостью пе-

сни и сюжета, поскольку такие песни, как и сами фильмы, являются аудиовизуальными продуктами. Говоря о способе перевода песен в анимационных фильмах, можно выделить два популярных варианта: субтитрование и дублирование.

– *Дублирование (дубляж)* – это вид перевода аудиовизуальных произведений, при котором осуществляется полная замена иноязычной речи актеров на речь на целевом языке с целью трансляции этого произведения в зарубежных странах. Актеры для дубляжа подбираются в соответствии с возрастом, голосом, темпераментом персонажа. При переводе при помощи полного дубляжа необходимо синхронизировать мимику и артикуляцию актеров (*lip-sync*), поэтому переводчик вынужден фактически синтезировать текст заново. Дублированные песни должны иметь возможность вокального исполнения (*singability*), обусловленную характеристиками текста перевода, предназначенного для исполнения, и переводчики в попытке создать тексты, которые можно петь (*singable translation*), сталкиваются с особыми ограничениями, поскольку необходимо учитывать также музыкальные факторы [2, с. 334].

Песни, появляющиеся в фильмах, представляют собой взаимозависимость слов, музыки и изображения, и каждый из этих элементов создает несколько ограничений для перевода. Слова могут вызвать проблемы лингвистические и культурные, в то время как музыка порождает проблемы рифмы, ритма, просодии и так далее. Изображение также имеет широкий спектр ограничений, наиболее заметным из которых является рассмотренный выше lip-sync.

В частности, одной из задач, с которой сталкивается переводчик при переводе песен, является проблема рифмы. Нередко вследствие объективной специфики фонетической организации переводимого и переводящего языков (например, английского и русского), однозначной эквивалентности в структуре рифм в исходном и переводном тексте достичь не удастся, и если оригинальный текст имеет шаблонную рифму, для успешного перевода не обязательно воспроизводить идентичную схему.

Еще одной серьезной технической проблемой является согласование ритма, связанное с вопросами количества слогов, ударения и длины строк. Чтобы сохранить ритм, исходный текст и текст перевода должны иметь одинаковое количество слогов в каждой строке. П. Лоу считает, что в случае нехватки в целевом тексте слогов, возможно добавить новое слово или фразу, повторить слово или фразу или же отбросить несколько музыкальных тактов. Кроме того, для сохранения продолжительности мелодии, переводчик должен обращать внимание на длину гласных и роль согласных как в ис-

ходном тексте, так и в тексте перевода [6]. Третий вариант, способствующий сохранению ритма, – определение ударных слогов в исходном тексте с последующим созданием перевода с таким же ударением в тексте целевом.

Когда в фильм включены песни, ограничения, относящиеся к аудиовизуальному переводу, накладываются на ограничения, связанные с песенным переводом. Песни в фильмах состоят не только из звуковых, но и из визуальных элементов, которые неразрывно связаны друг с другом, поскольку в процессе дубляжа движения губ, а также начало и конец произнесения фразы дублирующим актером должны совпадать с мимикой актера на экране.

Таким образом, из-за ограничений, связанных с особенностями песенного текста, переводчики прибегают к различным методам, пытаясь преодолеть трудности перевода данного вида исходного материала. К ним относятся не только стандартные методы, такие как перефразирование, транспозиция и модуляция, но и более новаторские стратегии, например, замена метафор, компенсация, калькирование, опущение или экспликация, культурная адаптация, стилистическая эквивалентность, упрощение сложных стихов, замена рифмы ассонансом, а также добавление слов для решения ритмических проблем [6].

– *Субтитрование* – это сокращенный перевод текста, который отражает основное его содержание и сопровождает визуальный ряд в виде текста в нижней части экрана.

Данные формы аудиовизуального перевода имеют разные цели, особенно при переводе песен. Когда песня переводится при помощи субтитров в мюзикле, основная цель состоит в том, чтобы аудитория понимала содержание иностранных текстов, поскольку в таком фильме песни часто являются частью диалога [17, с. 211]. Следовательно, при переводе песен способом субтитрования можно пропустить просодические элементы, такие как ритм и рифма, поскольку они обычно не важны для понимания ее содержания. При переводе песен способом дублирования, напротив, необходимо сохранять музыкальность, потому что песня должна исполняться. Тем не менее необходимо помнить и о семантическом аспекте песни, обычно важном для сюжета фильма.

При необходимости перевода песен в анимационных фильмах в целом необходимо принять во внимание на методы П. Лоу и Й. Франзона, отражающие самые популярные подходы к переводу песен (*song rendition*).

П. Лоу: три подхода к переводу песен. П. Лоу считает, что когда песня, созданная на одном языке, поется на другом, ее текст будет либо перево-

дом, либо аранжировкой, либо замещающим текстом [6, с. 229]. По мнению автора, в случае *перевода* материал передается из исходного текста «с разумно высокой степенью семантической точности». При *аранжировке* текст имеет меньшую степень эквивалентности исходному тексту, поскольку использование этого метода приводит к обширным и преднамеренным отклонениям от оригинала. *Замещающий текст* П. Лоу определяет как текст песни, созданный для существующей мелодии, но не передающий семантической ценности исходного текста [6, с. 35].

В случае песен в анимационных фильмах вряд ли будет использоваться подход «замещающего текста», потому что песня, безусловно, является частью такого фильма. По поводу аранжировки можно сказать, что поскольку текст связан с мелодией, последняя также может измениться при переводе и в результате приобрести совершенно иное звучание, не имеющее отношения к оригиналу. И наконец, вариант «перевода» текста позволяет сохранить все основные компоненты песни, ее текст и мелодию, однако для решения этой задачи переводчик должен обладать глубоким пониманием переводящей культуры, а также музыкальной грамотностью.

– *Й. Франзон: пять вариантов перевода песен.* Основываясь на понимании того, что «песня имеет три аспекта (музыка, текст и предполагаемое исполнение), а музыка – мелодию, гармонию и музыкальный смысл», Й. Франзон предположил, что при переводе песен существуют пять возможностей, а именно: 1) оставить песню непереуверенной; 2) переводить текст без учета музыки; 3) создать новый текст к оригинальной музыке, не имеющий отношения к исходному; 4) переводить текст и адаптировать к нему музыку. Иногда на этом уровне требуется совершенно новое сочинение; 5) адаптировать перевод к оригинальной музыке [18].

Основываясь на этих опциях, переводчик может предпочесть либо переводить только смысл исходного текста песни (вариант 2), либо сохранять музыку (вариант 3), либо попытаться уравновесить эти два элемента, чтобы после перевода песни могли исполняться (варианты 4 и 5). Вместе с тем жесткое разделение на пять взаимоисключающих вариантов возможно только в теории, а на практике возможно их совместное использование.

В отношении песен анимационных фильмов по поводу вышерассмотренных вариантов Й. Франзона можно сделать несколько замечаний.

– Когда анимационный фильм переводится на другие языки, его преимущественная аудитория – это дети. Поэтому если песня останется

непереведенной, то, во-первых, будет потеряна смысловая часть фильма, которая останется непонятной для детей, чей родной язык не является языком песни, во-вторых, возможно нарушение целостности фильма. Метод непереведенной песни имеет смысл только в том случае, если зрители понимают исходный язык или если содержание песни не существенно влияет на понимание фильма. Поэтому перевод песни в анимационном фильме – это необходимость, а иногда и обязательное условие, если фильм выходит на международный уровень.

– Как и в случае воспроизведения при помощи аранжировки, предлагаемого П. Лоу, перевод песни без учета мелодии вызовет проблему несоответствия. Однако опционально текст песни может быть сначала переведен без учета музыки, для определения основной идеи, а затем подкорректирован и адаптирован к исходной мелодии.

– Создание нового текста песни на основе исходной мелодии в данном случае осложнено наличием взаимосвязи песни и сюжета. Фактически во многих диснеевских фильмах песни успешно переводятся, и их исходная мелодия сохраняется. Адаптация новой музыки к переводу текста песни является редким случаем при переводе песен в анимационном фильме. И наконец, последний вариант, предлагаемый Й. Франзоном, кажется опти-

мальным, поскольку он способствует сохранению обоих основных компонентов песни.

Заключение

Песенный текст, являющийся разновидностью поэтического текста, характеризуется особой структурой, рифмой и ритмической организацией, а также наличием образных средств стилистической выразительности наряду с отчетливой культурной составляющей. Данные особенности, в совокупности определяющие эстетическую ценность такого текста, накладывают ряд ограничений на его перевод. Если же песни предназначены не только для исполнения, но сопровождают анимационный фильм, то эти проблемы дополнительно усложнены, поскольку в этом случае песни являются аудиовизуальными произведениями и их исполнение необходимо синхронизировать с изображением на экране. Два возможных способа перевода песен в анимационных фильмах – это дублирование и субтитрование, при этом дубляж имеет преимущество при создании единственного перевода. Анализ ряда подходов к переводу песенного текста показал, что оптимальным способом иноязычного воспроизведения песен в анимационных фильмах является перевод с последующей адаптацией текста к оригинальной мелодии, позволяющий сохранить оба важных элемента песни – текст и мелодию.

Список литературы

1. Дунышева Л. Г. Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе // Ученые записки Казанского ун-та. Казань, 2011. С. 157–166.
2. Горшкова В. Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Вестник Сибирского гос. аэрокосмического ун-та имени академика М. Ф. Решетнева. Иркутск, 2005. С. 141–144.
3. Fairclough N. Language and Globalization. London: Routledge, 2006. 167 p.
4. Шевченко О. В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций песенного дискурса // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 108–115.
5. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство, 1996. 296 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/lot/man/lotman_u_m/o_po/etah/i_poe/zii/o_poetah_i_poezii/index.htm (дата обращения: 20.05.2021).
6. Low P. When songs cross language borders: Translations, Adaptations and 'Replacement Texts' // The Translator. Canterbury, 2013. P. 229–244.
7. Wilder M., Zippel D. J. Reflection // The Walt Disney Company. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/David-Zippel-feat-Matthew-Wilder-Lea-Salonga/Reflection-From-Mulan> (дата обращения: 21.01.2021).
8. Wilder M., Zippel D. J. A girl worth fighting for // The Walt Disney Company. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/Lea-Salonga-Harvey-Fierstein-James-Hong-Jerry-Tondo-Matthew-Wilder/A-Girl-Worth-Fighting-For-Soundtrack-Version> (дата обращения: 26.01.2021).
9. Wilder M., Zippel D. J. I'll make a man out of you // The Walt Disney Company. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/Donny-Osmond/I-ll-Make-a-Man-Out-of-You> (дата обращения: 25.01.2021).
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
11. Кирнарская Д. К. Психология специальных способностей. М.: Таланты-XXI век, 2004. 497 с.
12. Дреева Д. М. Стиховой перенос и синтаксический параллелизм как средства создания связности текста в немецкой эпической поэзии (на материале поэм Г. Гейне): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 26 с.
13. Tanskanen S. K. Discourse in interaction. Canada: Routledge, 2006. 315 p.

14. Hariyanto S. Methods in Translating Poetry // Malang Indonesian State Polytechnic, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/322735211_Problems_in_Translating_Poetry. (дата обращения: 29.01.2021)
15. Bassnett-McGuire S. *Translation Studies*. London: Routledge, 1980. 147 p.
16. Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2015. С. 3–24.
17. Cintas J., Rymaszewski A. *Audiovisual Translation: Subtitling*. London: Routledge, 2014. 287 p.
18. Franzon J. Choices in song translation: Singability in print, subtitles and sung performance // *The Translator*. Helsinki, 2008. P. 373–399.

References

1. Dnyasheva L. G. Kontsept “svoboda” v afroamerikanskom pesennom diskurse [Concept “freedom” in afro-American song discourse]. *Uchionye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. Kazan, 2011. Pp. 157–166 (in Russian).
2. Gorhkova V. E. Osobennosti perevoda fil'mov s subtitrami [Peculiarities of subtitling]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M. F. Reshetnyova – The Siberian Aerospace Journal*, 2005, pp. 141–144 (in Russian).
3. Fairclough N. *Language and Globalization*. London, Routledge, 2006. 167 p.
4. Shevchenko O. V. Tematicheskoye svoebraziye pesennykh tekstov kak sposob realizatsii pesennogo diskursa [Thematic features of song lyrics as the ways of realization of song discourse]. *Izvestiya RGPU imeni A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2009, no. 115, pp. 108–115 (in Russian).
5. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii. Analiz poeticheskogo teksta* [On poets and poetry]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1996. 296 p. (in Russian). URL: https://www.booksite.ru/localtxt/lot/man/lotman_u_m/o_po/etah/i_poe/zii/o_poetah_i_poezii/index.htm (accessed 20 May 2021).
6. Low P. When songs cross language borders: Translations, Adaptations and ‘Replacement Texts’. *The Translator. Canterbury*, 2013. Pp. 229–244.
7. Wilder M., Zippel D. J. Reflection. *The Walt Disney Company*. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/David-Zippel-feat-Matthew-Wilder-Lea-Salonga/Reflection-From-Mulan> (accessed 21 January 2021).
8. Wilder M., Zippel D. J. A girl worth fighting for. *The Walt Disney Company*. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/Lea-Salonga-Harvey-Fierstein-James-Hong-Jerry-Tondo-Matthew-Wilder/A-Girl-Worth-Fighting-For-Soundtrack-Version> (accessed 26 January 2021).
9. Wilder M., Zippel D. J. I’ll make a man out of you. *The Walt Disney Company*. Mulan: An Original Walt Disney Records Soundtrack. URL: <https://www.musixmatch.com/lyrics/Donny-Osmond/I-ll-Make-a-Man-Out-of-You> (accessed 25 January 2021).
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2006. 944 p. (in Russian).
11. Kirnarskaya D. K. *Psikhologiya spetsial’nykh sposobnostey* [Psychology of special abilities]. Moscow, Talanty-XXI vek Publ., 2004. 497 p. (in Russian).
12. Dreyeva D. M. *Stikhovoy perenos i sintaksicheskyy parallelizm kak sredstvo sozdaniya svyaznosti teksta v nemetskoy epicheskoy poezii (na materiale poem G. Geyne). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The poetic transfer and syntactic parallelism as cohesive means in German epic poetry (the study of the poems by H. Heine). Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1990. 26 p. (in Russian).
13. Tanskanen S. K. *Discourse in interaction*. Canada: Routledge, 2006. 315 p.
14. Hariyanto S. Methods in Translating Poetry. *Malang Indonesian State Polytechnic*, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/322735211_Problems_in_Translating_Poetry (accessed 29 January 2021).
15. Bassnett-McGuire S. *Translation Studies*. London, Routledge, 1980. 147 p.
16. Kozul’ayev A. V. Obucheniye dinamicheskoy ekvivalentnomu perevodu audiovizual’nykh proizvedeniy: opyt razrabotki i osvoeniya inovatsionnykh metodik v ramkah shkoly audiovizual’nogo perevoda [Teaching equivalent translation of audiovisual texts: the experience of development and practice of innovation methods within the school of audiovisual translation]. *Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politehnicheskogo universiteta – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2015, no. 13, pp. 3–24 (in Russian).
17. Cintas J., Rymaszewski A. *Audiovisual Translation: Subtitling*. London, Routledge, 2014. 287 p.
18. Franzon J. Choices in song translation: Singability in print, subtitles and sung performance. *The Translator*. Helsinki, 2008. Pp. 373–399.

Информация об авторах

Нгуен Тхи Тхуй Кунь, студентка, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Н. В. Крицкая, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Thi Thuy Quynh Nguyen, undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

N. V. Kritskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 28.07.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 81'253+81'221.2
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-123-131>

СИНХРОНИЯ В УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ: ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Евгения Валерьевна Ильина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, eugenia.ilina@mail.ru

Аннотация

Введение. Невербальный компонент в устной переводческой деятельности как объект исследования представляет собой лакунарную область. Рассматривается трехстороннее взаимодействие спикера, переводчика и слушающего на предмет интерпретации их жестов, положения тела (и его частей), которые характеризуются как повторяющиеся. Фокус внимания сосредоточен на многоканальности информации, обрабатываемой переводчиком во время работы. В процессе перевода между переводчиком и спикером возникает синхрония, показывающая степень вовлеченности в коммуникацию, что позволяет спикеру верифицировать перевод. Данный индикатор дает понимание об адекватности передаваемого смысла, так как спикер имеет возможность оценивать ее на уровне невербальной коммуникации и ответной реакции слушающего.

Цель – изучить невербальное взаимодействие между оратором и переводчиком в контексте устного последовательного перевода на примере возникающего мимикрического явления синхронии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили видеоролики с участием красноярских переводчиков общим хронометражем 1 ч 57 мин 29 с. Каждый ролик представляет собой интервью с участниками первенства мира по керлингу среди юниоров, проходившего в г. Красноярске в январе 2020 г. Для разметки видеороликов использовалась специализированная программа ELAN, позволяющая выполнять аннотацию медиафайлов по различным параметрам. Для обработки результатов применялся метод аннотирования по А. А. Кибрику, предполагающий графическое отображение результатов.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования удалось проследить за возникновением синхронии между переводчиком и оратором, показывающей установление связи и приводящей к принятию тех или иных переводческих решений. Удалось также проследить и обратное – когда синхронии не возникает, а появляются неточности в переводе или неполный перевод.

Заключение. На основе проведенного анализа сформировано понимание принципов трехстороннего взаимодействия в условиях многоканальности получения информации. Сходство движений, жестов и положения тела участников коммуникации является адаптацией собеседников к поведению друг друга, что говорит об их вовлеченности и координации коммуникативного поведения участников. Чем больше участники коммуникации погружены в общение, тем больший уровень синхронии они демонстрируют.

Наглядно продемонстрировано явление синхронии. Ситуации, в которых взаимодействие переводчика и спикера оказалось неэффективным и цель коммуникации не была достигнута или была достигнута не полностью, показаны с помощью примеров эмблематических, иллюстративных и регулятивных жестов.

Ключевые слова: теория перевода, межкультурная коммуникация, невербальное общение, мультимодальность, жестикуляция

Для цитирования: Ильина Е. В. Синхрония в устном последовательном переводе: опыт мультимодального анализа невербальной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 123–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-123-131>

Original article

SYNCHRONY IN CONSECUTIVE INTERPRETATION: PRACTICE IN MULTIMODAL ANALYSIS OF NON-VERBAL COMMUNICATION

Evgeniya V. Iilina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, eugenia.ilina@mail.ru

Abstract

Introduction. The non-verbal component in interpretation as a unit of analysis is a scientific gap. This paper studies the three-way interaction between speaker, interpreter and listener for the interpretation of gestures, body position (and its parts), which are characterized as repetitive. It is focused on the multichannel system of the information processed by the interpreter during the work and the ways of processing it. A synchrony occurs between the interpreter and the speaker during the interpretation. It shows on what extent the participants of the communication are involved in this communication. Such involvement allows the speaker to verify the result of the interpretation. It gives an understanding of the transmitted meaning and its appropriateness, since the speaker can judge by the non-verbal communication and the response of the listener.

© Е. В. Ильина, 2022

The goal is to study the non-verbal interaction between the speaker and the interpreter in the context of consecutive interpretation using the example of the emerging mimicry phenomenon of synchrony.

Materials and methods. The material of the research is video clips with the participation of Krasnoyarsk interpreters with a total duration of 1 hour 57 minutes 29 seconds. Each video is an interview with the participants of the World Junior Curling Championships that was held in Krasnoyarsk in January 2020. A specialized program ELAN was used for marking up videos, which allows annotating media files according to various parameters. The method of annotation according to A. Kibrik was used to process and graphically display the results.

Results and discussion. The study shows that the synchrony occurs between the interpreter and the speaker. It means that the connection was established between the participants of the communication that leads to the adoption of certain interpreting decisions. However, we managed to see the opposite situation when there is no synchrony, but there are inaccuracies in the translation or incomplete translation.

Conclusion. On the basis of the analysis, an understanding of the principles of three-way interaction in conditions of multichannel information acquisition was formed. The similarity of movements, gestures and body position of the participants in communication is the adaptation of the interlocutors to the behavior of each other, which indicates their involvement and coordination of the communicative behavior of the participants. The more the communication participants are immersed in communication, the greater the level of synchrony they demonstrate.

The phenomenon of synchrony is clearly demonstrated. Situations in which the interaction of the translator and the speaker turned out to be ineffective and the goal of communication was not achieved or was not fully achieved are shown using examples of emblematic, illustrative and regulatory gestures.

Keywords: translation theory, intercultural communication, non-verbal communication, multimodality, gestures

For citation: Ilina E. V. Sinkhronizatsiya v ustnom perevode: opyt mul'timodal'nogo analiza neverbal'noy kommunikatsii [Synchrony in Consecutive Interpretation: Practice in Multimodal Analysis of Non-Verbal Communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 123–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-123-131>

Введение

Устный последовательный перевод до XXI в. изучался исключительно с точки зрения перекодирования единиц перевода с языка А на язык Б, принимая во внимание только вербальную составляющую переводческого акта. Однако люди взаимодействуют между собой не только с помощью вербальных сигналов, но и с помощью выражения лица, жестов, взгляда, положения тела, которые играют важную роль в передаче смысла и достижении цели коммуникации. Невербальный компонент в устной переводческой деятельности появился в статьях как предмет исследования не так давно, но все еще представляет исследовательскую лауну в устном переводческом дискурсе. Работа, направленная на изучение невербального компонента и развитие жестовой коммуникации, представлена Е. Ю. Мощанской в 2016 г. В ней освещена национально-культурная специфика жестов-эмблем, представлены задания для подготовки студентов на понимание жестов в акте устного перевода, представлена классификация жестов, создан раздел, посвященный культуре невербального поведения устного переводчика [1].

А. Мейерабиан статистически подсчитал и вывел модель соотношения вербальных и невербальных средств в межличностной коммуникации, которая впоследствии стала называться правилом 55–38–7, где телодвижения передают 55 % информации, голос – 38 %, а слова – 7 % [2].

В реальной жизни мы редко получаем информацию только из одного канала или одной модальности. По мнению Е. В. Чистовой, визуальная информация облегчает понимание речи на слух, особен-

но в шумной обстановке [3]. Теория множественных источников [4], в которой говорится о том, что «люди имеют способность к многозадачности, вытекающей из отдельных ограниченных умственных ресурсов, связанных с четырьмя измерениями: этап обработки, выбор кода, тип реакции и модальность», концептуально объясняет преимущество мультимодальной обработки при аудиовизуальном восприятии информации [3, 5].

Следуя за А. А. Кибриком, «для создания реалистического представления о языке как центральной способности человека нужно учесть еще несколько обстоятельств: (1) языковые единицы не только хранятся как элементы системы, но и используются в режиме онлайн для оформления мысли. (2) Помимо вербальных компонентов, звук включает в себя интонацию, акцентирование, темп, громкость и т. д. Данные элементы тесно взаимосвязаны с вербальными. (3) Спикер не только производит звук, который впоследствии воспринимается на слух, но и совершает движения, воспринимаемые собеседником зрительно. Подход, при котором разные типы коммуникативного поведения рассматриваются совместно, получил название мультимодального» [6].

Особенностью акта последовательного перевода является само выполнение перевода с использованием различных каналов связи [3]. Во время акта последовательного перевода переводчик имеет возможность вести переводческую нотацию претензионной информации от руки и впоследствии использовать записи для воспроизведения слов спикера. Важным является то, что во время записи ему необходимо следить и за речью оратора, ее

темпом, тоном голоса и сохранять нужный зрительный контакт.

Несмотря на малоизученность невербальной коммуникации в переводе, в лингвистике этой проблематике уделяется большое внимание. Так, Г. Е. Крейдлин полагает, что кинетические стороны поведения людей – их жесты и позы, как люди стоят или сидят, как располагаются по отношению друг к другу, как обмениваются взглядами – играют решающую роль в устной коммуникации [7]. Однако несмотря на их важность, им невозможно обучить, поскольку они возникают подсознательно и не могут контролироваться (А. Мерабиан, Д. Моррис, С. Г. Тер-Минасова, П. Экман) [7]. Согласно Д. Бургун, Д. Буллеру и Д. Вудал, невербальное общение – это «невывказанный диалог», который включает в себя «все сообщения, которыми люди обмениваются помимо слов» [7]. М. Кнапп связывает невербальное общение со «всеми теми человеческими реакциями, которые не описываются как явно выраженные слова (устные или письменные)» [7]. Принимая во внимание использование невербальных сигналов в компьютерном общении, Б. Де Пауло и Г. Фридман считают, что «невербальное общение – это динамический, в основном личный обмен информацией посредством сигналов, отличных от слов» [7].

Следуя мнению Е. Ю. Мощанской, невербальные средства, которые мы используем в своей речи, выступают своеобразными индикаторами внутреннего психического состояния, отношений и личностных качеств, тем самым создавая подтекст для вербального общения [1]. Невозможно рассматривать невербальную составляющую коммуникации в ситуации перевода в отрыве от других коммуникативных приемов спикера, так как невербальные сигналы оказывают на переводчика, спикера и остальных участников коммуникации влияние как на сознательном, так и на бессознательном уровнях [8].

Одни из самых захватывающих особенностей человеческого общения – это точное время синхронизации и координация коммуникативного поведения участников. В невербальной коммуникации одним из интересных явлений представляется синхрония, которую мы понимаем как «согласованность движений людей в процессе взаимодействия» [9]. Одним из проявлений синхронии является сходство движений, жестов, «отзеркаливание» положения тела собеседника. Собеседники реагируют на действия друг друга и способны скоординироваться для обмена ролями «собеседник-слушатель». Они также склонны предвидеть последующие шаги друг друга и следить за поведением, поэтому взаимодействие и обмен сигналами происходят одновременно и могут быть названы син-

хронной деятельностью. Такой вид адаптации собеседников к поведению друг друга часто называют «выравниванием» (alignment) [10, 11]. Другие термины, которые используются для описания и обозначения синхронного поведения, – это копирование или мимикрия. Взаимодействие может варьироваться от непреднамеренного копирования поведения другого человека до преднамеренной имитации.

Ученые также рассуждают о переносе человеческого поведения на созданных в виртуальном пространстве персонажей, уделяя особое внимание мимике и ее выразительности [12]. Исследователи анализируют движения человеческого тела для более детальной проработки виртуальных агентов [12]. Они должны реагировать должным образом на взаимодействие с живым собеседником. В их работе большую роль играет интерпретация и восприятие мимики, предугадывание эмоций, показываемых живым человеком. Персонаж призван не в точности дублировать те эмоции, которые видит, а основываться на моделях, представляющих исходное выразительное поведение пользователя. Такая синхрония больше направлена на реципиента.

Мы также можем различать синхронию, более ориентированную на агента, а не на реципиента коммуникации. Она тоже требует восприятия и интерпретации агентом поведения собеседника. Однако такая синхрония предполагает, что агент демонстрирует поведение, подобное реципиенту естественным образом. Это значит, что одновременная реакция является результатом ожидания агентом реакции реципиента. Агент оценивает поведение собеседника отношением к его (агента) целям и намерениям. Синхрония есть неосознанное планирование поведения, а не его намеренное копирование с собеседника [13].

Разница между мимикрией и синхронией мало обозрима на описательном уровне. Однако, по мнению Натали Себанц, эта разница связана с ожиданием и координацией коммуникативных действий: в синхронии действие возникает из намерения партнера представить что-то в манере, совпадающей с его поведением, в то время как в мимикрии копируется только внешнее проявление поведения партнера [14].

В целом любые жесты могут нести коммуникативную важность, все зависит от интерпретации собеседника. Иногда бывает трудно придать однозначное значение жестам и движениям тела, а зачастую это даже невозможно. С точки зрения синхронии, не обязательно искать семантическое сходство в жестах и движениях. Так как необходимо передать не конкретное концептуальное значение, а указать на своеобразное «сотрудничество»,

установленное между спикерами. Таким образом, любое движение может служить отправной точкой для цепочки «совместных» жестов, поскольку слушатели бессознательно реагируют на жесты говорящего. Оратор также бессознательно реагирует на поведение слушателя [13]. В будущем возможно дополнительно изучить роли говорящего и слушающего, а также проследить изменения синхронии при смене ролей.

Данная работа посвящена трехстороннему взаимодействию переводчика и двух спикеров с фокусом на их жестах и положении тела (и его частей), которые проявляются или возникают одновременно. Исследовательское внимание сосредоточено на явлении синхронии, возникающей между участниками, так как она сигнализирует о том, что все собеседники вовлечены в коммуникацию и могут предугадывать поведение друг друга [13]. Гипотеза данного исследования заключается в том, что проявление синхронии свидетельствует о возникновении кооперации и понимания между участниками: чем лучше они понимают друг друга и чем больше они погружены в общение, тем более синхронное поведение они будут демонстрировать неосознанно (подсознательно).

В связи с малоизученностью описанной области предполагается, что полученные данные помогут глубже понять функции синхронии в коммуникации и переводе. Заполнение исследовательских лакун позволит создать базу для дальнейших более детальных исследований, применять полученные знания на практике и создавать учебные пособия.

Материал и методы

Материалом исследования послужили пять видеороликов с участием красноярских переводчиков, общей продолжительностью 1 ч 57 мин 29 с. Каждый ролик – это интервью с участниками первенства мира по керлингу среди юниоров, которое проходило в Красноярске в январе 2020 г. Рабочие языки мероприятия – русский, английский. У всех трех сторон (переводчик, спикер, журналист) получено согласие на ведение видеосъемки и использование материалов для анализа и проведения исследования.

В качестве основного метода применялось аннотирование микрокомпозиции мультимодального контекста, которое позволяет наглядно продемонстрировать явление синхронии и выделить факторы, влияющие на успешность коммуникации. Метод аннотирования предполагает графическое отображение результатов, которые представлены в примерах 1–7. Для разметки аннотирования использовалась программа ELAN, v5.8. Количество разметчиков – 1.

Результаты и обсуждение

Исходя из анализа работ по когнитивной лингвистике в области перевода, большое внимание уделяется «рассекречиванию» мыслительных процессов переводчика в ходе декодирования сообщения на языке А и перекодирования его на язык Б, описывая то, что способствует достижению эквивалентности в переводе [15]. В проанализированных работах авторы в основном фокусируются на вербальном компоненте перевода, делая выводы о принятии переводческих решений в опоре на текстоцентрический подход [16]. В настоящей работе мы смещаем акцент с вербального на невербальный компонент, пытаюсь понять, насколько невербальная семиотика важна в процессе перевода и какие функции она может выполнять.

Согласно Г. Е. Крейдлину, семиотическая классификация жестов начинается с деления всех жестов на три больших класса. Это (а) эмблемы или эмблематические жесты – единицы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от речевого контекста; (б) иллюстраторы или иллюстративные жесты – единицы, сопровождающие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации либо иллюстрирующие какой-то объект или аспект коммуникации. В свою очередь они делятся на два подкласса: собственно иллюстраторы – жесты, которые что-то иллюстрируют в действительности, и аккомпаниаторы – жесты, сопровождающие речь и структурирующие или ритмизирующие ее; (в) регуляторы или регулятивные жесты – единицы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию [17].

В примере 1 представлен иллюстративный жест, сопровождающий речевое сообщение о смене часовых поясов для спортсмена, прилетевшего в Красноярск из США. Переводчик сохраняет зрительный контакт в момент выступления оратора, но при этом успевает делать записи, периодически склоняясь над блокнотом. На фрагменте 1с видно, что в момент жеста рукой, показывающего обратный отсчет на 9 часов от 24, переводчик смотрит на спикера. Подтверждением синхронии является повтор иллюстратора, раскадрованного на рисунках 2а–2е, и полноценный перевод фрагмента речи.

Наблюдая за установлением контакта между спикером и переводчиком, можно также заметить и совпадение культурно ориентированных жестов в коммуникации.

В примере 2 показано, как спикер повторяет за переводчиком жест приветствия, демонстрируя раскрытые ладони и немного разводя руки в сторону, что, по А. Пизу, означает доверие и открытость [18]. В данной ситуации такой регулятор не требу-

ет перевода, но является индикатором синхронии как установившейся связи между участниками коммуникации.

В отличие от предыдущих примеров, в примере 3 показаны два канала передачи информации от спикера к переводчику. Спортсмен перечисляет

страны, в которых его команда соревновалась за прошедшее время. Вспоминая, он загибает пальцы, называя новую страну. Несмотря на то, что переводчик записывает данные в блокнот, она неосознанно применяет тот же жест «перечисления», чтобы не забыть назвать все страны.

1a 1b 1c 1d 1e
Спортсмен: For me it was a 15-hour time change or 9 *** *back with 24*

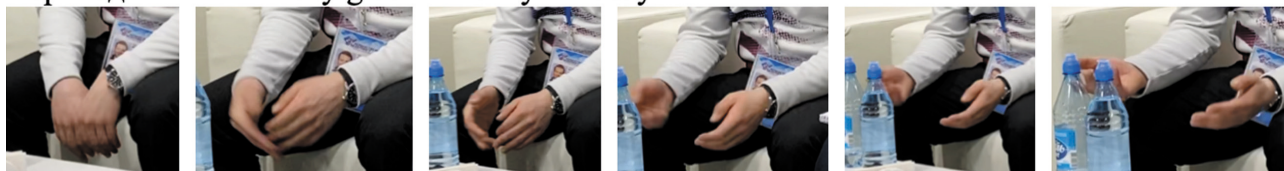

2a 2b 2c 2d 2e
Переводчик: Разница во времени для меня составила 15 часов *или минус 9 часов от 24.*

Пример 1. Пример иллюстративного жеста, сопровождающего речевое сообщение

1a 1b 1c 1d 1e
Переводчик: I am really glad to meet you today

2a 2b 2c 2d 2e 2f
Спортсмен: Nice to meet you

Пример 2. Пример регулятивного жеста, устанавливающего коммуникацию

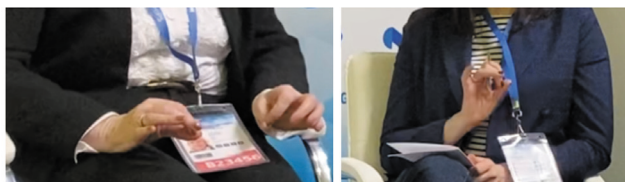
1a 1b 1c 1d 1e
Спортсмен: And I've been to Switzerland, Norway, Korea, China, here...

2a 2b 2c 2d 2e
Переводчик: Я был в Швейцарии, в Норвегии, в Корее, в Китае, здесь...

Пример 3. Пример иллюстративного жеста аккомпаниатора, сопровождающего речевое сообщение

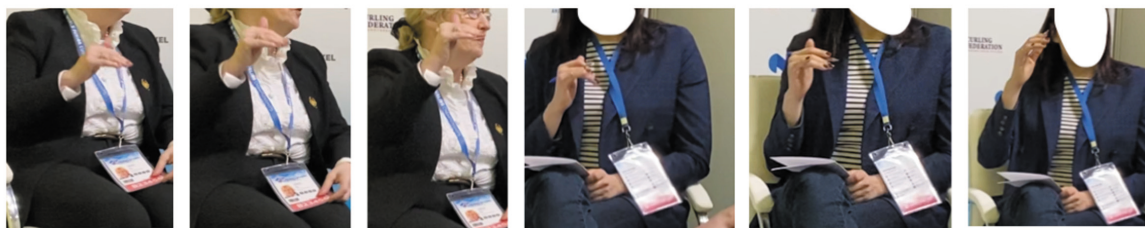
Еще одним интересным примером синхронии может служить использование жеста «окей» в межкультурном общении. Безусловно, этот жест очень распространен, однако в зависимости от страны и национальности участников коммуникации результат использования данного символа может быть разным. В примере 4 представлена работа переводчика во время интервью с президентом Международной федерации керлинга из Шотландии.

1a
Спикер: It's perfect

2a
Переводчик: Просто идеально

Пример 4. Пример эмблематического жеста, имеющего самостоятельное лексическое значение и передающего смысл независимо от речевого контекста

1a 1b 1c
Спикер: Russia being the fourth best curling nation in Europe... will move up

2a 2b 2c
Переводчик: На данный момент Россия является 4-й самой играющей в керлинг страной в мире, и я уверена, что такими темпами ее рейтинг будет только подниматься

Пример 5. Пример жеста-иллюстратора, сопровождающего речевое сообщение

1a 1b 1c
Спортсмен: When I was young I played a bit of soccer football, and I played baseball. I played a lot of tennis at home. I am just enjoying sport in general like skateboarding, surfing...

2a 2b 2c 2d 2e

Переводчик: С самых малых лет очень любил спорт и занимался всем, чем нравилось.

3a

Яркий пример жеста, сопровождающего речь, на который можно опереться при переводе фрагмента, представлен в примере 5. Дело в том, что во время данного отрывка в комнате для интервью параллельно происходила фотосъемка, и из-за щелчков затвора спикера было практически не слышно. Тихая речь оратора еще больше усугубляла положение. Однако так как переводчик успевала как записывать, так и поддерживать зрительный контакт, ей удалось адекватно передать смысл сообщения, неосознанно воссоздав жест спикера: поступательное движение кистью вверх с ладонью, обращенной в пол. Данный жест сопровождает высказывание о том, что рейтинг России на мировой керлинг-арене со временем будет повышаться, а сейчас страна занимает 4 место.

Несмотря на кажущуюся простоту взаимодействия со спикером и наличие синхронии, подтверждающей кооперацию, существуют и примеры полного отсутствия такого явления. В примере 6 изображено, что переводчик с самого начала

Пример 6. Пример иллюстративного жеста-аккомпаниатора, сопровождающего речевое сообщение, при отсутствии синхронии

Пример 7. Пример жеста-иллюстратора, сопровождающего речевое сообщение, при отсутствии синхронии

интервью ведет себя со спикером – спортсменом из Канады – очень закрыто.

Канадский спортсмен активно жестикулирует и ведет себя достаточно уверенно. При этом он сохраняет зрительный контакт с журналистом, когда та задает вопросы, и переключается на переводчика, когда слушает перевод на английский. Переводчик, в свою очередь, говорит медленно, делает долгие паузы, постоянно смотрит в записи. При перечислении лексического ряда спикер загибает пальцы, подобно тому, как было в примере 3. На раскадровках 2a–2e иллюстраторы представлены более детально. На рис. 3a показан акт перевода, где отчетливо видно, что переводчик хоть и сохраняет зрительный контакт с журналистом, признаков синхронии не проявляется.

Об отсутствии синхронии говорит и тот факт, что все перечисленные виды спорта остались непереусланными.

Отсутствие синхронии в данном переводческом акте подтверждается примером 7.

Спикер сопровождает свою речь жеста, где кисти рук поступательно движутся вверх. На рис. 1a–1d можно видеть раскадровку жеста спикера. Рисунки 2a и 2b иллюстрируют положение рук и тела переводчика в момент перевода отрывка.

Закрытая поза спикера с руками на груди может указывать на то, что медленный темп речи, тихий голос и длинные паузы настораживают спортсмена, заставляя задуматься, а правильно ли его слова донесли до журналиста. Можно сделать вывод, что это мешает эффективной коммуникации, так как отсутствие синхронии очевидно лишает спикера проверить адекватность передачи его слов второму

коммуниканту. Отсюда следует, что синхрония, демонстрируя вовлеченность переводчика, позволяет спикеру как бы авторизовать перевод. То есть схожесть реакций дает понимание об адекватности передаваемого смысла, поскольку спикер может верифицировать информацию только на уровне невербальной коммуникации и ответной адекватной реакции слушающего.

Заключение

Проведенный анализ способствует пониманию принципов трехстороннего взаимодействия между участниками опосредованной коммуникации, коей является процесс перевода, а также проследить работу переводчика в условиях многоканальности получения информации.

Аннотирование микрокомпозиции мультимедального контекста в процессе перевода позволяет наглядно продемонстрировать явление синхронии и выделить факторы, влияющие на успешность коммуникации. Таким образом, возникновение и проявление эмблем, иллюстраторов, аккомпаниаторов и регуляторов в коммуникации у обоих спикеров поддерживает синхронию и указывает на кооперацию участников переводческого акта. В ходе анализа удалось получить доказательства того, что при отсутствии синхронии взаимодействие переводчика и спикера оказалось менее эффективным и завершилось мимикой спикера, демонстрирующей высокую степень сомнения и недоверия к контенту перевода. Прослеживаемая синхрония в трехстороннем общении и в условиях многоканальности демонстрирует факт вовлеченности переводчика в работу. Данное явление как

бы позволяет спикеру авторизовать перевод, основываясь на схожести невербальной реакции. Поскольку спикер может верифицировать информацию только на уровне невербальной коммуникации и ответной адекватной реакции слушающего, одинаковые реакции участников коммуникации дают понимание об адекватности передаваемого смысла.

Список литературы

1. Мощанская Е. Ю. Невербальный компонент общения в устном переводческом дискурсе: учеб.-метод. пособие. Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехн. ун-та, 2016, 122 с.
2. Cooper K. *Nonverbal Communication for business success*. New York: AMACOM, 1979.
3. Чистова Е. В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 9. С. 337–342.
4. Wickens C. D. Processing resources in attention // *Varieties of Attention* / ed. by R. Parasuraman, R. Davies. N. Y.: Academic Press, 1984. P. 63–101.
5. Lu S. A., Wickens C. D., Prinnet J. C., Hutchins S. D., Sarter N., Sebok A. Supporting interpretation management and multimodal interface design: Three meta-analyses of task performance as a function of interrupting task modality // *Human Factors*. 2013. № 55 (4). P. 697–724.
6. Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. 1. Постановка проблем // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 70–80.
7. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
8. Poyatos F. The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation // *Nonverbal Communication and Translation: New Perspectives and challenges in literature, interpretation and media*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. P. 249–282.
9. Bernieri F. J., Rosenthal R. Interpersonal coordination: behavior matching and interactional synchrony, *Fundamentals of nonverbal behavior*, Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991. P. 401–432.
10. Pickering M. J. and Garrod S., Towards a Mechanistic Psychology of Dialogue, *Behavioral and Brain Sciences*, 2004, 27: p. 169–226.
11. Yasuhiro Katagiri, Interactional alignment in collaborative problem solving dialogues, 2005. In *Proceedings of the 9th International Pragmatics Conference*, Riva del Garda Italy.
12. Caridakis G., Raouzaiou A., Bevacqua E., Mancini M., Karpouzis K., Malatesta L., Pelachaud C. Virtual Agent Multi-modal Mimicry of Humans // *Language Resources and Evaluation*. 2007. № 41 (3-4). P. 367–388.
13. Jokinen K., Parkson S. Synchrony and Copying in Conversational Interactions, 2011. 7 p.
14. Sebanz N., Bekkering H., Knoblich G. Joint Action: Bodies and Minds Moving Together // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. Vol. 10, № 2. P. 70–76.
15. Chistova E. V. Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Т. 13, № 3. С. 375–384.
16. Чистова Е. В. Предметное поле отечественного когнитивного переводоведения: ключевые точки и векторы развития // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 9 (206). С. 64–71.
17. Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014, 20 с.
18. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли по жестам. 2010. 448 с.

References

1. Moshchanskaaya Ye. Yu. *Neverbal'ny component obshcheniya v ustnom perevodcheskom diskurse: uchebno-metodicheskoye posobiye* [The non-verbal component of communication in interpretation discourse, teaching aid]. Perm, Perm National Research Polytechnic University Publ., 2016. 122 p. (in Russian).
2. Cooper K. *Nonverbal Communication for business success*. New York, AMACOM Publ., 1979.
3. Chistova E. V. Mul'tikanal'nost' i mul'timodal'nost' vospriyatiya v kognitivnoy deyatelnosti perevodchika-sinkhronista [Multichannel and multimodality of perception in the cognitive activity of a simultaneous interpreter]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 9, pp. 337–342 (in Russian).
4. Wickens C. D. Processing resources in attention. In: *Varieties of Attention*. Ed. by R. Parasuraman, R. Davies. N. Y., Academic Press Publ., 1984. Pp. 63–101.
5. Lu S. A., Wickens C. D., Prinnet J. C., Hutchins S. D., Sarter N., Sebok A. Supporting interpretation management and multimodal interface design: Three meta-analyses of task performance as a function of interrupting task modality. *Human Factors*, 2013, vol. 55 (4), pp. 697–724
6. Kibrik A. A. Russky mul'timodal'ny diskurs. Chast' 1. Postanovka problem [Russian multichannel discourse. Part 1. Statement of problems]. *Psikhologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 70–80 (in Russian).

7. Kreydlin G. Ye. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i yestestvenny yazyk* [Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2002. 592 p. (in Russian).
8. Poyatos F. The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation. In: *Nonverbal Communication and Translation, New Perspectives and challenges in literature, interpretation and media*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company Publ., 1997. Pp. 249–282.
9. Bernieri F. J., Rosenthal R. *Interpersonal coordination: behavior matching and interactional synchrony, Fundamentals of nonverbal behavior*. Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991. P. 401–432.
10. Pickering M. J., Garrod S. Towards a Mechanistic Psychology of Dialogue. *Behavioral and Brain Sciences*, 2004, vol. 27, issue 2, pp. 169–226.
11. Yasuhiro Katagiri, Interactional alignment in collaborative problem solving dialogues. In: *Proceedings of the 9th International Pragmatics Conference*, Riva del Garda Italy, 2005.
12. Caridakis G., Raouzaiou A., Bevacqua E., Mancini M., Karpouzis K., Malatesta L., Pelachaud C. Virtual Agent Multi-modal Mimicry of Humans. *Language Resources and Evaluation*, 2007, no. 41 (3-4), pp. 367–388.
13. Jokinen K., Parkson S. Synchrony and Copying in Conversational Interactions. *The 3rd Nordic Symposium on Multimodal Communication*, Helsinki, 2011, vol. 15, pp. 18–24.
14. Sebanz N., Bekkering H., Knoblich G. Joint Action: Bodies and Minds Moving Together. *Trends in Cognitive Sciences*, 2006, vol. 10, no. 2, pp. 70–76 p.
15. Chistova E. V. Modeli vzaimodeystviya sinkhroynykh perevodchikov kak aktorov kognitivnogo sobytiya [Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event]. *Zhurnal Sibirskogo federalm'nog universiteta. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 375–384 (in Russian).
16. Chistova E. V. Predmetnoye pole otechestvennogo kognitivnogo perevodovedeniya: klyuchevye tochki i vektory razvitiya [The subject field of Russian cognitive translation studies: key points and vectors of development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 9 (206), pp. 64–71 (in Russian).
17. Kreydlin G. Ye. Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i problema mul'timodal'nosti [The semiotic conceptualization of the human body and the question of multimodality]. *Ecologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of language and communicative practice*, 2014, no. 2, pp. 100–120 (in Russian).
18. Pease A., Pease B. *The Definitive Book of Body Language: The Hidden Meaning Behind People's Gestures and Expressions* [Russ. ed.: Piz A., Piz B. *Yazyk telodvizheniy. Kak chitat' mysli po zhestam*. Moscow, Eksmo Publ. 2010. 448 p.].

Информация об авторах

Е. В. Ильина, магистрант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the authors

E. V. Ilyina, undergraduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodny, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 20.05.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья
УДК 81'42
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПЕРЕВОДЕ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЖ. ГЛЭДА

Майя Отузбаевна Гичгелдиева

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, valshres@yahoo.com

Аннотация

Введение. Предпринят анализ метафор в лексической системе оригинального и переводного текстов.

Цель – проанализировать примеры эквивалентных переводов метафорических образов в «Колымских рассказах» на английский язык.

Материал и методы. Материалом исследования является метафорическая система «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова. Определен семантико-прагматический подход к рассмотрению метафор как актуальный для настоящего исследования. Рассмотрены типы метафор с учетом экстралингвистических факторов, которые повлияли на художественную картину мира автора.

Результаты и обсуждение. Сопоставительный аспект исследования метафорических образов позволяет увидеть вариативную специфику метафорических единиц.

Проанализированы подходы к изучению метафоры как явления языковой системы и элемента текстовой парадигмы. Рассмотрены классификации типов переводов, представленные в современной лингвистике, и обобщен опыт перевода метафорических образов.

Метафоры репрезентируют метафорическую картину мира, которая в свою очередь входит в языковую картину мира (в том числе художественную) автора текста. Изучение тропов способствует полному описанию идиостиля писателя. Обращение к оригинальным и переводным художественным текстам помогает выявлять актуальные смыслы, заложенные в метафорических образах автора, и исследовать возможности передачи их на другом языке.

Рассмотрены варианты переводов художественных произведений. Особое внимание обращено на типы переводов метафорических образов. Переводной текст «Колымских рассказов» включает широкий спектр способов эквивалентных переводов (по классификации В. Н. Комиссарова).

Изучены примеры наиболее точных переводов метафор, сохраняющих авторские интенции, семантику оригинального текста и, как следствие, содержательные типы образов, выявлены эквивалентные переводы. Вместе с этим изучены примеры неточных переводов, которые характеризуются потерей образных и эмоциональных созначений, описаны типы лингвистических ограничений и экстралингвистических факторов, которые повлияли на точность перевода.

Заключение. Большинство рассмотренных метафорических образов переведено точно. Неточные и эквивалентные переводы метафорических образов в «Колымских рассказах» возникают тогда, когда Джон Глэд не рассматривает тропы в призме особого объекта описания и идиостиля В. Т. Шаламова, не обращает внимания на актуальный смысл в силу различий в своей (как человека и как представителя иной культуры) и авторской картинах мира.

Ключевые слова: *метафора, метафорические образы, художественный перевод, Колымские рассказы, шаламовская проза*

Для цитирования: Гичгелдиева М. О. Особенности интерпретации метафорических образов в переводе «Колымских рассказов» на английский язык Дж. Глэда // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 132–140. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

Original article

FEATURES OF INTERPRETATION OF METAPHORIC IMAGES IN THE TRANSLATION OF “THE KOLYMA TALES” BY JOHN GLAD

Maya O. Gichgeldiyeva

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, valshres@yahoo.com

Abstract

Introduction. The analysis of metaphors in the lexical system of the original and translated texts is carried out.

The aim of the work is analyze examples of equivalent translations of metaphorical images in “Kolyma Tales” into English.

© М. О. Гичгелдиева, 2022

Material and methods. The material of the study was metaphors The Kolyma Tales by V. T. Shalamov. The article defines a semantic-pragmatic approach to the consideration of metaphors as relevant for research. Types of metaphors are considered taking into account extra-linguistic factors that influenced the work of the author.

Results and discussion. The comparative aspect of considering metaphorical images allows to see the variable specificity of metaphorical units.

The approaches to the research of metaphor as a phenomenon of the language system. Classifications of the types of translated text presented in Russian linguistics are considered. The experience of translating metaphorical images is generalized.

Metaphors represent a metaphorical picture of the world, which in turn is included in the linguistic picture of the world (including the artistic). Researching the image contributes to a complete description of the writer's idiosyncrasy. Turning to original and translated literary texts helps to identify the actual meanings inherent in the author's metaphorical images and to explore the possibilities of translated text in another language.

The paper considers options for translating works of artistic text. Particular attention is paid to the types of translations of metaphorical images. The translated text of the Kolyma Stories includes a wide range of methods of equivalent translations (according to the classification of V. N. Komissarov).

The examples of the most research translations of metaphors that preserve the author's intention, the lexical semantics of the original text and as a result the meaningful types of images are considered, equivalent translations identified. At the same time, examples of inaccurate translations, which are characterized by the loss of figurative and emotional connotations, are studied, the types of linguistic restrictions and extralinguistic factors that influenced the accuracy of the translation are described.

Conclusion. Most of the considered metaphorical images are translated accurately. Inaccurate and equivalent translations of metaphorical images in "Kolyma Tales" arise when John Glad does not consider the images in the prism of a special object of description and idiosyncrasy of V. T. Shalamov due to differences in his own (as a person and as a representative of another culture) and the author's pictures of the world.

Keywords: *metaphor, metaphorical images, literary translation, Kolyma Tales, prose by Shalamov*

For citation: Gichgeldiyeva M. O. Osobennosti interpretatsii metaforicheskikh obrazov v perevode "Kolymskikh rasskazov" na angliyskiy yazyk Dzh. Gleda [Features of Interpretation of Metaphoric Images in the Translation of "The Kolyma Tales" by John Glad]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 132–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

Введение

В отечественной и зарубежной науке художественные произведения В. Т. Шаламова активно изучаются в литературоведческом ключе (Н. Голден, В. В. Есипов, И. В. Лукин, Е. Ю. Михайлик, Л. Токер и другие). Актуальным является рассмотрение творчества писателя также с лингвистической точки зрения (Е. Ю. Белова, М. С. Степанов, Ф. Варлало и другие). Изучение метафор в рассказах В. Т. Шаламова с учетом экстралингвистических факторов, повлиявших на его творчество, позволит выстроить систему метафорических образов, мотивировав их использование в одних и тех же контекстах, и выявить концептуальные метафоры.

Основываясь на антропоцентрическом подходе, проанализированы особенности передачи метафорических образов в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова на английский язык (в переводе Джона Глэда).

В настоящем исследовании обращаем внимание на позицию номинатора-интерпретатора, поскольку важна авторская интенция и выбор языковых средств в создании образов. Сопоставительное исследование помогает выявить актуальные смыслы в индивидуально-авторских метафорах, характеризующих идиостиль писателя.

В работе обращаемся к переводоведению как науке, которая изучает взаимодействие одной культуры с другой внутри художественного производного текста, сопоставляем фрагменты картин мира автора и переводчика.

Трудности перевода художественного текста с одного языка на другой нередко связаны с интерпретацией метафорических образов. Исследование различных ограничений, с которыми сталкивается Дж. Глэд при переводе сборника рассказов, и путей их преодоления говорит о сильном влиянии экстралингвистических факторов на тексты В. Т. Шаламова и мощном интерпретационном потенциале авторских метафор.

Материал и методы

Произведения В. Т. Шаламова (сборники рассказов, в особенности «Колымские рассказы») переведены на большое количество языков: английский, немецкий, итальянский, испанский, чешский, каталанский и другие. В работе мы сфокусировали взгляд на перевод рассказов на английский язык.

В качестве материала для исследования используется третий опубликованный сборник переводов рассказов В. Т. Шаламова, вышедший в 1994 г. [1]. Джон Глэд несколько раз предпринимал попытку

перевести художественную прозу В. Т. Шаламова (первая состоялась в 1980 г. [2], вторая – в 1991 [3]).

Обращение к англоязычным переводам рассказов В. Т. Шаламова позволяет углубить представление о нюансах метафорических образов и выявить концептуальные метафоры в художественном дискурсе автора.

Сопоставительный анализ метафор в оригинальном и переводном текстах позволяет установить актуальные смыслы в художественных образах, а используемый семемный анализ и анализ контекстуальных «партнеров» помогает их систематизировать, определить сильные образы, вокруг которых строятся остальные.

Ранее были исследованы метафорические образы в поэтических текстах В. Т. Шаламова [4, с. 7–12].

Изучение метафор в произведениях В. Т. Шаламова помогает решить проблему описания языковой личности писателя и выявить актуальные фрагменты его художественной картины мира.

Результаты и обсуждение

В переводоведении существует несколько подходов к изучению текста. В. Н. Комиссаров полагает, что «переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами» [5, с. 70–71]. С точки зрения литературоведения художественный перевод – это еще и «одна из форм литературных связей разных народов» [6, с. 37], которые являются «частью мирового литературного процесса» [6, с. 37]. То есть, с одной стороны, существует общий мировой процесс, связывающий литературу и людей, с другой – при переводе художественных произведений открывается уникальность культур и языков. В работе «Современное переводоведение», говоря о межязыковой коммуникации, исследователь выделяет несколько подходов к определению понятия «эквивалентность»:

1. Минимальная близость оригинального и переводного текстов (эквивалентность достигается на уровне цели коммуникации). На наш взгляд, в художественных текстах может идти речь не о цели коммуникации как таковой, а об авторской интенции писателя (авторской установке).

2. Второй тип эквивалентности, при котором сохраняется цель коммуникации и в переводном тексте описывается та же ситуация, что и в оригинале.

3. Перевод, который включает и цель коммуникации, и указание на ситуацию, и способ ее описания.

4. Группа переводов, где наряду с целью коммуникации, указанием ситуации, способа ее описания сохраняется часть значения синтаксических структур текста-оригинала.

5. Группа переводов, в которых близость к оригиналу будет наибольшей благодаря стремлению переводчика более полно воспроизвести значения источника с помощью дословного перевода [7, с. 117–137].

Отметим также, что при рассмотрении переведенного текста с одного языка на другой необходимо учитывать смысловую сочетаемость слов: семантическое согласование слов в синтагматическом ряду (по В. Г. Гаку) зависит от их лексических значений, а возможность или невозможность соединения слов в синтагму определяется наличием или отсутствием у них общей семы – синтагмемы:

1. Закон семантического согласования – в значении слов есть одна общая сема (синтагмема), которая выступает как формальное средство организации высказывания на семантическом уровне [8, с. 284].

2. Закон семантического несогласования, согласно которому общая сема в одном из членов синтагмы может быть опущена, что возможно только «в случае устойчивых предметных отношений» [8, с. 284].

3. Закон семантического рассогласования, при котором в пределах синтагмы есть несовместимые с точки зрения реальных предметных отношений компоненты [8, с. 285].

В современной лингвистике существует несколько подходов к понятию «метафора». Мы исходим из определения метафоры, принадлежащего Н. Д. Арутюновой: «Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [9, с. 29].

Нами рассматриваются не только метафоры, но и сравнения, ведь, как точно отметила М. И. Черемисина, «сравнение генетически связано с метафорой, однако сравнение – это синтаксическое явление, а метафора – лексико-семантическое» [10].

Говоря о передаче образной составляющей текста, Е. Д. Боева и Е. А. Кулькина указывают, что «степень и возможность переводимости метафоры напрямую зависят от культурного опыта переводчика, от семантических ассоциаций, присущих метафоре, от ее возможности быть воспроизведенной в языке-реципиенте без изменения структуры» [11, с. 41].

Декодирование метафорических образов осуществляется с помощью соотнесения высказывания с определенной схемой, принятой и узнаваемой в данном обществе: «Понимание скрытого смысла высказывания в тексте осуществляется по ментальным рецептивным схемам языкового со-

знания социума» [12, с. 46]. Отметим, что метафора имеет зашифрованный характер, она нуждается в дешифровке, разгадке [13, с. 7], а при переводе метафоры с одного языка на другой на этот процесс наслаивается еще один – зашифровка на языке перевода.

Сложность перевода художественного текста с одного языка на другой нередко связана с интерпретацией метафорических образов. В. Н. Телия рассматривает метафору с позиции формирования языковой картины мира и говорит о важности роли субъекта (номинатора-интерпретатора) при порождении метафоры, а также о его номинативно-прагматической интенции [14, с. 173–204]. Это наблюдение крайне важно при переводе метафоры в художественном тексте, когда авторская картина мира передается с помощью другого языка.

В теории перевода существует «закон сохранения метафоры», согласно которому слова, составляющие троп, должны сочетаться не только в переносном, но и в прямом значении друг с другом [15].

В речи (и прежде всего в художественной речи) метафора «участвует в создании индивидуально-авторского видения мира» [14, с. 5]: важнейшими оказываются те смыслы, которые реализуются в метафорической системе В. Т. Шаламова, используемой в описании агрессивной для человека колымской природы.

Обратившись к особенностям перевода метафор в рассказах В. Т. Шаламова, мы учитываем следующие трудности: 1) отсутствие объекта метафорической номинации в англоязычной среде (например, слово «лагерь» со значением «для политических заключенных»); 2) отсутствие лексико-семантических параллелей в английском и русском языках, что соотносится обычно с несовпадением внутренней формы переносного значения (например, в русском языке слово «зубья» имеет семантику *деталь механизма или инструмента, обычно заостренная*. В английском языке аналогом слова «зубья» является слово-полисемант «teeth», которое в своих значениях соотносится не только с *деталью механизма*, но и с *зубами человека или животного*).

Перед тем как приступить к рассмотрению способов перевода метафор на английский язык, необходимо сказать о специфике шаламовской прозы, в которой автор активно использует метафору.

В прозу В. Т. Шаламова вошел его собственный страшный опыт пребывания в так называемых исправительно-трудовых лагерях. Автор сам ежедневно переживал постоянный холод, голод, побои и издевательства конвоиров, что нашло отражение в его художественном дискурсе и мотивирует метафорические образы в его рассказах.

Очень точно об это написал Е. А. Шкловский: «Страшный колымский опыт, состоявший из многократных смертей и воскресений, из безмерных мук от голода и холода, из безмерных унижений, превращающих человека в животное, – вот что легло в основу шаламовской прозы, которую он назвал новой» [16, с. 25].

В мировой истории XX в. не существовало другого подобного явления, которое было обыденным и легитимизированным в Советском Союзе, как «исправительно-трудовой лагерь». Ни в одной другой стране заключенных не отправляли выживать в таких суровых условиях, как Крайний Север. Данный исторический пласт в культуре других стран попросту отсутствует, поэтому переводчикам текстов В. Т. Шаламова зачастую может быть объективно сложно в расшифровке как метафор, так и других художественных тропов.

Стоит отметить, что при переводе Дж. Глэд показал заключенного в суровых условиях, точно воспроизвел ситуацию и ее атрибуты, способы ее описания, а также (по возможности) синтаксические структуры текста-оригинала. С одной стороны, он стремится наиболее полно и практически точно передать метафорические образы с помощью дословного перевода, с другой – у него не всегда это получается.

Приступим к исследованию способов перевода шаламовских метафор на английский язык.

1. Сначала обратим внимание на примеры **наиболее точных переводов метафор** (пятый тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову):

В рассказе В. Шаламова «Сухим пайком» читаем:

Огромные обнаженные корни их (лиственниц. – М. Г.) похожи на когти исполинской хищной птицы, вцепившейся в камень.

Trees in the north die lying down – like people. Their enormous bared roots look like the claws of a monstrous predatory bird that has seized on to a rock [1, с. 53].

В данном случае точнее говорить не о метафоре, а о распространенном сравнении, которое вводится при помощи лексического средства – прилагательного *похожи*: метафора и сравнение, как мы говорили ранее, генетически сближаются (сравнение – синтаксическое явление, а метафора – лексико-семантическое).

Образ «огромных когтей» лиственниц в этом же рассказе далее представлен подробно, развернуто:

От этих гигантских когтей (лиственниц) вниз, к вечной мерзлоте, тянулись тысячи мелких щупалец, беловатых отростков, покрытых коричневой теплой корой. Каждое лето мерзлота чуть-чуть отступала, и в каждый вершок оттаявшей земли немедленно вонзалось и укреплялось там

тончайшими волосками **щупальце – корень**. Лиственницы достигали **зрелости** в триста лет, медленно поднимая свое **тяжелое, мощное тело** на своих **слабых, распластанных** вдоль по каменистой земле **корнях**. Сильная буря **легко** валит **слабые на ногах деревья**. Лиственницы падали **навзничь, головами** в одну сторону, и **умирали**, лежа на мягком толстом слое мха – ярко-зеленом и ярко-розовом.

В данном тексте происходит одновременная актуализация растительно-животной темы (*когти, щупальца, щупальце – корень*) и темы человека, который погибает на крайнем Севере (*зрелость, тяжелое, мощное тело, ноги, падали навзничь, головы*). Образ лиственницы, которая сначала благодаря зооморфной метафоре предстает хищником (*когти, щупальца*), усложняется антропоморфной метафорой. Согласно теории концептуальной метафоры, процесс метафоризации базируется на взаимодействии между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени [17].

В рассматриваемом фрагменте рассказа сферой-источником является *лиственница*, а в сфере-мишени находится антропоморфная метафора (здесь представлен образ человека, а точнее – заключенного в лагере). Авторский замысел состоит в представлении жизни человека в лагере посредством многослойных художественных тропов, которые разворачиваются друг за другом – фито- и зоометафор: сильные люди постепенно погибали в лагере, как гибнут лиственницы в вечной мерзлоте.

Приведем перевод данного отрывка на английский язык:

Downward from these gigantic claws to the permafrost stretch thousands of tiny tentacles, whitish shoots covered with warm brown bark. Each summer the permafrost retreats a little and each inch of thawed soil is immediately pierced by a root shoot that digs in with its fine tendrils. The first reach maturity in three hundred years, slowly hoisting their heavy, powerful bodies on these weak roots scattered flat over the stony soil. A strong wind easily topples these trees that stand on such frail feet. The trees fall on their backs, their heads pointed away from their feet, and die lying on a soft, thick layer of moss that is either bright green or crimson [1, с. 53].

Мы видим, что метафоры переведены практически дословно. Образ хищного животного передается словами *claws* (когти), *tentacles* (щупальца); антропоморфная метафора строится на основе следующих единиц: *heavy, powerful bodies* (тяжелое, мощное тело), *the first reach maturity* (достижение зрелости), *stand on such frail feet* (стоят на таких хрупких ногах), *their heads* (их головы), *die lying* (умирают лежа).

В следующем примере мы видим, что жизнь в лагере, а именно взаимодействие уже не системы и человека, а взаимодействие заключенных друг с другом (сфера-мишень), может интерпретироваться с помощью музыкального образа (сфера-источник):

Окружающие игроков зрители терпеливо ждали конца традиционной увертюры.

The viewers surrounding the players patiently waited for the end of this traditional overture [1, с. 21].

В метафорическом образе и оригинального, и переводного текстов сохраняется сема «нового», «предварительного», «предвосхищающего».

2. Обратим внимание на группу эквивалентных переводов, где **частично сохраняется семантика синтаксических структур текста-оригинала** (четвертый тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову).

С точки зрения сферы-мишени такие переводы продемонстрированы в образе-представлении лагерного устройства, где сферой-источником является механизм (машина), а механистическая метафора – это результат процесса:

Одному было легче, вдвое, втрое, вчетверо легче проскочить сквозь зубья машины [о лагерной системе – чтобы заключенного не отправляли в тайгу валить деревья или на золотой прииск].

It was two, three, four times easier for him to slip alone through the teeth of this machine [1, с. 167].

В английском языке слово «teeth» обозначает и орган человека, и часть механического предмета, а графической разницы в написании слова нет (в отличие от русского языка (*зубья – зубы*)), метафорический образ в переводе не сохраняет различие лексических значений (в русском языке формы множественного числа не совпадают по значению, в данном случае суффикс *-j-* является словообразующим – семантика собирательности и метафорический перенос разводят в русском языке слова *зубья* и *зубы*).

3. Следующий пример перевода включает сохранение замысла автора и способа описания (третий тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову), однако в фитообразе рассказа «Тифозный карантин» при переводе подобраны лексемы, включающие лишь некоторые элементы исходного образа:

Большинство [людей] лежало навзничь или ничком <...> и их тела на массивных нарах казались наростами, горбами дерева, выгнувшейся доской.

Most of the men lay on their backs, and their bodies seemed like growths or bumps in the wood, like bent boards in the enormous shelves [1, с. 159].

В английском языке слово «bumps» обозначает опухоль, шишку, вытуклость. Переводчик поставил в один лексический ряд «наросты», «горбы»,

но не учел тот факт, что в исходном метафорическом образе актуализируется не только сема «неровности поверхности», но и сема «статичности, скованности и неподвижности», а также важная, существенная коннотация для автора – физиологическое нездоровье человека (*горб*), дерева (*нарост*), что частично соответствует опухоли (пример с кожей как черепаховым панцирем это также демонстрирует).

В картине мира В. Т. Шаламова тело заключенного неотделимо от лагеря, оно «... пребывает на грани бестелесности, безжизненности. На протяжении своего короткого существования зэк вынужден расстаться со всем, что делало его личностью... Тело становится его единственным достоянием» [18, с. 341].

В этом же предложении в переводе при утрате творительного уподобления угасает актуальный смысл: персонажи рассказа больше не являются атрибутами нар (*их тела ... казались наростами, горбами дерева, выгнувшейся доской*), вместо этого мы читаем *like bent boards in the enormous shelves* (их тела казались наростами или горбами на дереве, как гнутые доски на огромных полках).

Два этих примера показывают, что предложение представляет собой эквивалентный перевод с потерей определенных коннотативных смыслов.

Рассмотрим сходный пример, в котором при переводе метафорического (антропоморфного) образа отражены не все семы; кроме того, произошло соединение двух синтаксических единиц в одну:

Шоссе было похоже на канат, которым тащили море к небу. Тащили горы-бурлаки, согнув спину.

The mountains resembled barge haulers with bent backs [Горы напоминали бурлаков со согбленными спинами].

Описываемый метафорический образ *гор-бурлаков* имеет семантику движения – они *тащат канат*. Лексеме *горы* такая семантика не присуща, но присуща *бурлакам* (семантическое рассогласование по В. Г. Гаку), однако отметим слова *шоссе* и *тащили*, включающие семантику передвижения. Джон Глэд полностью игнорирует предложение *Шоссе было похоже на канат, которым тащили море к небу* и не переводит его, поэтому при переводе у столь яркого образа *горы-бурлаки* утрачивается семантика интенсивного, мощного, трудоемкого движения, которая заключена в глаголе-олицетворении *тащили*. При переводе семантика метафорического образа *гор-бурлаков* почти сохранена полностью, но структура английского языка адаптирует структуру метафоры, переводя ее в синонимическую конструкцию с использованием уподобления *напоминают*. Возможно, именно семантическое рассогласование словосочетания *та-*

щили горы-бурлаки не дало переводчику почувствовать и передать метафорический образ.

Обратимся к еще одному примеру перевода метафорического образа, в котором актуализированы не все семы. Перед нами физиологическая метафора с заменой синтаксической структуры предложения:

Лагерное кровообращение, где эритроциты – живые люди, было нарушено.

There had been a break down in the camp's blood circulation system, whose erythrocytes were living people.

В оригинальном тексте метафорическое существительное *кровообращение* является подлежащим, в переводе же (при сохранении пассивного залога (*нарушено и had been*)) это обстоятельство места, что говорит о деактуализации объекта пассивной структуры предложения. Таким образом, метафорическое значение не сохраняется: в оригинальном тексте *живые люди – это часть лагерного кровообращения*, то есть заключенные не мыслятся вне системы лагеря. При переводе же *лагерь* служит не более чем локацией (*in the camp's*). При этом теряется полнота метафорического образа *живых людей – эритроцитов лагерного кровообращения*. В переводе не вычитывается этот сложный метафорический образ, который предстает теперь в усеченном виде: *живые люди – это эритроциты кровообращения*.

4. Теперь обратим внимание на пример **неполного перевода**, который, с одной стороны, характеризуется близостью оригинального и производного текстов, с другой – в нем не сохраняется авторский замысел.

Данный перевод выполнен с использованием слов с другим семным составом (Дж. Глэд использует смежные синонимы). В рассказе «Тифозный карантин» главный герой попадает в санчасть:

Расчесы на коже зажили гораздо раньше, чем другие раны Андреева. Исчезал понемногу черепаховый панцирь, в который превратилась на прииске человеческая кожа; ярко-розовые кончики отмороженных пальцев потемнели: тончайшая кожа, покрывавшая их после того, как лопнул пузырь отморожения, чуть загубела. И даже – самое главное – кисть левой руки разогнулась. За полтора года работы на прииске обе кисти рук согнулись по толщине черенка лопаты или кайла и заостенели, как казалось Андрееву, навсегда <...> Но ничего, кроме злобы, не было в его душе. Раны его души не были так легко залечены. Они никогда не были залечены.

Обратим внимание на перевод части предложения «Исчезал понемногу **черепаховый панцирь**, в который превратилась на прииске человеческая кожа»:

Little by little, the turtle-shell armor into which his skin had been transformed disappeared [1, с. 164].

“Armor” – 1) вооружение; доспехи; латы; панцирь; 2) броня (корабля, танка и т. п.); 3) бронесилы; 4) скафандр (водолаза); 5) зоол., бот. панцирь; б) броневой, бронированный [19, с. 61].

Это пример использования слова с другим семным составом, но схожим смыслом в рамках данного контекста. Главный герой рассказа «Тифозный карантин» в переводе приобретает качества, которыми автор никаким образом не мог его наделять, а именно воинственность, умение защититься, дать отпор.

В очерке «Что я видел и понял в лагере» В. Т. Шаламов говорит о том, что заметил на Колыме: «Чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становился зверем через три недели – при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях» [20]. «Человек – животное» – это тезис, который подтверждается зооморфным образом черепахового панциря. Ситуация, описанная в рассказе, демонстрирует как возможность начала физического восстановления заключенного, так и одновременную невозможность излечения его душевных ран, о чем нам прямо говорит автор: «Раны его души не были так легко залечены. Они никогда не были залечены». Актуальный смысл лексемы *панцирь* – ‘утрата человечности, человеческого облика’. *Панцирем* «обрастают» все заключенные без исключения, и, переводя этот метафорический образ словом *armor*, Дж. Глэд не смог передать данный смысл. Перед нами пример неточного (неудачного) перевода метафоры с одновременным упущением одной коннотации и добавлением другой.

То, что Дж. Глэд выбрал не совсем адекватное авторскому замыслу слово *armor*, говорит о том, что переводчик не увидел ближайший контекст и не смог понять объект метафоризации (*разрушение, трансформация человеческого тела*). На наш взгляд, ему следовало в метафорическом образе

использовать не слово *armor*, а слово *shell* (оболочка, панцирь), которое в большей мере соотносится с авторской установкой В. Т. Шаламова.

Заключение

Индивидуально-авторская картина мира формируется номинатором-интерпретатором в том числе на основе создаваемых им метафорических образов в совокупности с номинативно-прагматической интенцией. Сложность интерпретации этого тропа состоит в том, что метафора сама нуждается в расшифровке, а при переводе наряду с разворачиванием этого образа необходимо его «упаковать», используя ментальные схемы другого социума.

При переводе Джону Глэду удалось довольно точно передать многие метафорические образы В. Т. Шаламова, несмотря на различия в картинах мира автора и переводчика. Так, в «Колымских рассказах» метафоры преобразуются в образы со сходной семантикой: образ «шоссе, похожее на канат, которым с согнутыми спинами горы-бурлаки тащили к небу море» превращается образ «гор, которые напоминают бурлаков со сгорбленными спинами».

Отметим, что выявленные и классифицированные примеры эквивалентных переводов метафорических образов появляются по разным причинам:

1) переводчик из-за несовпадения своей и авторской картины мира не может до конца «разгадать» метафорический образ, поэтому переводной текст одновременно теряет исходные и приобретает новые коннотации (*панцирь* – *armor*);

2) при переводе метафоры не был учтен широкий контекст, а также не принята во внимание важная для рассказов В. Т. Шаламова концептуальная метафора человеческого тела как изувеченного, неправильного и больного (*горб* – *bumps*);

3) в отдельных случаях полному переводу препятствует закон семантического рассогласования в словосочетании (*тащили горы-бурлаки* – *the mountains resembled barge haulers*).

Список литературы

1. The Kolyma Tales / trans. John Glad. New York: Penguin Books, 1994. 220 p.
2. The Kolyma Tales / trans. John Glad. New York: W. S. Norton Company, 1980. 196 p.
3. The Kolyma Tales / Graphite. trans. John Glad. Harmondsworth: Penguin, 1991. 222 p.
4. Гичгелдиева М. О. Метафора в поэтическом дискурсе В. Т. Шаламова // Первые научные штудии: сб. науч. тр. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 7–12.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: уч. пос. М.: ЭТС, 2004. С. 70–71.
6. Боцьева Ф. А. Теория художественного перевода // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 69. СПб, 2008. С. 35–38.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
9. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. Прогресс, 1990. 157 с.

10. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск, 1985. С. 233.
11. Боева Е. Д., Кулькина Е. А. Способы перевода метафоры в художественном тексте // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №4 (34): в 3-х ч. Ч. 3. С. 41–44.
12. Стернин И. А. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания // Текст. Дискурс. Картина мира. Вып. 8. Воронеж: Истоки, 2012. С. 38–48.
13. Успенский Б. А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Commonplace, 2018. 288 с.
14. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. 216 с.
15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
16. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
18. Юргенсон Л. Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова // Тело в русской культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 399 с.
19. English-russian dictionary by Prof. V. K. Muller. Moscow, 1963. P. 61.
20. Что я видел и понял в лагере. URL <https://shalamov.ru/library/29/> (дата обращения 07.03.2021).

References

1. *The Kolyma Tales*. Trans. John Glad. New York, Penguin Books Publ., 1994. 220 p.
2. *The Kolyma Tales*. Trans. John Glad. New York, W. S. Norton Company Publ., 1980. 196 p.
3. *The Kolyma Tales*. Graphite. trans. John Glad. Harmondsworth, Penguin Publ., 1991. 222 p.
4. Gichgeldiyeva M. O. Metafora v poeticheskom diskurse V. T. Shalamova [Metaphor in the poetic discourse of V. T. Shalamova]. In: *Pervye nauchnye shtudii: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4* [First scientific studies: collection of scientific papers. Issue 4]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014. Pp. 7–12 (in Russian).
5. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye: uchebnoye posobiye* [Modern translation studies: textbook]. Moscow, ETS Publ., 2004. Pp. 70–71 (in Russian).
6. Botsiyeva F. A. Teoriya khudozhestvennogo perevoda [Theory of literary translation]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University of Humanities and Sciences*, 2008, no. 69, 2008. Pp. 35–38 (in Russian).
7. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye. Kurs lektsiy* [Modern translation studies. Lecture course]. Moscow, ETS Publ., 1999. 192 p. (in Russian).
8. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul’tury” Publ., 1998. 768 p. (in Russian).
9. Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1990. 157 p. (in Russian).
10. Cheremisina M. I. *Sravnitel’nye konstruktсии v russkom yazyke* [Comparative constructions in the Russian language]. Novosibirsk, 1985. Pp. 233 (in Russian).
11. Boeva E. D., Kul’kina E. A. Sposoby perevoda metafory v khudozhestvennom tekste [Ways of translating metaphors in literary text]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2014, no. 4 (34), pp. 41–44 (in Russian).
12. Sternin I. A. Metod aplikatsii mental’nykh skhem v vyyavlenii skrytogo smysla vyskazyvaniya [Method of application of mental schemes in identifying the hidden meaning of the statement]. In: *Tekst. Diskurs. Kartina mira. Vyp. 8* [Text. Discourse. Picture of the world. Issue 8]. Voronezh, Istoki Publ., 2012. Pp. 38–48 (in Russian).
13. Uspenskiy B. A. Issledovaniya po russkoy literature, fol’kloru i mifologii [Research on Russian literature, folklore and mythology]. Moscow, Commonplace Publ., 2018. 288 p. (in Russian).
14. Teliya V. N. Metafora i eye rol’ v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphor and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol’ chelovecheskogo faktora v yazyke* [The role of the human factor in language]. Moscow, 1988. 216 p. (in Russian).
15. Gal’perin I. R. *Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (in Russian).
16. Shklovskiy E. A. *Varlam Shalamov* [Varlam Shalamov]. Moscow, Znaniye Publ., 1991. 64 p. (in Russian).
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1980. 242 p.
18. Yurgenson L. Kozha – metafora teksta v lagernoy proze Varlama Shalamova [Skin – a metaphor of the text in the camp prose of Varlam Shalamov]. In: *Telo v russkoy kul’ture. Sbornik statey* [Body in Russian culture. Digest of articles]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005. 399 p. (in Russian).
19. Muller V. K. *English-Russian Dictionary*. Moscow, 1963. P. 61.

20. *Chto ya videl i ponyal v lagere* [What I saw and understood in the camp] (in Russian). URL <https://shalamov.ru/library/29/> (accessed 7 March 2021).

Информация об авторах

М. О. Гичгелдиева, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the authors

M. O. Gichgeldiyeva, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 21.04.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 811.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-141-148>

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Мохсен Абуи Мехризи¹, Али Мадаени Аввал²

^{1,2} Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹ mohsen.abooi@gmail.com

² amadayen@ut.ac.ir

Аннотация

Введение. Методом сопоставительного языкознания исследуется, рассматривается и сравнивается понятие управления в русском и персидском языках. При этом делается акцент на близости по общиндоевропейскому корню этих двух языков.

Целью данного исследования являются лучшее понимание управления в русском языке и выявление присутствия управления в персидском языке, помимо его определения в персидском, рассматриваются аспекты на основе русского языка, такие как сильное и слабое, прямое и косвенное управление и функции, которые выполняют зависимые слова.

Материал и методы. Материалом послужили грамматические пособия по обоим языкам и специализированные книги и статьи по теме управления (особенно в русском языке). По данной теме в русском языке существует немало исследований, но в персидском языке встречаются редкие работы, в основном на уровне диссертационных работ.

Результаты и обсуждение. Управление в русском языке, бесспорно, существует, только встречаются некоторые разногласия по его полноценному существованию, например его разграничение с примыканием, в данной работе объясняется их отличие. Присутствие управления в персидском языке спорное, но в данном исследовании доказывается, что оно существует, но по сравнению с русским языком по-другому выражается. Управление в русском языке более отработанное, поэтому используется как шаблон и на его основе рассматривается управление в персидском языке.

Заключение. Делаются выводы о сравнении управления в обоих данных языках, в связи с чем обнаруживаются факты, например употребление послелога – ل in персидском языке, во многих случаях уподобляется управлению беспредложного одушевленного винительного падежа мужского рода. Представлены и другие выводы: наличие сильного и слабого, прямого и косвенного управления в персидском языке. Результаты данного исследования могут быть очень эффективными при обучении русскому или персидскому языкам как иностранным.

Ключевые слова: рассмотрение, управление, язык, русский, персидский, грамматика, присутствие, отсутствие

Для цитирования: Мохсен Абуи Мехризи, Али Мадаени Аввал. Сопоставительное сравнение понятия управления в русском и персидском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 141–148. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-141-148>

Original article

ADAPTIVE COMPARISON OF THE CONCEPT OF GOVERNANCE IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

M. Abuei¹, A. Madaenei²

^{1,2} Tehran University, Tehran, Iran

¹ mohsen.abooi@gmail.com

² amadayen@ut.ac.ir

Abstract

Introduction. By the method of comparative research, the concepts of governance in the Russian and Persian languages are considered and compared. At the same time, an emphasis is placed on the common Indo-European root of these two languages.

The purpose of this study is a better understanding of governance in the Russian language and the identification of the presence of governance in the Persian language, which, in addition to its definition in Persian, tries to consider its aspects based on the Russian language, such as strong and weak, direct and indirect, and functions that perform dependent words.

The materials of this article are grammar guides in both languages and specialized books on the topic of governance, especially in Russian.

Consideration of governance in Russian. Governance in the Russian language undoubtedly exists, only there are some moments in its full-fledged existence as its delimitation with adjoining, which in this work explains their difference. *Consideration of the presence or absence of governance in Persian.* The presence of governance in the Persian language is controversial, but this work proves that it exists, but in comparison with the Russian language, it is expressed differently. *Comparison of governance in Russian and Persian.* Governance in the Russian language is more elaborate, therefore it is used as a template and on its basis the governance in the Persian language is considered.

Conclusion. In conclusion, the main results of research are drawn about the comparison of governance in both given languages, in connection with which facts are revealed such as the usage of the postposition – ۱ in many cases is similar to the governance masculine gender accusative case, as well as the presence of strong and weak, direct and indirect governance. The results of this study can be effective in teaching Russian or Persian.

Keywords: *consideration, governance, language, Russian, Persian, grammar, presence, absence*

For citation: Abuei M., Madaeni A. Sopostavitel'noye sravneniye ponyaniya upravleniya v russkom i persidskom yazykakh [Adaptive Comparison of the Concept of Governance in Russian and Persian Languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2022, vol. 1 (219), pp. 141–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-141-148>

Введение

Сопоставительное исследование в современном языкознании привлекает внимание большинства лингвистов [1].

В данной работе изучается и сравнивается управление как один из самых главных и трудных вопросов грамматики русского языка для учащихся, родным языком которых является персидский язык. Учащиеся, изучающие персидский язык, тоже встречаются с проблемами при обучении правилам управления в персидском языке из-за того, что, по мнению некоторых лингвистов, не существует управления в персидском языке или в силу аналитического строя персидского языка, оно выражается аналитически и больше всего при помощи предлогов и структурно отличается от русского языка. Управление в русском языке существует, однако существуют и разногласия в его интерпретации.

Русский и персидский языки происходят от одного праязыка и являются индоевропейскими языками.

Иранские и славянские языки принадлежат индоевропейской семье языков и проявляют структурные и лексические сходства [2].

Русские лингвисты тоже подтверждают такой факт: славянские и иранские языки связаны родством в семье индоевропейских языков многовековыми контактами вследствие как территориального соседства, так и этнокультурных взаимоот-

ношений говорящих на этих языках народов [3, с. 232].

Э. Б. Боев полагает, что среди индоевропейских языков близость славянских и иранских языков сравнительно больше, чем по отношению к другим языкам, даже из индоевропейской семьи языков, потому что они входят в группу языков «сатем»¹, и, таким образом, они ближе друг к другу по сравнению языков группы «кентум», которые в себе включают германские, романские и кельтские языки [4, с. 182].

Материал и методы

Об управлении в русском и персидском языках написано несколько диссертационных работ [5–8]. Все эти диссертационные работы рассматривают управление отдельных частей речи русского языка и способы их выражения в персидском языке и т. д. [9, 10].

По поводу управления исключительно в персидском языке, особенно среди лингвистов персидского языка, не найдено работ.

В русском языке много работ посвящены управлению и практически любые грамматические книги

¹ Делением кентум-сатем называется изоглосса в семье индоевропейских языков, относящаяся к эволюции трех рядов дорсальных согласных, реконструированных для праиндоевропейского языка (ПИЕ), *k^w (лабиовелярный), *k (велярный) и *k̑ (палатовелярный).

на тему синтаксиса русского языка включают в себя тему управления.

Управление в русском языке

Мы не собираемся обсуждать факт наличия или отсутствия управления в русском языке, а только рассмотрим существующее понятие управления, потому что данное понятие принято среди всех лингвистов русского языка, только есть некоторые замечания на полноценное его существование. О данном заявлении подробно пишется далее, но сначала придется определить управление и некоторые его аспекты, что и поможет лучше проверить факт наличия и способов выражения управления в персидском языке.

Управление – разновидность подчинительной связи, при котором главное слово для выражения смысловых отношений требует определенных падежных форм с предлогом или без предлога у зависимого слова [11, с. 8].

Перечислим некоторые аспекты управления в русском языке:

1. Сильное и слабое управление:

Когда господствующее слово требует четкой формы у зависимого слова, получается сильное управление, например:

а) переходные глаголы, которые управляют винительным падежом без предлога: *строить дом, творить чудеса, найти ошибку*;

б) пассивные глаголы с творительным падежом тоже сильным управляют зависимыми словами: *мыться мылом, махнуть рукой, любимый отцом*;

в) существует количество имен существительных, которые управляют, они требуют предлога «к»: *любовь к жене, презрение к подхалимству, внимание к оратору, уважение к взрослым, отвращение к лентяям*.

При слабом управлении употребляются разные падежные формы для одного господствующего слова: ходили – в лесу, возле реки, недалеко от деревни, рядом с пастбищем [12].

С. О. Саттарова считает, что управление – «это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения, восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определяющие» [13]. Из данного определения вытекает, что словосочетания с управляемыми падежными формами могут быть распределены по двум группам: а) словосочетания, выражающие собственно объектные отношения; б) словосочетания, выражающие объектные отношения, осложненные оттен-

ками обстоятельственного или определительного значений. В первом случае мы имеем дело с явлением сильного управления – *купить книгу*, надеяться *на мать*, встретиться с другом, а во втором – слабого – *купить брату* (для брата), *споткнуться о порог* (на пороге) и т. д. Осложненность другими оттенками значения при слабом управлении позволяет заменить форму зависимого падежа другим [14].

2. Зависимое слово при управлении может быть прямым (когда оно в предложении стоит без предлога в винительном падеже) или косвенным дополнением (остальные формы): *я прочитал книгу, он рассказал о жене*.

3. При управлении зависимое слово может выполнять различные функции (обстоятельство): *брат положил нож на стол* (обстоятельство места), *брат с другом поссорились и столом били друга друга* (обстоятельство образа действия).

4. В предложении зависимое слово может быть несогласованным обстоятельством: *любовь к жизни* [15].

Как было сказано, лингвисты русского языка в основном единогласно рассматривают тему управления, но у некоторых существуют разногласия.

По мнению М. Д. Лесника, управление существует только тогда, когда грамматические свойства зависимого слова образуются в зависимости от господствующего слова [16, с. 15]. Если такой зависимости не существует, то это примыкание, а не управление. В словосочетании «плаваю с братом» на самом деле существует примыкание, потому что падежная форма «с братом» не образуется от глагола «плавать», но в сочетании «ссорюсь с братом», падежная форма творительного падежа является обязательной, в связи с тем, что глагол ссориться требует этого падежа [17, с. 12, 13].

С. О. Саттарова заявляет: «Традиционно примыкающими считались неизменяемые слова: наречия, инфинитив, деепричастия, включая компаратив». На современном же этапе развития синтаксической науки ученые полагают, что примыкающими могут быть и падежные формы: «Примыкание – это такая подчинительная связь, при которой к глаголу, имени или наречию присоединяются либо: а) слово, не имеющее форм словоизменения: наречие (включая компаратив и деепричастие), либо б) формы косвенного падежа существительного (без предлога или с предлогом) и при этом устанавливаются отношения собственно или обстоятельственно характеризующие либо компаративные». Примыкание падежной формы называют именным (падежным или предложно-падежным) [13].

Также важно различать управляемые и примыкающие падежные формы. Внешне они ничем не отличаются друг от друга: *скупать по городу* и *гулять по городу*. Во втором примере мы имеем дело с предложно-падежным примыканием, выражающим чисто обстоятельственные отношения. В «Грамматике-90» пишется о том, что именное примыкание отличается от слабого управления тем, что на самом деле атрибутивное значение самой падежной формы или всей предложно-падежной группы первенствует и является потенциальным наречием или по-другому можно назвать: потенциальная прилагательная форма. Как кажется, для полной характеристики разницы между этими видами связи нельзя ограничиться только ссылкой на значение зависимого имени существительного. Здесь, в сущности, вопрос сводится к тому, какую зависимую падежную форму считать управляемой, а какую – примыкающей. Для решения этого вопроса необходимо сначала определить признаки общие, затем – дифференциальные [13, с. 725].

Как сказано выше, основная цель рассмотрения управления в русском языке – достижение лучшего порядка для определения (при наличии) управления в персидском языке.

Наличие или отсутствие управления в персидском языке

Наличие управления в персидском языке – тема спорная. Некоторые лингвисты персидского языка не поднимают данную тему. Поэтому наличие или отсутствие управления в персидском языке можно найти в работах лингвистов со знанием других языков, которые включают в себя данную тему.

Л. С. Пейсиков в синтаксисе персидского языка пишет, что не представляет управления в грамматике персидского языка в связи с тем, что данное понятие может только присутствовать в тех языках, у которых существуют падежные отношения, так, в предложении *او از این کتاب استفاده کرد* u az in ketab estefade kard (он использовал эту книгу) глагол «использовать» не управляет в связи с тем, что дополнение (зависимое слово) по форме не меняется [18].

М. В. Мохаммади пишет: «В персидском языке вопреки русскому языку не существуют падежных систем и грамматические значения выражаются при помощи предлогов или без них. В персидском языке управление выражается аналитическим образом, в структурах с приставками или постфиксами, изафетными или другими способами» [19].

Наличие или отсутствие падежных систем тесно связано с присутствием или отсутствием управле-

ния, если в русском языке говорится о наличии управления, потому что существует большой объем материала падежных систем, который занимает большое количество времени по сравнению с другими разделами морфологии [20].

Ю. А. Рубинчик в грамматике персидского языка подчеркивает, что нельзя отказаться от четкого и принятого понятия «управление» в персидском языке, необходимо только принимать во внимание, что управление может выражаться при помощи предлогов или послелога «را» [21]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в староперсидском языке существовали падежи, очень похожие на русские. М. Ахмади к ним причисляет 8 падежей: именительный, объектный, зависимый, звательный, инструментальный, рефлексный, местный и падеж с понятием действия от какого-либо источника [10].

В общем, падежные системы характерны для индоевропейских языков. К. И. Ирисов в своей статье пишет об исследованиях Е. Куриловича на тему падежных систем в индоевропейских языках, что отражается в статье «Проблема классификации падежей». По мнению Е. Куриловича, падежная система является общим характером для индоевропейских языков. Он перечисляет такие падежи, как номинатив, аккузатив, генитив, датив, аблатив, локатив, инструменталь и вокатив [22]. При этом нельзя отрицать, что падежные парадигмы порой различаются в индоевропейских языках [23].

Грамматика как часть языкознания является совершенно более глубоким понятием, чем кажется на первый взгляд.

Каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю, грамматическое значение, то, что выражено, и внешнюю, грамматический способ выражения, то, чем выражено [24, с. 134].

На основе данного заявления можно сделать вывод, что даже при отрицании падежных форм в персидском языке падежные значения не отрицаются:

Отцовский дом *او در خانه بودی پدری* он был дома *او به خانه رفت* он пошел домой *بیرون رفتن از خانه* выйти из дома *روی سقف خانه*

В персидском языке для выражения падежных значений используются предлоги; морфологический падеж в русском языке является одним из способов выражения падежных значений. Одним из способов выражения падежных значений в персидском языке является употребление предлогов в сочетании с именами существительными [25].

Сравнение управления в русском и персидском языках

С учетом послелога «را» и предлогов как средства выражения падежных значений можно сказать, что в персидском языке тоже существует сильное и слабое управление. Например, эквивалент к словосочетанию «любовь к жизни» в персидском языке выражается как عشق به زندگی и предлог после имени существительного عشق (любовь) в этом значении обычно используется «به» (в этом контексте: к), عشق به فرزند (любовь к своему ребенку) عشق به کار (любовь к работе) и т. д.

Как и в русском языке, в персидском также можно замечать другие предлоги, например: любовь с ненавистью (عشق با تنفر). В персидском языке встречаются такие виды примеров: عشق در کار (любовь к работе), но подобно русскому языку слово «любовь» принимается как слово с сильным управлением.

В персидском языке еще бывает прямое и косвенное управление. Косвенное управление, как и в русском языке, в основном является употреблением дополнительного с предлогами, таких примеров много, а прямое управление – употреблением послелога – را с дополнением, что является объектом действия. Употребление послелога – را прикрывает много значений беспредложного одушевленного винительного падежа мужского рода:

Брат увидел Антона (برادر آنتون را دید)

Убили врага (دشمن را کشتند)

Можно сделать вывод, что послелог – را остался от старопадежных форм древнеперсидского языка и является очень похожим на винительный падеж.

По сравнению с другими характеристиками об управлении в русском языке как функции, которую выполняет зависимое слово, в персидском языке в соответствии с некоррелятивным присутствием управления невозможно представлять такое разнообразие. Только в некоторых конструкциях как конструкции с послелогом «را» можно с уверенно-

стью заявлять, что зависимое слово является объектом действия.

Заключение

Само понятие управления в русском языке является принятым, хотя и есть некоторые нюансы и разногласия среди лингвистов.

В персидском языке, вопреки мнению некоторых языковедов, утверждалось, что оно тоже существует, но в основном выражается при помощи предлогов и послелога – را, с учетом того, что парадигма зависимого слова не принимается как обязательный фактор наличия управления, а само падежное значение является действующим фактором.

Послелог – را в персидском языке очень часто принимается при понятии объекта действия, и в связи с этим не нужно представлять предлог как единственный массовый способ реализации понятия управления, что позволяет представлять корреляцию и разнообразие при применении способов выражения грамматического значения управления. Такие корреляции и оппозиции в любой грамматике являются требованием для утверждения существования грамматического способа и в данном контексте управления.

Употребление послелога – را во многих случаях уподобляется управлению беспредложного одушевленного винительного падежа мужского рода, этот факт говорит о близости двух обсуждаемых языков.

В ходе статьи доказывалось, что понятия «сильное и слабое управление», «прямое и косвенное управление» в персидском языке тоже существуют, но лингвисты их не особо обсуждали и не принимали во внимание.

Учет данных результатов при обучении персидскому и русскому языкам является очень эффективным для лучшего и качественного изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Страмной А. В. Словоизменительные категории имени существительного в английском и русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5. С. 466–468.
2. عسگری، لیلیا؛ واژه های دخیل فارسی در روسی؛ نامه فرهنگستان، 1385. ص 174–150. آسگاری ل. Заимствованные персидские слова в русском языке; Тегеран: Наме Фархангестана. 2006. С. 150–174.
3. Варбот Ж. Ж. Об одном славянско-иранском лексическом соответствии // Родной язык 1, 2021. С. 231–236.
4. Боев Э. Б., Мохаммадиан М. Лексические параллели в славянских и иранских языках // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 182–186.
5. Адиган А. Особенности управления русских глаголов (с точки зрения иранских учащихся): дис. ... магистранта обучения русскому языку. Тегеран, 2004. 65 с.

6. Назари Ф. Рассмотрение управления однокоренных общеупотребительных слов в русском языке и их эквивалентов в персидском языке на уровне бакалавриата (начальный этап): дис. ... канд. филол. наук. Тегеран, 2014. 195 с.
7. Зареи М. Управление прилагательных в русском языке и способы его выражения в персидском языке: дис. ... магистранта обучения русскому языку. Тегеран, 2014. 225 с.
8. Амели П. Управление русских глаголов движения и способы его выражения в персидском языке: дис. ... магистранта обучения русскому языку. Тегеран, 2012. 89 с.
9. 138–123 صفحات. 1384. مقایسه نقش های اسم در زبان های فارسی و روسی؛ پژوهش های زبانشناختی در زبان های خارجی، حسینی، لسانی، لسانی X. Сравнение ролей имени существительного в персидском и русском языках. Тегеран: Пежухешхае Забаншенахти Дар Забанхае Хареджи, 1969. С. 123–138.
10. 1398 احمدی، میریلا؛ محمدی، محمدرضا؛ نظری، فاضه؛ حالت در زبان های روسی و فارسی و مشکلات فراگیری آن برای فارسی زبانان؛ جستارهای زبانی، 266–251. صفحات: 266–251. آхмади M., موхаммади M., Назари F. Падеж в русском и персидском языках и трудности при его изучении для пероговорящих. Тегеран: Джостархае Забани, 2019. С. 251–266.
11. Орешко О. Глагольное управление в русском языке (сопоставление конструкций в русском и чешском языках). Врно: V Brně dne, 2009. 50 с.
12. Касаткин Л. Л. (под редакцией). Русский язык. М.: Академия, 2011. 780. с.
13. Саттарова С. О. Дифференциальные признаки видов синтаксической связи на уровне словосочетания // Science and Education Scientific Journal. Vol. 1, Issue 3. 2020. С. 723–728.
14. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 714 с.
15. Руденко-Моргун О. И., Дунаева Л. А., Кедровая Г. Е. Русский синтаксис. М.: Центр интеграция, 2001. 124 с.
16. Лесник М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке. Рига, 1957. 160 с.
17. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 237. с.
18. Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М.: Ин-т междунар. отношений, 1959. 414 с.
19. Мохаммади M., Алияри M., Зареи M. Грамматические способы выражения русских прилагательных, словообразовательных соотносительных с глаголом в персидском языке // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. № 2 (5). С. 77–94.
20. Вализаде X. Трудности усвоения пероговорящими студентами падежной системы русского языка // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 139–150.
21. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточ. лит., 2001. 600 с.
22. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностран. лит., 1962. 456 с.
23. Реформацкий А. А. Введение в языковедение. М.: Аспент пресс, 1996. 275 с.
24. Ирисов К. И. Категория падежа в татарском языке в сравнении с индоевропейскими языками // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1997. С. 186–188.
25. Захраи С. X., Каванд М. М. Оппозиция винительного и родительного падежей как способ выражения определенности в русском языке на фоне персидского // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. № 6 (129). 2018. С. 144–149.

References

1. Stramnoy A.V. Slovoizmenitel'nye kategorii imeni sushchestvitel'nogo v angliyskom i russkom yazykakh [Inflectional categories of a noun in English and Russian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2019, no. 5, pp. 466–468 (in Russian).
2. 174–150 صفحات. 1385. واژه های دخیل فارسی در روسی نامه فرهنگستان. Asgari L. *Zaimstvovannnye persidskiye slova v russkom yazyke* [Persian words included in Russian]. Tehran, Name Farhangestana Publ., 2006. Pp. 150–174. (in Persian).
3. Varbot Zh. Zh. *Ob odnom slavyansko-iranskom leksicheskom sootvetsvii* [About one Slavic-Iranian lexical correspondence]. *Rodnoy yazyk*, 2021, no. 1, pp. 231–236 (in Russian).
4. Boyev Ye. B., Mohammadian M. *Leksicheskiye paralleli v slavyanskikh i iranskikh yazykakh* [lexical parallels in Slavic and Iranian languages]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2018, no. 6, pp. 182–186 (in Russian).

5. Adiban A. *Osobennosti upravleniya russkikh glagolov (s tochki zreniya iranskikh uchashchikhsya)*. Dis. Magistrant [Features of the governance of Russian verbs (from the point of view of Iranian students). Diss. Master student]. Tehran, 2004. 65 p. (in Russian).
6. Nazari F. *Rassmotreniye upravleniya odnokorenykh obshcheupotrebitel'nykh slov v russkom yazyke i ikh ekvivalentov v persidskom yazyke na urovne bakalavriata: nachal'nyy etap*. Dis. ... kand. filol. nauk [A study of syntactic governance of related words with high frequency in Russian language and their equivalents in Persian language in Bachelor's elementary level. Diss. ... cand. philol. sci.]. Tehran, 2014. 195 p. (in Russian).
7. Zarei M. *Upravleniye prilagatel'nykh v russkom yazyke i sposoby ego vyrazheniya v persidskom yazyke*. Dis. Magistrant [The syntactic governance of adjectives in Russian and its expression in Persian. Diss. Master student]. Tehran, 2014. 225 p. (in Russian).
8. Ameli P. *Upravleniye russkikh glagolov dvizheniya i sposoby ego vyrazheniya v persidskom yazyke*. Dis. Magistrant [Syntax governance of Russian verbs of motion and the way they are expressed in Persian. Diss. Master student]. Tehran, 2012. 89 p. (in Russian).
9. Lesani H. پژوهش های زبانشناختی در زبان های خارجی. 1969. شماره 24. صفحات 123–138. لسانی ح. مقایسه نقش های اسم در زبان های فارسی و روسی. *Sravneniye roley imeni sushchestvitel'nogo v persidskom i russkom yazykakh* [Comparison of noun roles in Persian and Russian languages]. Tehran, Pezhuheshhae Zabanshenahiti – Dar Zabanhae Haredzhi Publ., 1969. Pp. 123–138 (in Persian).
10. جستارهای زبانی. دوره 10 شماره 1. 2019. احمدی م، محمدی م. نظری ف. حالت در زبان های روسی و فارسی و مشکلات فراگیری آن برای فارسی زبانان. *Padezh v russkom i persidskom yazykakh i trudnosti pri ego izuchenii dlya persogovoryashchikh* [Case in Russian and Persian languages and learning its difficulties for Persian speakers]. Tehran, Dzhostarhae Zabani Publ., 2019. Pp. 251–266 (in Persian).
11. Oreshko O. *Glagol'noye upravleniye v russkom yazyke (sopostavleniye konstruktivnykh v russkom i cheshskom yazykakh)* [Verb governance in Russian (matching constructions in Russian and Czech)]. Brno, V Brně dne Publ., 2009. 50 p. (in Russian).
12. Kasatkin L. L. *Russkiy yazyk* [Russian language]. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 780 p. (in Russian).
13. Sattarova S. O. Differential'nye priznaki vidov sintaksicheskoy svyazi na urovne slovosochetaniya [Differential signs of types of syntactic connection at the level of a word combination]. *Science and Education Scientific Journal*, 2020, vol. 1, issue 3, pp. 723–728 (in Russian).
14. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 714 p. (in Russian).
15. Rudenko-Morgun O. I., Dunaeva L. A., Kedrovaya G. E. *Russkiy sintaksis* [Russian syntax]. Moscow, Tsentr integratsiya Publ., 2001. 124 p. (in Russian).
16. Lesnik M. D. *K voprosu o priglago'l'nom upravlenii v sovremennom russkom yazyke* [On the question of verbal governance in modern Russian]. Riga, 1957. 160 p. (in Russian).
17. Skobpikova E. S. *Soglasovaniye i upravleniye v russkom yazyke* [Agreement and governance in Russian]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971. 237 p. (in Russian).
18. Peiskov L. S. *Voprosy sintaksisa persidskogo yazyka* [Persian syntax issues]. Moscow, Institut mezhdunarodnykh otnosheniy Publ., 1959. 414 p. (in Russian).
19. Mohammadi M., Alijari M., Zarei M. Grammaticheskiye sposoby vyrazheniya russkikh prilagatel'nykh, slovoobrazovatel'no sootnositel'nykh s glagolom v persidskom yazyke [Grammatical ways of expressing Russian adjectives, derivationally correlative with a verb in Persian]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*, 2015, no. 2(5), pp. 77–94 (in Russian).
20. Valizade H. *Trudnosti usvoeniya persogovoryashchimi studentami padezhnoy sistemy russkogo yazyka* [Difficulties in assimilation of the case system of the Russian language by Persian-speaking students]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2017, no. 4, pp. 139–150 (in Russian).
21. Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of Modern Persian Literary Language]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2001. 600 p. (in Russian).
22. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 456 p. (in Russian).
23. Reformatskiy A. A. *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspent press Publ., 1996. 275 p. (in Russian).

24. Irisov K. I. *Kategoriya padezha v tatarskom yazyke v sravnenii s indoeuropeyskimi yazykami* [Case category in the Tatar language in comparison with the Indo-European languages]. *Vestnik Chelyabenskogo gosudastvennogo universiteta*, 1997, pp. 186–188 (in Russian).
25. Zahrai S. H., Kavand M. M. *Oppozitsiya vinitel'nogo i roditel'nogo padezhey kak sposob vyrazheniya opredelennosti v russkom yazyke na fone persidskogo* [Opposition of the accusative and genitive cases as a way of expressing certainty in Russian on the background of Persian]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2018, no. 6 (129), pp. 144–149 (in Russian).

Информация об авторах

Мохсен Абуи Мехризи, аспирант, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, почтовый код: 1439813164).

Али Мадаени Аввал, кандидат филологических наук, доцент департамента русского языка, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, почтовый код: 1439813164).

Information about the authors

A. Mohsen, graduate student, Tehran, University of Tehran (Kargar Shomali street, Tehran, Iran, 1439813164).

A. Madayeni, Candidate of Philology, Associate Professor, University of Tehran (Kargar Shomali street, Tehran, Iran,

Статья поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 13.09.2021; accepted for publication 21.12.2021

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-149-158>

ИНТЕГРАЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ УЧИТЕЛЕЙ В КИТАЕ

Ли Бин

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, lib187@nenu.edu.cn

Аннотация

Введение. В настоящее время в условиях прогрессирования тенденций глобализации и информатизации единовременное и окончательное образование (one-off and terminative education) далеко не всегда отвечает требованиям общества и государства к качеству учительских кадров. В рамках популяризации образовательной идеологии «обучение в течение всей жизни» интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей стала одной из ведущих целей реформирования образования во многих странах. Долгое время традиционное разделение в системе китайского педагогического образования и процессе профессионального развития учителей не позволяло повысить качество учительских кадров. В связи с этим в Китае в конце XX в. начались исследования по проблемам интеграции в данном образовании и развитии. С того времени здесь был накоплен значительный опыт интеграции педагогического образования как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Цель – на основе анализа тенденции интеграции в современном педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае определить ее сущность, охарактеризовать ее ключевые элементы и выявить существующие проблемы.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили научно-педагогические труды китайских исследователей по проблеме исследования. В качестве методов в данной работе использовались теоретический анализ научно-педагогической литературы по проблеме исследования, опыта реализации интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей, обобщение и конкретизация.

Результаты и обсуждение. Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае заключается в том, чтобы рационально проектировать цели и содержание обучения на различных этапах профессионального развития учителей, устранить разделение в данном процессе, оптимизировать использование образовательных ресурсов, содействовать повышению качества учительских кадров. Местное правительство, высшие учебные заведения, организации профессиональной переподготовки учителей и школы как важные участники интеграции по-своему способствуют ее реализации в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей. Данная интеграция в основном отражается в интеграции целей обучения, учебных программ, образовательных учреждений, участвующих в профессиональной подготовке учителей, аттестации квалификации учителей и оценке образовательных ресурсов. Способствование эффективной профессиональной коммуникации и взаимодействию на всех этапах профессионального развития учителей и между различными участниками педагогического образования, укрепление преемственности целей и содержания образования, повышение качества педагогических кадров в системе профессиональной переподготовки учителей остаются важными задачами интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в будущем.

Заключение. Сущность интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае заключается в устранении, сокращении разделения в процессе профессиональной подготовки учителей и содействии непрерывному профессиональному развитию учителей. Посредством интеграции цели учебных программ, образовательных учреждений, аттестации квалификации учителей и образовательных ресурсов действительно достигается повышение качества подготовки учителей. Однако дальнейшее развитие и совершенствование интеграции в профессиональном образовании учителей подлежит дальнейшему глубокому исследованию в теории и практике в данной области, а также требует решения существующих проблем.

Ключевые слова: педагогическое образование, профессиональное развитие учителей, интеграция, обучение в течение всей жизни, Китай

Для цитирования: Ли Бин. Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 149–158. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-149-158>

PEDAGOGY

Original article

INTEGRATION IN TEACHER EDUCATION AND TEACHERS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN CHINA

Li Bing

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, lib187@nenu.edu.cn

Abstract

Introduction. Currently, in the context of the progression of globalization and informatization trends, one-off and terminative education does not always meet the requirements of society and the state for the quality of teaching staff. As part of the popularization of the educational ideology “lifelong learning”, integration in teacher education and professional development of teachers has become one of the leading goals of education reform in many countries. For a long time, the traditional separation in the system of Chinese teacher education and the process of professional development of teachers did not allow improving the quality of the teaching staff. In this regard, in China at the end of the XX century research began on the problems of integration in this education and development. Since that time, considerable experience has been accumulated here in the integration of teacher education, both at a theoretical and practical level.

The aim of the study is to determine the essence, characterize the key components and identify existing problems based on the analysis of integration in modern teacher education and professional development of teachers in China.

Material and methods. The material of this research was the scientific and pedagogical works of Chinese researchers on the research problem. As methods in this work, we used a theoretical analysis of scientific and pedagogical literature on the problem of research, the experience of implementing integration in teacher education and professional development of teachers; generalization and concretization.

Results and discussion. Integration in teacher education and professional development of teachers in China is to rationally design the goals and content of teaching at different stages of professional development of teachers, change the division in this process, optimize the use of educational resources, and promote the quality of teaching staff. The government, higher education institutions, professional retraining organizations for teachers and schools, as important participants in integration, in their own way contribute to its implementation in teacher education and teacher development. This integration is mainly reflected in the integration of learning objectives, curricula, educational institutions involved in teacher training, teacher qualifications and educational resources. Promoting effective professional communication and interaction at all stages of professional development of teachers and between various participants in teacher education, strengthening the continuity of the goals and content of education, improving the quality of teaching staff in the system of professional retraining of teachers remain important tasks of integration in teacher education and professional development of teachers in the future.

Conclusion. The essence of integration in teacher education and professional development of teachers in China is to change the divisions in teacher training and to promote the continuous professional development of teachers. Through the integration of goals, curricula, educational institutions, attestation of teacher qualifications and educational resources, the quality of teacher training is indeed improved. However, further development and improvement of integration in teacher education is subject to further deep research in theory and practice in this area, and also requires solving existing problems.

Keywords: *teacher education, teachers' professional development, integration, lifelong learning, China*

For citation: Li Bing. Integratsiya v pedagogicheskom obrazovanii i professional'nom razvitiu uchiteley v Kitaye [Integration in Teacher Education and Teachers' Professional Development in China]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 149–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-149-158>

Введение

В стремительно развивающемся современном мире единовременное и окончательное образование (one-off and terminative education) далеко не всегда отвечает требованиям государства и обще-

ства к качеству учительских кадров. В связи с этим интеграция в педагогическом образовании стала одной из важнейших тенденций реформы и развития системы образования во многих странах.

Еще в 1972 г. Э. Джеймс в своем отчете о подготовке учителей «Report of Committee of Enquiry into Teacher Education and Training» назвал необходимым применение образовательной идеологии «обучение в течение всей жизни» в практике профессиональной подготовки учителей и выдвинул концепцию интеграции в процессе профессионального развития учителей [1]. Далее на XLV Международной образовательной конференции, организованной ЮНЕСКО в Женеве в 1996 г., было указано, что подготовка учителей, способных адаптироваться к социальным изменениям, стала настоящим вызовом для мирового педагогического образования [2]. Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей приобрела глобальный характер, и подготовка учителей, соответствующих требованиям развития и реформирования образования, стала важной задачей каждой страны.

В современном Китае педагогическое образование является видом образования, специально «подготавливающим талантов в области образовательного дела, способствующим индивидуальному развитию и социальному прогрессу» [3, с. 7]. Таким образом, педагогическое образование обычно рассматривается как движущая сила социального развития. Профессиональное развитие учителей относится к процессу устойчивого роста учителей в их интеллекте, опыте и менталитете на основе обучения, практики, рефлексии, опыта и т. д. [4]. Учитель – это развивающаяся личность, и его развитие непрерывно; каждое событие в профессиональном развитии учителей взаимосвязано и интерактивно, т. е. то, что происходит на том или ином этапе развития, определяется предыдущими событиями, а также играет решающую роль в будущих событиях [5, с. 19]. Поэтому профессиональная подготовка учителей должна быть не разовым мероприятием, а непрерывным и пожизненным. Подготовка учителей с готовностью и способностью к непрерывному обучению и исследованию должна основываться на образовательной концепции «обучение в течение всей жизни». В соответствии с целью создания системы непрерывного профессионального развития учителей проводится глубокая реформа педагогического образования. В этом контексте было выдвинуто требование к интеграции педагогического образования и профессионального развития учителей.

Современная система профессионального развития учителей в Китае в целом традиционно состоит из двух основных частей: вузовское педагогическое образование (Pre-service teacher education), т. е. подготовка до вступления в должность, и послевузовское педагогическое образование (In-service Teacher Education), т. е. профессиональная

переподготовка после окончания учебы. Эти две части педагогического образования в Китае долгое время были «четко разделены и не связаны друг с другом, что привело к нерациональному использованию образовательных ресурсов и неэффективности повышения качества учительских кадров» [6, с. 71]. Чтобы проследить тенденцию развития мирового педагогического образования и улучшить собственную систему профессиональной подготовки учителей, в 1996 г. в документе «Некоторые вопросы по реформе и развитию педагогического образования», который был обнародован Министерством образования КНР, было четко обозначено, что необходимо совершенствовать систему профессионального развития учителей, соединить систему вузовского педагогического образования с системой профессиональной переподготовки учителей [7]. Таким образом, впервые в официальном государственном документе Китая была сформулирована идея создания системы непрерывного профессионального развития учителей в Китае. В связи с этим с конца XX в. в китайском профессиональном педагогическом сообществе начали проводиться всесторонние теоретические и практические исследования по проблемам интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае, и уже достигнут определенный значимый результат.

Целью данного исследования является определение сущности интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае, анализ ее ключевых элементов и выявление существующих проблем на основе изучения и анализа педагогических и методических работ по проблеме исследования.

Материал и методы

Методологической основой данного исследования послужили научные публикации ученых Китая и других стран, а также официальные документы по образованию в Китае. В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ, обобщение научно-педагогической литературы в целях уточнения понятия «интеграция» в профессиональном образовании и профессиональном развитии учителей в Китае; изучение, анализ и обобщение ключевых элементов и существующих проблем в процессе интеграции профессионального образования в Китае.

Интеграция в системе образования в настоящее время является актуальной темой научно-педагогического исследования во многих странах, в том числе в Китае. Многие ученые на основе своих научных изысканий и собственного педагогического опыта определили понятие «интеграция» примени-

тельно к педагогическому образованию и профессиональному развитию учителей.

Цю Сюэуа и Сюнь Юань в своих исследованиях отмечают, что интеграция в данном образовании представляет собой ответ на давнюю проблему отсутствия тесной связи между различными этапами образования и между теорией и практикой в процессе обучения в Китае. Интеграция в профессиональном развитии учителей является процессом, направленным на создание системы непрерывной профессиональной подготовки учителей и повышение качества образования и учительских кадров. Многие исследователи утверждают, что интеграция в педагогическом образовании подразумевает интеграцию целей обучения, учебных программ, этапов названного образования и т. д. [8, 9].

Интеграция в педагогическом образовании относится к процессу непрерывного содействия совместному использованию образовательных ресурсов между высшими учебными заведениями, местным правительством и организациями переподготовки учителей, а также школами для повышения качества учительских кадров. Изменение понимания традиционного единовременного образования является основой для интеграции педагогического образования, далее она может быть реализована с помощью «интеграции целей обучения, учебной программы, учебного процесса, а также стандартов, моделей и оценки эффективности обучения, чтобы эффективно реорганизовать и построить новую систему педагогического образования и подготовить больше учителей, отвечающих потребностям социального развития» [10, с. 63].

Гао Шурэн и Сон Дан считают, что интеграция педагогического образования в определенной степени является формой комплексной углубленной реформы образования, способствует научно обоснованному и рациональному развитию педагогического образования и оптимизации распределения образовательных ресурсов. Она направлена на изучение новых отношений развития и моделей развития в педагогическом образовании, а также на координацию развития образования на различных этапах. Интеграция педагогического образования требует «проведения педагогической деятельности на основе интегрированных целей обучения и закона развития образования для повышения эффективности профессиональной подготовки учителей» [11, с. 18].

В Китае немало ученых считают, что интеграция в педагогическом образовании означает, что систему образования необходимо рассматривать как непрерывный процесс, ее каждый этап и каждая часть должны быть взаимосвязаны и взаимодействовать друг с другом. При проектировании

целей и содержания обучения на разных этапах подготовки необходимо учитывать закономерности развития учителей. В системе образования каждый этап подготовки является как независимым, так и непрерывным одновременно. Ключевая задача в процессе интеграции профессионального развития учителей – регулировать отношение между его этапностью и непрерывностью [12, 13].

Некоторые китайские ученые полагают, что интеграция является новой моделью реформы педагогического образования. «Обучение в течение всей жизни» – руководящая идеология интеграции в педагогическом образовании, определяющая общее проектирование учебного плана и содержания обучения, объединяющая все его этапы. Ее цель – координировать образовательные ресурсы и изменить текущее состояние разделения в системе образования. Интеграция в педагогическом образовании означает интегрированную и совершенную систему образования, каждая часть которой обладает своими собственными характеристиками и преимуществами в процессе подготовки учителей, отвечающих требованиям общества [14, 15].

Немало китайских исследователей единодушно полагают, что в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей существуют два вида интеграции: внутренняя и внешняя. К внутренней относится интеграция внутри одной дисциплины, одной специальности, одного предмета, одной педагогической деятельности и т. д., а к внешней – создание общего образовательного пространства, интеграция различных видов учебных заведений, интеграция различных дисциплин, видов педагогической деятельности и др. [16–18].

Результаты и обсуждение

1. Сущность интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае

В результате анализа научных работ китайских ученых можно сделать вывод о том, что интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей является неизбежным требованием к профессионализму учительских кадров и их непрерывному профессиональному развитию, а также основной тенденцией реформы и развития системы педагогического образования в Китае.

Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей реализуется на основе образовательной идеологии «обучение в течение всей жизни», она должна соответствовать принципу объединения и оптимизации образовательных ресурсов, создавать систему профессиональной подготовки учителей, характеризующуюся целостностью, рациональностью в структуре обучения и научностью его содержания; непрерыв-

ностью, этапностью и последовательностью в организации деятельности; разумностью в управлении. Точнее говоря, интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей проявляется в следующем. Во-первых, профессиональное развитие учителей рассматривается как непрерывный цельный процесс, в котором все этапы подготовки учителей, в основном этапы вузовского и послевузовского педагогического образования, должны быть интегрированными, взаимосвязанными и скоординированными. Во-вторых, важно уважать и ценить особенности профессионального развития учителей на каждом этапе, проектировать цели, содержание и задачи обучения на каждом этапе, определить методы их достижения. В-третьих, система профессиональной подготовки учителей должна быть расширена. В процессе профессионального развития учителей активно совместно участвуют педагогические и общие высшие учебные заведения, организации переподготовки учителей, школы, местное правительство, все они взаимодействуют и используют свои преимущества в целях повышения качества учительских кадров.

Интеграцию педагогического образования в Китае в общем можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя интеграция в профессиональном развитии учителей – это интеграция между различными элементами системы непрерывного педагогического образования, такими как постановка целей обучения, реализация учебной программы, реализация учебного процесса, учительские кадры и использование различных образовательных ресурсов и т. д. Внешняя интеграция означает соединение различных этапов подготовки учителей, создание общего образовательного пространства между участниками профессиональной подготовки учителей, подчеркивает тесную связь между педагогическим образованием и общим образованием, взаимное сотрудничество между преподавателями и учителями и др.

2. Основные участники интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае и их роль

Известно, что вузовское педагогическое образование в современном Китае обычно реализуется в высших учебных заведениях. Послевузовское образование, т. е. переподготовка учителей, реализуется в высших учебных заведениях в период летних каникул (на основе сотрудничества с школами или по приказу местного правительства), в организациях профессиональной переподготовки учителей и школе в выходные дни (на основе графика работы школы). По требованию Министерства образования КНР переподготовка для каждого учителя в течение 3 лет должна составлять не менее 360 учебных часов.

Основными участниками интеграции в профессиональном образовании являются: местное правительство, высшие учебные заведения, организации профессиональной переподготовки учителей и школы. Местное правительство обычно несет ответственность за контингент учительских кадров (достаточное количество, разумная структура, высокое качество). Интеграция в профессиональном развитии учителей полностью соответствует интересам и требованиям правительства и общества. В то же время местное правительство может оказать наибольшую поддержку в интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей, например, политика и официальные документы по образованию, в которых формулируется основное направление, общие цели, содержание и требования к интеграции профессиональной подготовки учителей, определена ответственность каждого участников и т. д. Кроме того, оно предоставляет фонды, различные материальные ресурсы, платформы для коммуникации и сотрудничества и др. Можно сделать вывод, что правительство играет ведущую роль в построении всего механизма интеграции непрерывного профессионального развития учителей в Китае.

Высшие учебные заведения, такие как педагогические и общие колледжи, институты, университеты, в качестве важных участников в интеграции педагогического образования обычно оказывают сильное теоретическое обеспечение и руководство и предоставляют выдающиеся преподавательские кадры. Кроме того, основные учебные программы и учебные материалы при интеграции в педагогическом образовании обычно проектируются и разрабатываются высшими учебными заведениями.

В отличие от высших учебных заведений, организации профессиональной переподготовки учителей и школы мало участвуют в проектировании учебных программ для непрерывного профессионального развития учителей, чаще выступая «исполнителями» в интеграции в профессиональном развитии учителей [5]. С связи с этим практические требования учителей и школ к содержанию обучения профессиональной переподготовки часто игнорируются при создании и проектировании учебных программ при интеграции педагогического образования.

3. Ключевые элементы интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае

Данные элементы включают в себя определение интегрированных целей профессиональной подготовки, создание интегрированной системы учебных программ и аттестации квалификации учителей, а также интеграцию образовательных учреждений, участвующих в профессиональной подго-

товке учителей (высшие учебные заведения, организации по переподготовке учителей и школы) и интеграцию образовательных ресурсов. Далее анализируем данные элементы интеграции в педагогическом образовании по примеру популярной модели «U-G-S» (т. е. «university», «government» и «schools»).

(1) Интеграция целей педагогического образования и профессионального развития учителей

Цели профессионального развития учителей – это конкретизация образовательных целей различных учебных заведений на всех уровнях (колледжей, институтов, университетов и организаций по переподготовке учителей). На формирование целей непрерывного профессионального развития учителей чаще всего влияют такие факторы, как социальные потребности, реформы и развитие общего образования, типы школ и др. Принимая во внимание особенности профессионального развития учителей на каждом этапе, постановка целей педагогического образования должна соответствовать основным закономерностям профессионального роста учителей.

Интеграция целей педагогического образования в Китае в основном проявляется в том, что цели вузовского и послевузовского педагогического образования связаны друг с другом, но также выделяют ключевые части каждого этапа профессионального развития учителей для формирования разумной последовательности уровней. Общая цель педагогического образования – подготовка учителей с высокими профессиональными качествами, со способностью к обучению и исследованию в течение всей жизни. Вузовское педагогическое образование направлено на создание у будущих учителей профессиональной основы (в основном теоретической), оказание им помощи в овладении базовыми профессиональными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для обучения в школе и будущего непрерывного профессионального развития. Основной целью послевузовского педагогического образования, т. е. переподготовки учителей, является обучение учителей анализу и решению проблем на практике, повышение уровня их практической компетентности. Кроме того, при проектировании и создании целей переподготовки учителей необходимо учитывать профессиональный уровень учителей (начинающие учителя, квалифицированные учителя, выдающие учителя, учителя-исследователи и др.) и уровень их образования (бакалавр, магистр и аспирант).

(2) Интеграция системы учебных программ профессионального развития учителей

Учебная программа рассматривается как нормативный документ, в котором содержатся основные знания, умения и навыки, подлежащие усвоению

по каждой дисциплине. Учебная программа воплощает в себе образовательные мысли и концепции, являющиеся основой для достижения поставленных целей подготовки, для проектирования и реализации педагогической деятельности. Таким образом, система учебных программ профессиональной подготовки учителей напрямую определяет и влияет на качество педагогического образования. Укрепление взаимосвязи и содействие взаимодействию учебных программ непрерывного педагогического образования на всех этапах являются ядром интеграции в профессиональном развитии учителей [19]. В настоящее время Министерство образования КНР выпустило документы «Стандарты учебных программ педагогического образования» (2011 г.) и «Профессиональные стандарты учителей» (2012 г.), которые рассматриваются как основа для построения интегрированной системы учебных программ подготовки учителей. Кроме того, в процессе создания учебных программ профессиональной подготовки учителей следует думать об особенностях различных уровней образования (дошкольное образование, начальное образование, общее среднее образование и др.), уровней образовательных программ (бакалавриат, магистр и аспирант), этапов развития (вузовского педагогического образования, деятельности в качестве начинающего учителя, деятельности опытного учителя и, наконец, учителя-исследователя).

(3) Интеграция образовательных учреждений, реализующих педагогическое образование

Интеграция образовательных учреждений, реализующих педагогическое образование, является ключевым звеном для достижения поставленных целей и реализации учебных программ профессиональной подготовки учителей. Местное правительство, университет, школы и организации по переподготовке учителей сотрудничают и вместе участвуют в процессе подготовки учителей и их профессиональном развитии. Интеграция образовательных учреждений реализуется посредством усиления общей координации и управления с помощью местного правительства. В модели интеграции «U-G-S» местное правительство как управитель и наблюдатель координирует отношения между всеми участниками, предоставляет политическое и финансовое обеспечение, контролирует выполнение всеми участниками своих обязанностей и задач, защищает их права и интересы. В качестве «дизайнера» и основного участника данной интеграции высшие учебные заведения проектируют и создают общую структуру и учебные программы, предоставляют школам и организациям по переподготовке учителей теоретическое руководство и учебные материалы. И школы, и организации по переподготовке учителей обеспечивают базу для проведения пе-

дагогической практики и образовательных экспериментов высших учебных заведений, выявляют потребности учителей в повышении профессиональной компетентности, активно организуют участие учителей в переподготовке [20].

(4) Интеграция аттестации квалификации учителей.

Аттестация квалификации учителей – важная часть интеграции в профессиональном образовании, она тесно связана с профессиональным развитием учителей. С 1995 г. в Китае действует система аттестации квалификации учителей, внедрение которой сыграло важную роль в регулировании стандартов назначения учителей, содействии их профессиональному развитию и также в повышении качества вузовского педагогического образования [21]. Аттестация квалификации учителей происходит один раз в 5 лет, организуется местным департаментом образования. Учитель сначала должен представить заявку и другие необходимые документы в учебные заведения, где он работает, для проверки и утверждения квалификационной категории учителя. Далее он подает все готовые материалы в местный департамент образования. Основное содержание аттестации квалификации учителей является следующим: профессиональная этика учителей и их профессиональные знания, умения и навыки, инновационная способность, способность к рефлексии и исследованию и т. д. Интеграция аттестации квалификации учителей сосредоточена не только на качестве начинающих учителей, но и в повышении квалификации учителей (I, II, III и высшая категории) в соответствии с требованиями разных специальностей, различных образовательных систем и всех этапов профессионального развития учителей.

(5) Интеграция образовательных ресурсов

Интеграция образовательных ресурсов в педагогическом образовании направлена на оптимизацию их распределения на различных этапах обучения и в различных образовательных учреждениях и на повышение эффективности их использования. В связи с этим при интеграции образовательных ресурсов необходимо создать механизм управления данными образовательными ресурсами, чтобы преодолеть ограничения в их распределении и использовании. В информационном обществе необходимо полностью использовать современные информационные технологии для создания сетевых ресурсов профессионального образования и платформ онлайн-обучения, чтобы эффективно использовать существующие ресурсы, максимально способствовать непрерывному профессиональному развитию учителей.

Преподаватели и учителя – важный человеческий ресурс, который необходимо рационально

«использовать» в процессе профессионального развития учителей. Высшие учебные заведения, организующие педагогическое образование, могут приглашать опытных и выдающихся учителей на занятия, чтобы участвовать в вузовском педагогическом образовании и делиться собственным практическим опытом со студентами. При наличии общего образовательного пространства преподаватели и студенты (будущие учителя) могут посещать уроки в школе и занятия по переподготовке учителей, всесторонне познавать и понимать профессию учителя и текущее состояние общего образования, усилив связь полученных теоретических знаний с практической деятельностью в школе.

4. Существующие проблемы в практике интеграции в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае

Хотя интеграция педагогического образования в Китае достигла определенных результатов на практике, но по ряду причин здесь остается еще немало проблем.

В течение долгого времени в Китае вузовское педагогическое образование и профессиональная переподготовка учителей оставались традиционно независимыми и почти не связанными друг с другом. Хотя в последние годы здесь постепенно создавалось интегрированное образовательное пространство, состоящее из педагогических институтов и университетов, общих высших учебных заведений, организаций профессиональной переподготовки учителей и школ. Однако большинство из этих участников недостаточно понимают цели и значение сотрудничества и объединения, а также у них отсутствует осведомленность об общей деятельности при реализации педагогического образования. Они практически разделены в процессе проведения профессиональной подготовки учителей [22]. Многие педагогические институты и университеты создали отделы для проведения профессиональной переподготовки учителей школ, но эти отделы также мало связаны с факультетами или институтами, реализующими направление подготовки «Педагогическое образование», потому что они находятся под различными системами управления высших учебных заведений. Это также приводит к нарушению непрерывности профессионального развития учителей и не способствует повышению качества учительских кадров в Китае.

В связи с отсутствием эффективной коммуникации и обмена информацией между различными участниками профессиональной подготовки учителей при определении цели и содержания обучения внимание данных участников больше уделяется собственным текущим задачам, что приводит к отсутствию системности и согласованности целей обучения и содержания учебных программ на всех

этапах профессионального развития учителей. Кроме того, в процессе реализации педагогического образования в Китае давно существовала проблема упора на теоретические знания и пренебрежения практическими умениями и навыками, особенно в процессе профессиональной переподготовки учителей, что привело к неспособности удовлетворить практические потребности учителей, и это противоречит первоначальному замыслу организации профессиональной переподготовки учителей.

В профессиональной переподготовке учителей также отсутствуют качественные преподавательские кадры. Преподаватель, работающий в системе переподготовки учителей, должен не только обладать высоким уровнем теоретических знаний, но также иметь глубокое понимание и исследование практической деятельности общего образования. Однако в настоящее время работа по переподготовке учителей осуществляется в основном преподавателями университетов. Хотя они обладают обширными и богатыми теоретическими знаниями, но не имеют практического опыта обучения в школе. Поэтому они не могут использовать теоретические знания для анализа проблем, с которыми сталкиваются учителя на практике в школе. Это привело к низкой эффективности профессиональной переподготовки учителей и также не способствует их профессиональному развитию.

Способствовать эффективному общению и взаимодействию между всеми этапами профессионального развития учителей и различными участниками обучения, укреплять преемственность содержания профессиональной подготовки учителей и повышать качество преподавательских кадров для переподготовки является важной задачей для

дальнейшего развития интеграции в профессиональном развитии учителей в будущем.

Заключение

Интеграция в педагогическом образовании и профессиональном развитии учителей в Китае обусловлена требованиями государства и общества к профессионализму учителей, их непрерывному профессиональному развитию и влиянием зарубежной образовательной идеологии «обучение в течение всей жизни». Интеграция в профессиональном развитии учителей в Китае направлена на создание системы непрерывного педагогического образования, в которой каждый этап является относительно независимым, но также интегрированным и связанным для усиления этапности и непрерывности профессионального развития учителей. В процессе интеграции педагогического образования активно участвуют и выполняют свои соответствующие роли местное правительство, высшие учебные заведения, школы и другие образовательные учреждения. Интеграция в педагогическом образовании в основном отражается в интеграции целей обучения, учебных программ, образовательных учреждений, аттестации квалификации учителей и образовательных ресурсов. Однако в силу различных субъективных и объективных причин в данной интеграции в Китае по-прежнему существует много проблем: нехватка эффективного общения и обмена важной информацией на разных этапах подготовки учителей в образовательных учреждениях привела к слабой преемственности целей и содержания профессиональной подготовки учителей; отсутствуют качественные преподавательские кадры для переподготовки учителей и т. д.

Список литературы

1. James E. J. F. Report of Committee of Enquiry into Teacher Education and Training. URL: <http://www.educationengland.org.uk/documents/james/james1972.html> (дата обращения: 19.10.2021).
2. 赵中建. 国际教育大会第45届会议的建议. 外国教育资料. 1997. № 6. 4–9页. Чжао Чжунцзянь. Рекомендации от XLV Международной образовательной конференции // Зарубежные учебные материалы. 1997. № 6. С. 4–9.
3. 王军. 论作为专业教育的教师教育: 内涵、特征与路径. 教师教育研究. 2019. № 4. 7–15页. Ван Цзюнь. Педагогическое образование как вид специального образования: смысл, особенности и пути // Исследование педагогического образования. 2019. № 4. С. 7–15.
4. 陈金平. 大数据时代的大学英语教师职业发展. 当代外语研究. 2014. № 4. 35–38页. Чэнь Цзиньпин. Повышение квалификации преподавателей английского языка в эпоху больших данных // Современные исследования иностранного языка. 2014. № 4. С. 35–38.
5. 钱军平. 从观念到行动: 教师教育一体化的困境与出路. 教师教育论坛. 2015. № 9. 19–25页. Цянь Цзюньпин. От концепции к действию: трудность и меры решения в интеграции педагогического образования // Форум педагогического образования. 2015. № 9. С. 19–25.
6. 余莲. 教师教育一体化的现状. 问题与对策. 2013. № 3. 26–31页. Юй Лянь. Интеграция педагогического образования: состояние, проблемы и меры для решения // Форум педагогического образования. 2013. № 3. С. 26–31.
7. 高芳. 教师博客: 教师专业发展的重要路径. 成人教育. 2010. № 10. 71–72页. Гао Фан. Блок учителей: Важный путь для профессионального развития учителей // Образование взрослых. 2010. № 10. С. 71–72.
8. 邱秀华. 国际教师教育的一体化趋势及其启示. 高教探索. 2005. № 2. 40–43页. Цю Сюэуа. Тенденция интеграции международного педагогического образования и ее опыт // Исследование высшего образования. 2005. № 2. С. 40–43.

9. 荀渊. 教师教育一体化改革的回顾与反思 // 教师教育研究. 2004. № 4. 8–12 页. Сюнь Юань. Обзор и размышления о реформе интеграции педагогического образования // Исследования педагогического образования. 2004. № 4. С. 8–12.
10. 饶玮, 夏泽胜. 我国教师教育一体化的理论反思与实践路径. 继续教育研究. 2015. № 8. 63–65 页. Жао Вэй, Ся Цзешэн. Теоретическое размышление и практический путь интеграции в педагогическом образовании в Китае // Исследование непрерывного образования. 2015. № 8. С. 63–65.
11. 高树仁, 宋丹. 区域教育一体化发展的机制创新. 区域教育改革与发展. 2014. № 4. 18–25 页. Гао Шурэн, Сон Дан. Инновация в механизме интеграции развития регионального образования // Реформа и развитие регионального образования. 2014. № 9. С. 18–25.
12. 肖瑶, 陈时见. 教师教育一体化的内涵与实现路径. 教育研究. 2013. № 8. 149–152 页. Сяо Яо, Чэнь Шицзянь. Коннотации и пути реализации интеграции педагогического образования // Образовательные исследования. 2013. № 8. С. 149–152.
13. 董吉贺. 推进教师教育一体化改革的几点建议. 继续教育研究. 2006. № 1. 93–96 页. Дун Джихэ. Некоторые предложения по продвижению реформы интеграции педагогического образования // Исследование о послевузовском образовании. 2006. № 1. С. 93–96.
14. 常宝宁. 教师教育一体化:本体特征与核心要素. 当代教育科学. 2013. №18. 3–5 页. Чанг Баонин. Интеграция педагогического образования: особенности и основные компоненты // Современная педагогические науки. 2013. № 18. С. 3–5.
15. 杨瑞. 论我国现代教师教育一体化实现路径. 继续教育研究. 2016. № 5. 102–104 页. Ян Жуй. Исследование о пути к реализации интеграции современного педагогического образования в Китае // Исследование непрерывного образования. 2016. № 5. С. 102–104.
16. 吕尚兰. 我国教师教育一体化研究探析. 科教导刊. 2010. № 11. 107–109 页. Лу Шанлань. Исследование и анализ интеграции педагогического образования в Китае // Научно-педагогический журнал. 2010. № 11. С. 107–109.
17. 张贵新, 饶从满. 关于教师教育一体化的认识与思考. 课程·教材·教法. 2002. № 22(4). 58–62 页. Чжан Гуйсинь, Жао Цунман. Понимание и размышление об интеграции педагогического образования // Учебная программа. Учебные материалы. Метод обучения. 2002. № 22 (4). С. 58–62.
18. 陶植生, 谢红星. 高等教育改革与发展. 兰州: 兰州大学出版社, 2007. 441 页. Тао Чжэшэн, Се Хунсин. Реформа и развития высшего образования. Ланьчжоу: изд-во Ланьчжоуского ун-та, 2007. 441 с.
19. 曾本友. 内在一体化: 教师教育一体化的新突破. 学术评论. 2008. № 3. 67–69 页. Цзэн Бэнью. Внутренняя интеграция: новый прорыв в интеграции педагогического образования // Академическое обозрение. 2008. № 3. С. 67–69.
20. 刘益春, 李广, 高秀. “U-G-S”教师教育模式实践探索 – 以“教师教育创新东北实验区”建设为例. 教育研究. 2014. № 8. 107–112 页. Лю Ичунь, Ли Гуан, Гао Хан. Исследование практики модели педагогического образования „U-G-S“ – на примере построения Северо-восточной экспериментальной зоны педагогического образования // Образовательное исследование. 2014. № 8. С. 107–112.
21. 余桥, 林群, 吴节义. 教师教育一体化过程中的问题分析与策略初探. 绵阳师范学院学报. 2009. № 12. 123–126 页. Юй Цяо, Линь Цюнь, У Цзеи. Исследование о проблемах и методах решения в процессе интеграции педагогического образования // Журнал педагогического университета Мянъян. 2009. № 12. С. 123–126.
22. 徐莉. 对我国教师在职培训现存问题的思考. 教师教育研究. 2004. № 4. 21–25 页. Сюй Ли. Размышления о существующих проблемах повышения квалификации учителей в Китае // Исследование педагогического образования. 2004. № 4. С. 21–25.

References

1. James E. J. F. *Report of Committee of Enquiry into Teacher Education and Training*. URL: <http://www.educationengland.org.uk/documents/james/james1972.html> (accessed 19 October 2021).
2. 赵中建. 国际教育大会第45届会议的建议. 外国教育资料. 1997. № 6. 4–9 页. Zhao Zhongjian [Recommendations of the 45th session of the International Education Conference]. *Zarubezhnye uchebnye materialy – Foreign educational materials*, 1997, no. 6, pp. 4–9 (in Chinese).
3. 王军. 论作为专业教育的教师教育: 内涵、特征与路径. 教师教育研究. 2019. № 4. 7–15 页. Wang Jun [Teacher education as a type of special education: meaning, features and ways]. *Issledovaniye pedagogicheskogo obrazovaniya – Research of teacher education*, 2019, no. 4, pp. 7–15 (in Chinese).
4. 陈金平. 大数据时代的大学英语教师职业发展. 当代外语研究. 2014. № 4. 35–38 页. Chen Jinping. Ot kontseptsii k deystviyu: trudnosti i mery resheniya v integratsii pedagogicheskogo obrazovaniya [Improving the qualifications of English teachers in the era of big data]. *Sovremenyie issledovaniya inostrannogo yazyka – Modern studies of foreign languages*, 2014, no. 4, pp. 35–38 (in Chinese).
5. 钱军平. 从观念到行动: 教师教育一体化的困境与出路. 教师教育论坛. 2015. № 9. 19–25 页. Qian Junping [Integration in the system of teacher education in China]. *Forum pedagogicheskogo obrazovaniya – Forum for Teacher Education*, 2015, no. 9, pp. 19–25 (in Chinese).
6. 余莲. 教师教育一体化的现状. 问题与对策. 2013. № 3. 26–31 页. Yu Lian [The current situation, problems and countermeasures of the integration of teacher education]. *Forum pedagogicheskogo obrazovaniya – Forum of pedagogical education*, 2013, no. 3, pp. 26–31 (in Chinese).

7. 高芳. 教师博客: 教师专业发展的重要路径. 成人教育. 2010. № 10. 71–72页. Gao Fang [An important path for professional development of teachers]. *Obrazovanie vzroslykh – Adult education*, 2010, no. 10, pp. 71–72 (in Chinese).
8. 邱秀华. 国际教师教育的一体化趋势及其启示. 高教探索. 2005. № 2. 40–43页. Qiu Xiuhua [The trend of integration of international pedagogical education and its experience]. *Issledovaniye vysshego obrazovaniya – Research of higher education*, 2005, no. 2, pp. 40–43 (in Chinese).
9. 荀渊. 教师教育一体化改革的回顾与反思 // 教师教育研究. 2004. № 4. 8–12页. Xun Yuan [Review and Reflections on the Reform of Integration of Pedagogical Education]. *Issledovaniye pedagogicheskogo obrazovaniya – Research in Pedagogical Education*, 2004, no. 4, pp. 8–12 (in Chinese).
10. 饶玮, 夏泽胜. 我国教师教育一体化的理论反思与实践路径. 继续教育研究. 2015. № 8. 63–65页. Zhao Wei, Xia Jiesheng [Theoretical Reflection and a Practical Way of Integration in Teacher Education in China]. *Issledovaniye nepreryvnogo obrazovaniya – Research on Continuous Education*, 2015, no. 8, pp. 63–65 (in Chinese).
11. 高树仁, 宋丹. 区域教育一体化发展的机制创新. 区域教育改革与发展. 2014. № 4. 18–25页. Gao Shuren, Song Dan [Innovation in the mechanism of integration of the development of regional education]. *Reforma i razvitiye regional'nogo obrazovaniya – Reform and development of regional education*, 2014, no. 9, pp. 18–25 (in Chinese).
12. 肖瑶, 陈时见. 教师教育一体化的内涵与实现路径. 教育研究. 2013. № 8. 149–152页. Xiao Yao, Chen Shijian [The connotation and realization path of the integration of teacher education]. *Obrazovatel'nye issledovaniya – Educational research*, 2013, no. 8, pp. 149–152 (in Chinese).
13. 董吉贺. 推进教师教育一体化改革的几点建议. 继续教育研究. 2006. № 1. 93–96页. Dong Jihe [Some suggestions for promoting the reform of the integration of teacher education]. *Issledovaniye o poslevuzovskom obrazovanii – Research on postgraduate education*, 2006, no. 1, pp. 93–96 (in Chinese).
14. 常宝宁. 教师教育一体化: 本体特征与核心要素. 当代教育科学. 2013. № 18. 3–5页. Chang Baoning [Integration of teacher education: features and basic components]. *Sovremennye pedagogicheskiye nauki – Modern pedagogical sciences*, 2013, no. 18, pp. 3–5 (in Chinese).
15. 杨瑞. 论我国现代教师教育一体化实现路径. 继续教育研究. 2016. № 5. 102–104页. Yang Rui [Research on the path to the implementation of the integration of modern teacher education in China]. *Issledovaniye nepreryvnogo obrazovaniya – Research of lifelong education*, 2016, no. 5, pp. 102–104 (in Chinese).
16. 吕尚兰. 我国教师教育一体化研究探析. 科教导刊. 2010. № 11. 107–109页. Lu Shanglan [Research and analysis of the integration of teacher education in China]. *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal – Scientific and pedagogical journal*, 2010, no. 11, pp. 107–109 (in Chinese).
17. 张贵新, 饶从满. 关于教师教育一体化的认识与思考. 课程·教材·教法. 2002. № 22(4). 58–62页. Zhang Guixin, Zhao Tsunman [Understanding and Reflection on the Integration of teacher education]. *Uchebnaya programma. Uchebnye materialy. Metod obucheniya – Curriculum. Educational materials. Teaching method*, 2002, no. 22 (4), pp. 58–62 (in Chinese).
18. 陶榕生, 谢红星. 高等教育改革与发展. 兰州: 兰州大学出版社, 2007. 441页. Tao Zhesheng, Xie Hongxing [Reform and development of higher education: monograph]. Lanzhou, Lanzhou University Press, 2007. 441 p. (in Chinese).
19. 曾本友. 内在一体化: 教师教育一体化的新突破. 学术评论. 2008. № 3. 67–69页. Zeng Benyu [Internal integration: a new breakthrough in the integration of teacher education]. *Akademicheskoye obozreniye – Academic review*, 2008, no. 3, pp. 67–69 (in Chinese).
20. 刘益春, 李广, 高夯. “U-G-S”教师教育模式实践探索 – 以“教师教育创新东北实验区”建设为例. 教育研究. 2014. № 8. 107–112页. Liu Yichun, Li Guang, Gao Hang [«U-G-S» Teacher Education Model Practice Exploration – Taking the Construction of «Teacher Education Innovation Northeast Experimental Zone» as an example]. *Obrazovatel'noye issledovaniye – Educational Research*, 2014, no. 8, pp. 107–112 (in Chinese).
21. 余桥, 林群, 吴节义. 教师教育一体化过程中的问题分析与策略初探. 绵阳师范学院学报. 2009. № 12. 123–126页. Yu Qiao, Lin Qun, Wu Jie [Research on the problems and methods of solution in the process of integrating teacher education]. *Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Myanyan – Journal of the Mianyang Pedagogical University*, 2009, no. 12, pp. 123–126 (in Chinese).
22. 徐莉. 对我国教师在职培训现存问题的思考. 教师教育研究. 2004. № 4. 21–25页. Xu Li [Reflections on the existing problems of professional development of teachers in China]. *Issledovaniye pedagogicheskogo obrazovaniya – Research of pedagogical education*, 2004, no. 4, pp. 21–25 (in Chinese).

Информация об авторах

Ли Бин, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Li Bing, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 08.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

